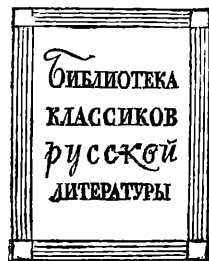

Гук, Гекрасол

Н. А. НЕКРАСОВ

СОЧИНЕНИЯ

В ТРЕХ ТОМАХ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Москва

Н. А. НЕКРАСОВ

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ

1

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

1 9 5 9

Оформление художника
Н. К Р Ы Л О В А

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Настоящее издание — Сочинения Н. А. Некрасова в трех томах — содержит стихотворения и поэмы. В основу этого издания положено Полное собрание сочинений и писем Н. А. Некрасова, Гослитиздат, 1948—1953, с дополнительной сверкой текстов по прижизненным публикациям, что позволило в ряде случаев уточнить тексты и датировку отдельных произведений.

Произведения печатаются в хронологическом порядке.

Первый том составляют стихотворения и поэмы 1845—1863 гг.; второй том — стихотворения и поэмы 1864—1877 гг., «Юмористические стихотворения» и стихотворения, не включавшиеся Н. А. Некрасовым в собрания его сочинений; третий том — поэмы «Современники» и «Кому на Руси жигь хорошо».

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

СОВРЕМЕННАЯ ОДА

Украшают тебя добродетели,
До которых другим далеко,
И — беру небеса во свидетели —
Уважаю тебя глубоко...

Не обидишь ты даром и гадины,
Ты помочь и злодею готов,
И червонцы твои не украдены
У сирот беззащитных и вдов.

В дружбу к сильному влезть не желаешь ты,
Чтоб успеху делишек помочь,
И без умыслу с ним оставляешь ты
С глазу на глаз красавицу дочь.

Не гнушаешься темной породой:
«Братья нам по Христу мужички!»
И родню свою длиннородую
Не гоняешь с порога в толчки.

Не спрошу я, откуда явилось,
Что теперь в сундуках твоих есть;
Знаю: с неба к тебе все свалилось
За твою добродетель и честь!..

Украшают тебя добродетели,
До которых другим далеко,
И — беру небеса во свидетели —
Уважаю тебя глубоко...

В ДОРОГЕ

— Скучно! скучно!.. Ямщик удалой,
Разгони чем-нибудь мою скуку!
Песню, что ли, приятель, запой
Про рекрутский набор и разлуку;
Небылицей какой посмеши
Или, что ты видал, Расскажи,—
Буду, братец, за все благодарен.

«Самому мне невесело, барин:
Сокрушила злодейка жена!..
Слышь ты, смолоду, сударь, она
В барском доме была учена
Вместе с барышней разным наукам,
Понимаешь-ста, шить и вязать,
На варгане играть и читать —
Всем дворянским манерам и штукам.
Одевалась не то, что у нас
На селе сарафанницы наши,
А, примерно представить, в атлас;
Ела вдоволь и меду и каши.
Вид вальяжный имела такой,
Хоть бы барыне, слышь ты, природной,
И не то что наш брат крепостной,
Тоись, сватался к ней благородный
(Слышь, учитель-ста врезамшись был,
Баит кучер, Иваныч Торопка),—
Да, знать, счастья ей бог не судил:
Не нужна-ста в дворянстве холопка!

Вышла замуж господская дочь,
Да и в Питер... А справивши свадьбу,
Сам-ат, слышь ты, вернулся в усадьбу,
Захворал и на Троицу в ночь
Отдал богу господскую душу,
Сиротинкой оставивши Грушу...
Через месяц приехал зятек —
Перебрал по ревизии души
И с запашки ссадил на оброк,
А потом добрался и до Груши.
Знать, она согрubiла ему
В чем-нибудь али на просто тесно
Вместе жить показалось в дому,
Понимаешь-ста, нам неизвестно,—
Воротил он ее на село —
Знай-де место свое ты, мужичка!
Взвыла девка — крутенько пришло:
Белоручка, вишь ты, белоличка!

Как на грех, девятнадцатый год
Мне в ту пору случись... посадили
На тягло — да на ней и женили...
Тоись, сколько я нажил хлопот!
Вид такой, понимаешь, суровый...
Ни косить, ни ходить за коровой!..
Грех сказать, чтоб ленива была,
Да, вишь, дело в руках не спорилось!
Как дрова или воду несла,
Как на барщину шла — становилось
Инда жалко подчас... да куды! —
Не утешись ее и обновкой:
То натерли ей ногу коты,
То, слышь, ей в сарафане неловко.
При чужих и туда и сюда,
А укладкой ревет, как шальная...
Погубили ее господа,
А была бы бабенка лихая!

На какой-то патрет все глядит
Да читает какую-то книжку...
Инда страх меня, слышь ты, щемит,
Что погубит она и сынишку:
Учит грамоте, моет, стрижет,

Словно б́арченка, каждый день чешет,
Бить не бьет — бить и мне не дает...
Да недолго пострела потешит!
Слышь, как щепка худа и бледна,
Ходит, тоись, совсем через силу,
В день двух ложек не съест толокна —
Чай, свалим через месяц в могилу...
А с чего?.. Видит бог, не томил
Я ее безустанной работой...
Одевал и кормил, без пути не бранил,
Уважал, тоись, вот как, с охотой...
А, слышь, бить — так почти не бивал,
Разве только под пьяную руку...»

— Ну, довольно, ямщик! Разогнал
Ты мою неотвязную скуку!..

ПЬЯНИЦА

Жизнь в трезвом положении
Куда нехороша!
В томительном борении
Сама с собой душа,
А ум в тоске мучительной...
И хочется тогда
То славы соблазнительной,
То страсти, то труда.
Все та же хата бедная —
Становится бедней,
И мать — старуха бледная —
Еще бледней, бледней.
Запуганный, задавленный,
С поникшей головой,
Идешь как обесславленный,
Гнушаясь сам собой;
Сгораешь злобой тайною...
На скудный твой наряд
С насмешкой неслучайною
Все, кажется, глядят.
Все, что во сне мерещится,
Как будто бы назло,
В глаза вот так и мечется
Роскошно и светло!
Все — повод к искушению,
Все дразнит и язвит
И руку к преступлению
Нетвердую манит...

Ах! если б часть ничтожную!
Старушку полечить,
Сестрам бы нероскошную
Обновку подарить!
Стряхнуть ярмо тяжелого,
Гнетущего труда,—
Быть может, буйну голову
Сносил бы я тогда!
Покинув путь губительный,
Нашел бы путь иной
И в труд иной — свежительный —
Поник бы всей душой.
Но мгла отвсюду черная
Навстречу бедняку...
Одна открыта торная
Дорога к кабаку.

* * *

Отрадно видеть, что находит
Порой хандра и на глупца,
Что иногда в морщины сводит
Черты и пошлого лица
Бес благородный скуки тайной,
И на искривленных губах
Какой-то думы чрезвычайной
Печать ложится; что в сердцах
И тех, чьих дел позорных повесть
Пройдет лишь в поздних племенах,
Не все же спит мертвецки совесть,
И, чуждый нас, не дремлет страх.
Что всем одно в дали грядущей —
Идем к безвестному концу,
Что ты, подлец, меня гнетущий,
Сам лижешь руки подлецу.
Что лопнуть можешь ты, обжора!
Что ты, великий человек,
Чьего презрительного взора
Не выносил никто вовек,
Ты лоб, как говорится, медный,
К кому все завистью полны,—
Дрожишь, как лист на ветке бедной,
Под башмаком своей жены.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

(Подражание Лермонтову)

Спи, пострел, пока безвредный!
Баюшки-баю.
Тускло смотрит месяц медный
В колыбель твою.
Стану сказывать не сказки —
Правду пропою;
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По губернии раздался
Всем отрадный клик:
Твой отец под суд попался —
Явных тьма улик.
Но отец твой — плут известный —
Знает роль свою.
Спи, пострел, покуда честный!
Баюшки-баю.

Подрастешь — и мир крещеный
Скоро сам поймешь,
Купишь фрак темно-зеленый
И перо возьмешь.
Скажешь: «Я благонамерен,
За добро стою!»
Спи — твой путь грядущий верен!
Баюшки-баю.

Будешь ты чиновник с виду
И подлец душой,
Провожать тебя я выду —
И махну рукой!
В день привыкнешь ты картинно
Спину гнуть свою...
Спи, пострел, пока невинный!
Баюшки-баю.

Тих и кроток, как овечка,
И крепонек лбом,
До хорошего местечка
Доползешь ужом —
И охулки не положишь
На руку свою.
Спи, покуда красть не можешь!
Баюшки-баю.

Купишь дом многоэтажный,
Схватишь крупный чин —
И вдруг станешь барин важный,
Русский дворянин.
Заживешь — и мирно, ясно
Кончишь жизнь свою...
Спи, чиновник мой прекрасный!
Баюшки-баю.

*

Я за то глубоко презираю себя,
Что живу — день за днем бесполезно губя;

Что я, силы своей не пытал ни на чем,
Осудил сам себя беспощадным судом,

И, лениво твердя: я ничтожен, я слаб!
Добровольно всю жизнь пресмыкался как раб;

Что, доживши кой-как до тридцатой весны,
Не скопил я себе хоть богатой казны,

Чтоб глупцы у моих пресмыкались ног,
Да и умник подчас позавидовать мог!

Я за то глубоко презираю себя,
Что потратил свой век, никого не любя,

Что любить я хочу... что люблю я весь мир,
А брожу дикарем — бесприютен и сир,

И что злоба во мне и сильна, и дика,
А хватаюсь за нож — замирает рука!

* * *

Пусть мечтатели осмеяны давно,
Пусть в них многое действительно смешно,
Но все же я скажу, что мне в часы разлуки
Отраднее всего, среди душевной муки,
Вспоминать о ней: усилием мечты
Из мрака вызывать знакомые черты,
В минуты горького раздумья и печали
Бродить по тем местам, где вместе мы гуляли, —
И даже иногда вечернею порой,
Любуясь бледною и грустною луной,
Припоминать тот сад, ту темную аллею,
Откуда мы луной пленялись вместе с нею,
Но, больше нашею любовью полны,
Чем тихим вечером и прелестью луны,
Влюбленные глаза друг к другу обращали
И в долгий поцелуй уста свои сливали...

* * *

Когда из мрака заблужденья
Горячим словом убежденья
Я душу падшую извлек,
И, вся полна глубокой муки,
Ты прокляла, ломая руки,
Тебя опутавший порок;

Когда забывчивую совесть
Воспоминанием казня,
Ты мне передавала повесть
Всего, что было до меня;

И вдруг, закрыв лицо руками,
Стыдом и ужасом полна,
Ты разрешилася слезами,
Возмущена, потрясена,—

Верь: я внимал не без участия,
Я жадно каждый звук ловил...
Я понял все, дитя несчастья!
Я все простил и все забыл.

Зачем же тайному сомненью
Ты ежечасно предана?
Толпы бессмысленному мненью
Ужель и ты покорена?

Не верь толпе — пустой и лживой,
Забудь сомнения свои,
В душе болезненно-пугливой
Гнетущей мысли не таи!

Грустя напрасно и бесплодно,
Не пригревай змеи в груди
И в дом мой смело и свободно
Хозяйкой полною войди!

ОГОРОДНИК

Не гулял с кистенем я в дремучем лесу,
Не лежал я во рву в непроглядную ночь,—
Я свой век загубил за девицу-красу,
За девицу-красу, за дворянскую дочь.

Я в немецком саду работал по весне,
Вот однажды сгребаю сучки да пою,
Глядь, хозяйская дочка стоит в стороне,
Смотрит в оба да слушает песню мою.

По торговым селам, по большим городам
Я недаром живал, огородник лихой,
Раскрасавиц девиц насмотрелся я там,
А такой не видал, да и нету другой.

Черноброва, статна, словно сахар бела!..
Стало жутко, я песни своей не допел.
А она — ничего, постояла, прошла,
Оглянулась: за ней как шальной я глядел.

Я слышал на селе от своих молодежи,
Что и сам я пригож, не уродом рожден,—
Словно сокол гляжу, круглолиц, белолиц,
У меня ль, молодца, кудри — чесаный лен...

Разыгралась душа на часок, на другой...
Да как глянул я вдруг на хоромы ее —
Посвистал и махнул молодецкой рукой
Да скорей за мужицкое дело свое!

А частенько она приходила с тех пор
Погулять, посмотреть на работу мою.
И смеялась со мной, и вела разговор:
Отчего приуныл? что давно не пою?

Я кудрями тряхну, ничего не скажу,
Только буйную голову свешу на грудь...
«Дай-ка яблоньку я за тебя посажу,
Ты устал, чай, пора уж тебе отдохнуть».

— Ну, пожалуй, изволь, госпожа, поучись,
Пособи мужику, поработай часок. —
Да как заступ брала у меня, смеючись,
Увидала на правой руке перстенок:

Очи стали темней непогодного дня,
На губах, на щеках разыгралась кровь.
— Что с тобой, госпожа? Отчего на меня
Неприветно глядишь, хмуришь черную бровь?

«От кого у тебя перстенок золотой?»
— Скоро старость придет, коли будешь все знать.
«Дай-ка я погляжу, несговорный какой!» —
И за палец меня белой рученькой хватя!

Потемнело в глазах, душу кинуло в дрожь,
Я давал — не давал золотой перстенок...
Я вдруг вспомнил опять, что и сам я пригож,
Да не знаю уж как — в щеку девицу чмок!..

Много с ней скоротал невозвратных ночей
Огородник лихой... В ясны очи глядел,
Расплетал, заплетал русу косыньку ей,
Целовал-миловал, песни волжские пел.

Мигом лето прошло, ночи стали свежей,
А под утро мороз под ногами хрустит.
Вот однажды, как я крался в горенку к ней,
Кто-то цап за плечо: «Держи вора!» кричит.

Со стыдом молодца на допрос привели,
Я стоял да молчал, говорить не хотел...
И красу с головы острой бритвой снесли,
И железный убор на ногах зазвенел.

Постегали плетью и уводят дружка
От родной стороны и от лапушки прочь,
На печаль и страду!.. Знать, любить не рука
Мужику-вахлаку да дворянскую дочь!

ПЕРЕД ДОЖДЕМ

Заунывный ветер гонит
Стаю туч на край небес.
Ель надломленная стонет,
Глухо шепчет темный лес.

На ручей, рябой и пестрый,
За листком летит листок,
И струей сухой и острой
Набегает холодок.

Полумрак на все ложится;
Налетев со всех сторон,
С криком в воздухе кружится
Стая галок и ворон.

Над проезжей таратайкой
Спущен верх, перед закрыт;
И «пошел!» — привстав с нагайкой,
Ямщику жандарм кричит...

Р О Д И Н А

И вот они опять, знакомые места,
Где жизнь отцов моих, бесплодна и пуста,
Текла среди пиров, бессмысленного чванства,
Разврата грязного и мелкого тиранства;
Где рой подавленных и трепетных рабов
Завидовал жизнью последних барских псов,
Где было суждено мне божий свет увидеть,
Где научился я терпеть и ненавидеть,
Но, ненависть в душе постыдно притая,
Где иногда бывал помещиком и я;
Где от души моей, довременно растленной,
Так рано отлетел покой благословенный,
И неребязческих желаний и тревог
Огонь томительный до срока сердце жег...
Воспоминания дней юности — известных
Под громким именем роскошных и чудесных, —
Наполнив грудь мою и злобой и хандрой,
Во всей своей красе проходят предо мной...

Вот темный, темный сад... Чей лик в аллее дальней
Мелькает меж ветвей, болезненно-печальный?
Я знаю, отчего ты плачешь, мать моя!
Кто жизнь твою сгубил... о! знаю, знаю я!..
Навеки отдана угрюмому невежде,
Не предавалась ты несбыточной надежде —
Тебя пугала мысль восстать против судьбы,
Ты жребий свой несла в молчании рабы...
Но знаю: не была душа твоя бесстрастна;
Она была горда, упорна и прекрасна,

И все, что вынести в тебе достало сил,
Предсмертный шепот твой губителю простил?..

И ты, делившая с страдальцей безгласной
И горе и позор судьбы ее ужасной,
Тебя уж также нет, сестра души моей!
Из дома крепостных любовниц и псарей
Гонимая стыдом, ты жребий свой вручила
Тому, которого не знала, не любила...
Но матери своей печальную судьбу
На свете повторив, лежала ты в гробу
С такой холодной и строгою улыбкой,
Что дрогнул сам палач, заплакавший ошибкой.

Вот серый, старый дом... Теперь он пуст и глух:
Ни женщин, ни собак, ни гаёров, ни слуг,
А встарь?.. Но помню я: здесь что-то всех давило,
Здесь в малом и в большом тоскливо сердце ныло.
Я к няне убежал... Ах, няня! сколько раз
Я слезы лил о ней в тяжелый сердцу час;
При имени ее впадая в умиление,
Давно ли чувствовал я к ней благоговенье?..

Ее бессмысленной и вредной доброты
На память мне пришли немногие черты,
И грудь моя полна враждой и злостью новой...
Нет! в юности моей, мятежной и суровой,
Отрадного душе воспоминанья нет;
Но все, что, жизнь мою опутав с первых лет,
Проклятьем на меня легло неотразимым,—
Всею начало здесь, в краю моем родимом!..

И с отвращением кругом кидая взор,
С отрадой вижу я, что срублен темный бор —
В томящий летний зной защита и прохлада,—
И нива выжжена, и праздно дремлет стадо,
Понутив голову над высохшим ручьем,
И набок валится пустой и мрачный дом,
Где вторил звону чаш и гласу ликований
Глухой и вечный гул подавленных страданий,
И только тот один, кто всех собой давил,
Свободно и дышал, и действовал, и жил...

ТРОЙКА

Что ты жадно глядишь на дорогу
В стороне от веселых подруг?
Знать, забило сердечко тревогу —
Все лицо твоё вспыхнуло вдруг.

И зачем ты бежишь торопливо
За промчавшейся тройкой вослед?..
На тебя, подбоченьясь красиво,
Загляделся проезжий корнет.

На тебя заглядеться не диво,
Полюбить тебя всякий не прочь:
Бьется алая лента игриво
В волосах твоих, черных как ночь;

Сквозь румянец щеки твоей смуглой
Пробивается легкий пушок,
Из-под брови твоей полукруглой
Смотрит бойко лукавый глазок.

Взгляд один чернобровый дикарки,
Полный чар, зажигающих кровь,
Старика разорит на подарки,
В сердце юноши кинет любовь.

Поживешь и попразднуешь вволю,
Будет жизнь и полна и легка...
Да не то тебе пало на долю:
За неряху пойдешь мужика.

Завязавши под мышки передник,
Перетянешь уродливо грудь,
Будет бить тебя муж-привередник
И свекровь в три погибели гнуть.

От работы и черной и трудной
Отдвнешь, не успевши расцвести,
Погрузишься ты в сон непробудный,
Будешь нянчить, работать и есть.

И в лице твоём, полном движенья,
Полном жизни, — появится вдруг
Выраженье тупого терпенья
И бессмысленный, вечный испуг.

И схоронят в сырую могилу,
Как пройдешь ты тяжелый свой путь,
Бесполезно угасшую силу
И ничем не согретую грудь.

Не гляди же с тоской на дорогу,
И за тройкой вослед не спеши,
И тоскливую в сердце тревогу
Поскорей навсегда заглуши!

Не нагнать тебе бешеной тройки:
Кони крепки, и сыты, и бойки, —
И ямщик под хмельком, и к другой
Мчится вихрем корнет молодой...

ПСОВАЯ ОХОТА

Провидению угодно было создать человека так, что ему нужны внезапные потрясения, восторг, порыв и хотя мгновенное забвение от житейских забот; иначе, в уединении, грубеет нрав и вселяются разные пороки.

(Р е у т, *Псовая охота.*)

1

Сторож вокруг дома господского ходит,
Злобно зевает и в доску колотит.

Мраком задернуты небо и даль,
Ветер осенний наводит печаль;

По небу тучи угрюмые гонит,
По полю листья — и жалобно стонет...

Барин проснулся, с постели вскочил,
В туфли обулся и в рог затрубил.

Вздрогнули сонные Ваньки и Гришки,
Вздрогнули все — до грудного мальчишки.

Вот, при дрожащем огне фонарей,
Двигутся длинные тени псарей.

Крик, суматоха!.. ключи зазвенели,
Ржавые петли уныло запели;

С громом выводят, поят лошадей,
Время не терпит — седлай поскорей!

В синих венгерках на заячьих лапках,
В остроконечных, неслыханных шалках

Слуги толпой подъезжают к крыльцу.
Любо глядеть — молодец к молодцу!

Хоть и худеньки у многих подошвы —
Да в сюртуках зато желтые прошвы,

Хоть с толокна животы подвело —
Да в позументах под каждым седло,

Конь — загляденье, собачек две своры,
Пояс черкесский, арапник и шпоры.

Вот и помещик. Долой картузы!
Молча он крутит седые усы,

Грозен осанкой и пышен нарядом,
Молча поводит властительным взглядом.

Слушает важно обычный доклад:
«Змейка ¹ издохла, в забойке Набат,

Сокол сбесился, Хандра захромала».
Гладит, нагнувшись, любимца Нахала,

И, сладострастно волнуясь, Нахал
На спину лег и хвостом завилял.

2

В строгом порядке, ускоренным шагом
Едут псари по холмам и оврагам.

Стало светать; проезжают селом —
Дым поднимается к небу столбом,

Гонится стадо, с мучительным стоном
Очеп ² скрипит (запрещенный законом);

Бабы из окон пугливо глядят,
«Глянь-ко, собаки!» — ребята кричат...

Вот поднимаются медленно в гору.
Чудная даль открывается взору:

Речка внизу под горою бежит,
Инеем зелень долины блеснит,

А за долиной, слегка беловатой,
Лес, освещенный зарей полосатой.

Но равнодушно встречают псаря
Яркую ленту огнистой зари,

И пробужденной природы картиной
Не насладился из них ни единый.

«В Банники ³, — крикнул помещик, — набрось! ⁴»
Борзовщики ⁵ разъезжаются врозь,

А предводитель команды собачьей,
В острове скрылся крикун-доезжий ⁶.

Горло завидное дал ему бог:
То затрубит оглушительно в рог,

То закричит: «Добирайся, собачки!
Да не давай ему, вору, потачки!»

То заорет: «Го-го-го! — ту!-ту!!-ту!!!»
Вот и нашли — залились на следу.

Варом-варит ⁷ закипевшая стая,
Внемлет помещик, восторженно тая,

В мощной груди занимается дух,
Дивной гармонией нежится слух!

Однопомётников лай музыкальный
Душу уносит в тот мир идеальный,

Где ни уплат в Опекунский совет,
Ни беспокойных исправников нет!

Хор так певуч, мелодичен и ровен,
Что твой Россини! что твой Бетховен!

3

Ближе и лай, и порсканье, и крик —
Вылетел бойкий русак-материк!

Гикнул помещик и ринулся в поле...
То-то раздолье помещицъей воле!

Через ручьи, буераки и рвы
Бешено мчится: не жаль головы!

В бурных движеньях — величие власти,
Голос проникнут могуществом страсти,

Очи горят благородным огнем —
Чудное что-то свершилось в нем!

Здесь он не струсит, здесь не уступит,
Здесь его Крез за миллионы не купит!

Буйная удадь не знает преград,
Смерть иль победа — ни шагу назад!

Смерть иль победа! (Но где ж, как не в буре,
И развернуться славянской натуре?)

Зверь отседает⁸, — и в смертной тоске
Плачет помещик, припавши к луке.

Зверя поймали — он дико кричит.
Мигот отпáзончил⁹, сам торочит¹⁰,

Гордый удачей любимой потехи,
В заячий хвост оттирает доспехи

И замирает, главу преклоня
К шее покрытого пеной коня.

Много травили, много скакали,
Гончих из острова в остров бросали,

Вдруг неудача: Свиреп и Терзай
Кинулись в стадо, за ними Ругай,

Следом за ними Угар и Замашка —
И растерзали в минуту барашка!

Барин велел возмутителей сечь,
Сам же держал к ним суровую речь.

Прыгали псы, огрызались и выли
И разбежались, когда их пустили.

Рёвма-ревет злополучный пастух,
За лесом кто-то ругается вслух.

Барин кричит: «Замолчи, животное!»
Не унимается бойкий детина.

Барин озлился и скачет на крик,
Струсил — и валится в ноги мужик.

Барин отъехал — мужик востепенулся,
Снова ругается; барин вернулся,

Барин арапником злобно махнул —
Гаркнул буян: «Караул, караул!»

Долго преследовал парень побитый
Барина бранью своей ядовитой:

«Мы-ста тебя взбутетеним дубьем,
Вместе с горластым твоим холуем!»

Но уже барин сердитый не слушал,
К стогу подсевши, он рябчика кушал,

Кости Нахалу кидал, а псарям
Передал фляжку, отведавши сам.

Пили псары — и угрюмо молчали,
Лошади сено из стога жевали,

И в обогранные кровью усы
Зайцев лизали голодные псы.

5

Так отдохнув. продолжают охоту,
Скачут, порскают¹¹ и травят без счету.

Время меж тем незаметно идет,
Пес изменяет, и конь устает.

Падает сизый туман на долину,
Красное солнце зашло вполосину,

И показался с другой стороны
Очерк безжизненно-белой луны.

Слезли с коней; поджидают у стога,
Гончих сбивают, сзывают в три рога,

И повторяются эхом лесов
Дикие звуки нестройных рогов.

Скоро стемнеет. Ускоренным шагом
Едут домой по холмам и оврагам.

При переправе чрез мутный ручей,
Кинув поводья, поят лошадей —

Рады борзые, довольны тявкуши:
В воду залезли по самые уши!

В поле завидев табун лошадей,
Ржет жеребец под одним из псарей...

Вот наконец добрались до ночлега.
В сердце помещика радость и нега —

Много загублено заячьих душ.
Слава усердному гону тявкуш!¹²

Из лесу робких зверей выбивая,
Честно служила ты, верная стая!

Слава тебе, неизменный Нахал —
Ты словно ветер пустынный летал!

Слава тебе, резвоножка Победка!
Бойко скакала, ловила ты метко!

Слава усердным и бурным коням!
Слава выжлятнику, слава псарям!

6

Выпив изрядно, поужинав плотно,
Барин отходит ко сну беззаботно,

Завтра велит себя раньше будить.
Чудное дело — скакать и травить!

Чуть не полмира в себе совмещая,
Русь широко протянулась, родная!

Много у нас и лесов и полей,
Много в отечестве нашем зверей!

Нет нам запрета по чистому полю
Тешить степную и буйную волю.

Благо тому, кто предастся во власть
Ратной забаве: он ведает страсть,

И до седин молодые порывы
В нем сохраняются, прекрасны и живы,

Черная дума к нему не зайдет,
В праздном покое душа не заснет.

Кто же охоты собачьей не любит,
Тот в себе душу заспит и погубит.

¹ З мейка, Набат, Сокол. Хандра, Нахал и далее употребляющиеся в этой пьесе названия — Сви́реп, Терза́й, Ру́гай, Уга́р, За́машка, Побе́дка — собачьи клички.

² Так называется снаряд особого устройства, имеющий в спокойном положении форму неправильного треугольника. С помощью этого снаряда в некоторых наших деревнях достают воду из колодцев, что производится с раздражающим душу скрипом.

³ Ба́нники — название леска.

⁴ На́брасывать — техническое выражение: спускать гончих в остров для отыскания зверя (остро́в — отъемный лес, удобный, по положению своему, для охотников). Набрасывает гончих обыкновенно так называемый до́ежа́чий; бросив в остров, он поощряет их порска́нием (по́рска́ть — значит у охотников криками понуждать гончих к отысканию зверя и подбивать всю стаю на след, отысканный одною) и вообще содержит в неослабном повиновении своему рогу и араннику. Помощник его называется по́дъе́жжым. При выезде из дому или переходе от одного острова к другому соблюдается обыкновенно такой порядок: впереди доезжачий, за ним стая гончих, а за нею подъезжий, всегда готовый с криком: в ку́чу! хлестнуть аранником собаку, отбившуюся от стаи, — а за ним уже барин и остальные борзовщики. Обязанность бо́рзовщи́ка — стеречь зверя с борзыми, близ острова, переменяя место по направлению движения стаи. В умные выбрать хорошую позицию, выждать зверя, выгнанного, наконец, гончими из острова, хорошо принять его (т. е. вовремя показать собакам) и хорошо потравить — заключается главная задача охотника и великий источник его наслаждения.

⁵ См. примеч. 4.

⁶ См. примеч. 4.

⁷ Ва́ром-ва́рит — техническое выражение; употребляется, когда гонит вся стая дружно, с неумолкающим лаем и заливаньем, что бывает, когда собаки попадут на след только что выскочившего зайца (называемый го́рячим сле́дом) или когда зверь просто у них в виду. В последнем случае говорится: го́ня́т по́зря́чемоу, и гон бывает в полном смысле неистовый. При жарком и дружном гоне хорошо подобранной стаи голоса гончих сливаются в довольно стройную и не чуждую дикой приятности гармонию, для охотников ни с чем не сравнимую.

⁸ Зве́рь о́тседа́ет — говорят, когда заяц, уже нагнанный борзыми, вдруг оставляет их далеко за собою, обманув неожиданным уклонением в сторону, прыжком вверх или другим каким-нибудь хитрым и часто разительным движением. Иногда, например, он бросается просто к собакам; собаки с разбега пронесутся вперед, и, когда попадут на новое направление зайца, он уже далеко.

⁹ О́тпа́зничать — отрезать задние лапы в среднем суставе.

¹⁰ То́рочить, при́тора́чивать — привязывать зайца к седлу, для чего при охотничьих седлах находятся особенные ремешки, называемые тороками.

¹¹ См. примеч. 4.

¹² Тя́вкүша — то же, что гончая, иногда также называются выжлецами (в женск — выжловка); от этого слова доезжачий, заправляющий ими, называется еще вы́жля́тником.

* Прим. Н. А. Некрасова.

* * *

(Подражание Лермонтову)

В неведомой глуши, в деревне полудикой
Я рос средь буйных дикарей,
И мне дала судьба, по милости великой,
В руководители псарей.
Вокруг меня кипел разврат волною грязной,
Боролись страсти нищеты,
И на душу мою той жизни безобразной
Ложились грубые черты.
И прежде чем понять рассудком неразвитым,
Ребенок, мог я что-нибудь,
Проник уже порок дыханьем ядовитым
В мою младенческую грудь.
Застигнутый врасплох, стремительно и шумно
Я в мутный ринулся поток
И молодость мою постыдно и безумно
В разврате безобразном сжег...
Шли годы. Оторвав привычные объятья
От негодующих друзей,
Напрасно посылал я поздние проклятья
Безумству юности моей.
Не вспыхнули в груди растраченные силы —
Мой ропот их не пробудил;
Пустынной тишиной и холодом могилы
Сменился юношеский пыл,
И в новый путь, с хандрой, болезненно развитой,
Пошел без цели я тогда
И думал, что душе, довременно убитой,
Уж не воскреснуть никогда.

Но я тебя узнал... Для жизни и волнений
В груди проснулось сердце вновь:
Влиянье ранних бурь и мрачных впечатлений
С души изгладила любовь...
Во мне опять мечты, надежды и желанья...
И пусть меня не любишь ты,
Но мне избыток слез и жгучего страданья
Отрадней мертвой пустоты...

ПРАВСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

1

Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.
Жена моя, закрыв лицо вуалью.
Под вечерок к любовнику пошла;
Я в дом к нему с полицией прокрался
И уличил... Он вызвал: я не дрался!
Она слегла в постель и умерла,
Истерзана позором и печалью...
Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.

2

Приятель в срок мне долга не представил.
Я, намекнув по-дружески ему,
Закону рассудить нас предоставил:
Закон приговорил его в тюрьму.
В ней умер он, не заплатив алтына,
Но я не злюсь хоть злиться есть причина!
Я долг ему простил того ж числа,
Почтив его слезами и печалью...
Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.

Крестьянина я отдал в повара:
 Он удался; хороший повар — счастье!
 Но часто отлучался со двора
 И званью неприличное пристрастье
 Имел: любил читать и рассуждать.
 Я, утомясь грозить и распекать,
 Отческик посекал его, каналью,
 Он взял да утопился: дурь нашла!
 Живя согласно с строгою моралью,
 Я никому не сделал в жизни зла.

Имел я дочь; в учителя влюбилась
 И с ним бежать хотела сгоряча.
 Я погрозил проклятьем ей: смирилась
 И вышла за седого богача.
 Их дом блестящ и полон был, как чаша;
 Но стала вдруг бледнеть и гаснуть Маша
 И через год в чахотке умерла,
 Сразив весь дом глубокою печалью...
 Живя согласно с строгою моралью,
 Я никому не сделал в жизни зла...

* * *

Если, мучимый страстью мятежной,
Позабылся ревнивый твой друг,
И в душе твоей, кроткой и нежной,
Злое чувство проснулося вдруг —

Все, что вызвано словом ревнивым,
Все, что подняло бурю в груди,
Переполнена гневом правдивым,
Беспощадно ему возврати.

Отвечай негодующим взором,
Оправданья и слезы осмей,
Порази его жгучим укором —
Всю до капли досаду излей!

Но когда, отдохнув от волненья,
Ты поймешь его грустный недуг
И дождется минуты прощенья
Твой безумный, но любящий друг —

Позабудь ненавистное слово
И упреком своим не буди
Угрызений мучительных снова
У воскресшего друга в груди!

Верь: постыдный порыв подозренья
Без того ему много принес
Полных муки, тревог сожаленья
И раскаянья позднего слез...

* * *

Еду ли ночью по улице темной,
Бури заслушаюсь в пасмурный день —
Друг беззащитный, больной и бездомный,
Вдруг предо мной промелькнет твоя тень!
Сердце сожмется мучительной думой.
С детства судьба невзлюбила тебя:
Беден и зол был отец твой угрюмый,
Замуж пошла ты — другого любя.
Муж тебе выпал недобрый на долю:
С бешеным нравом, с тяжелой рукой;
Не покорилась — ушла ты на волю,
Да не на радость сошлась и со мной...

Помнишь ли день, как больной и голодный
Я унывал, выбивался из сил?
В комнате нашей, пустой и холодной,
Пар от дыханья волнами ходил.
Помнишь ли труб заунывные звуки,
Брызги дождя, полусвет, полутьму?
Плакал твой сын, и холодные руки
Ты согревала дыханьем ему.
Он не смолкал — и пронзительно звонок
Был его крик... Становилось темней;
Вдоволь поплакал и умер ребенок...
Бедная! слез безрассудных не лей!
С горя да с голоду завтра мы оба
Также глубоко и сладко заснем;
Купит хозяин, с проклятьем, три гроба —
Вместе свезут и положат рядом...

В разных углах мы сидели угрюмо.
Помню, была ты бледна и слаба,
Зрела в тебе сокровенная дума,
В сердце твоём совершалась борьба.
Я задремал. Ты ушла молчаливо,
Принарядившись, как будто к венцу,
И через час принесла торопливо
Гробик ребенку и ужин отцу.
Голод мучительный мы утолили,
В комнате темной зажгли огонек,
Сына одели и в гроб положили...
Случай нас выручил? Бог ли помог?
Ты не спешила печальным признаньем,
Я ничего не спросил,
Только мы оба глядели с рыданьем,
Только угрюм и озлоблен я был...

Где ты теперь? С нищетой горемычной
Злая тебя сокрушила борьба?
Или пошла ты дорогой обычной,
И роковая свершится судьба?
Кто ж защитит тебя? Все без изъятья
Именем страшным тебя назовут,
Только во мне шевельнутся проклятья —
И бесполезно замрут!..

* * *

Ты всегда хороша несравненно,
Но когда я уныл и угрюм,
Оживляется так вдохновенно
Твой веселый, насмешливый ум;

Ты хохочешь так бойко и мило,
Так врагов моих глупых бранишь,
То, понутив головку уныло,
Так лукаво меня ты смешишь;

Так добра ты, скупая на ласки,
Поцелуй твой так полон огня,
И твои ненаглядные глазки
Так голубят и гладят меня,—

Что с тобой настоящее горе
Я разумно и кротко сношу,
И вперед — в это темное море —
Без обычного страха гляжу...

В И Н О

1

Не водись-ка на свете вина,
 Тошен был бы мне свет.
 И пожалуй — силен сатана! —
 Натворил бы я бед.

Без вины меня барин посек,
 Сам не знаю, что случилось со мной?
 Я не то, чтоб большой человек,
 Да, вишь, дело-то было впервой.
 Как подумаю, весь задрожу,
 На душе все черней да черней.
 Как теперь на людей погляжу?
 Как приду к ненаглядной моей?
 И я долго лежал на печи,
 Все молчал, не отведывал щей;
 Нашептал мне нечистый в ночи
 Неразумных и буйных речей,
 И наутро я сумрачен встал;
 Помолиться хотел, да не мог,
 Ни словечка ни с кем не сказал
 И пошел, не крестясь, за порог.
 Вдруг: «Не хочешь ли, братик, вина?» —
 Мне вослед закричала сестра.
 Целый штоф осушил я до дна
 И в тот день не ходил со двора.

Не водись-ка на свете вина,
 Тошен был бы мне свет.
 И пожалуй — силен сатана! —
 Натворил бы я бед.

Зазнобила меня, молодца,
 Степанида, соседская дочь,
 Я посватал ее у отца —
 И старик, да и девка не прочь.
 Да, знать, старосте вплоть до земли
 Поклонился другой молодец,
 И с немилым ее повели
 Мимо окон моих под венец.
 Не из камня душа! Невтерпеж!
 Расходилась, что буря, она,
 Наточил я на старосту нож
 И для смелости выпил вина.
 Да попался Петруха, свой брат,
 В кабаке: назвался угостить;
 Даровому ленивый не рад —
 Я остался полштофа распить.
 А за первым — другой; в кураже
 От души невзначай отлегло,
 Позабыл я в тот день об ноже,
 А наутро раздумье пришло...

Не водись-ка на свете вина,
 Тошен был бы мне свет.
 И пожалуй — силен сатана! —
 Натворил бы я бед.

Я с артелью взялся у купца
 Переделать все печи в дому,
 В месяц дело довел до конца
 И пришел за расчетом к нему.
 Обсчитал, воровская душа!
 Я корить, я судом угрожать:
 «Так не будет тебе ни гроша!» —
 И велел меня в шею прогнать.

Я ходил к нему восемь недель,
Да застать его дома не мог;
Рассчитать было нечем артель,
И меня, слышь, потянут в острог...
Наточивши широкий топор,
«Пропадай!» — сам себе я сказал;
Побежал, притаился, как вор,
У знакомого дома — и ждал.
Да прозяб, а напротив кабак,
Рассудил: отчего не зайти?
На последний хватил четвертак,
Подрался — и проснулся в части...

* * *

Вчерашний день, часу в шестом,
Зашел я на Сенную;
Там били женщину кнутом,
Крестьянку молодую.

Ни звука из ее груди,
Лишь бич свистал, играя...
И Музе я сказал: «Гляди!
Сестра твоя родная!»

* * *

Я не люблю иронии твоей.
Оставь ее отжившим и не жившим,
А нам с тобой, так горячо любившим,
Еще остаток чувства сохранившим,—
Нам рано предаваться ей!

Пока еще застенчиво и нежно
Свидание продлить желаешь ты,
Пока еще кипят во мне мятежно
Ревнивые тревоги и мечты —
Не торопи развязки неизбежной!

И без того она не далека:
Кипим сильней, последней жаждой полны,
Но в сердце тайный холод и тоска...
Так осенью бурливее река,
Но холодней бушующие волны...

* * *

Да, наша жизнь текла мятежно,
Полна тревог, полна утрат,
Расстаться было неизбежно —
И за тебя теперь я рад!
Но с той поры как все кругом меня пустынно!
Отдаться не могу с любовью ничему,
И жизнь скучна, и время длинно,
И холоден я к делу своему.
Не знал бы я, зачем встаю с постели,
Когда б не мысль: авось и прилетели
Сегодня наконец заветные листы,
В которых мне расскажешь ты:
Здорова ли? что думаешь? легко ли
Под дальним небом дышится тебе?
Грустишь ли ты, жалея прежней доли,
Охотно ль повинешься судьбе?
Желал бы я, чтоб сонное забвенье
На долгий срок мне на душу сошло,
Когда б мое воображенье
Блуждать в прошедшем не могло...
Прошедшее! его волшебной власти
Покорствуя, переживаю вновь
И первое движение страсти,
Так бурно взволновавшей кровь,
И долгую борьбу с самим собою,
И не убитую борьбою,
Но с каждым днем сильней кипевшую любовь.
Как долго ты была сурова,
Как ты хотела верить мне,

И как и верила, и колебалась снова,
И как поверила вполне!
(Счастливый день! Его я отличаю
В семье обыкновенных дней;
С него я жизнь мою считаю,
Я праздную его в душе моей!)
Я вспомнил все... одним воспоминаньем,
Одним прошедшим я живу —
И то, что в нем казалось нам страданьем,
И то теперь я счастьем зову...

А ты?.. ты так же ли печали предана?..
И так же ли в одни воспоминанья
Средь добровольного изгнанья
Твоя душа погружена?
Иль новая роскошная природа,
И жизнь кипящая, и полная свобода
Тебя навеки увлекли,
И разлюбила ты вдали
Все, чем мучительно и сладко так порою
Мы были счастливы с тобою?
Скажи! я должен знать... Как странно я люблю!
Я счастья тебе желаю и молю,
Но мысль, что и тебя гнетет тоска разлуки,
Души моей смягчает муки...

* * *

Так это шутка? Милая моя,
Как боязлив, как недогадлив я!
Я плакал над твоим рассчитанно-суровым,
Коротким и сухим письмом;
Ни лаской дружеской, ни откровенным словом
Ты сердца не порадовала в нем.
Я спрашивал: не демон ли раздора
Твоей рукой насмешливо водил?
Я говорил: «Когда б нас разлучила ссора, —
Но так тяжел, так горек, так уныл,
Так нежен был последний час разлуки...
Еще твой друг забыть его не мог,
И вновь ему ты посылаешь муки
Сомнения, догадок и тревог —
Скажи, зачем?.. Не ложью ли пустою,
Рассеянной досужей клеветой,
Возмущена душа твоя была?
И, мучима томительным недугом,
Ты над своим отсутствующим другом
Без оправданья суд произнесла?
Или то был один каприз случайный,
Иль давний гнев?..» Неразрешимой тайной
Я мучился: я плакал и страдал,
В догадках ум испуганный блуждал,
Я жалок был в отчаянье суровом...

Всему конец! своим единым словом
Душе моей ты возвратила вновь
И прежний мир, и прежнюю любовь;

И сердце шлет тебе благословенья,
Как вестнице нежданного спасенья...

Так няня в лес ребенка заведет
И спрячется сама за куст высокий;
Встревоженный, он ищет и зовет,
И мечется в тоске жестокой,
И падает, бессильный, на траву...

А няня вдруг: ау! ау!

В нем радостью внезапной сердце бьется,
Он все забыл: он плачет и смеется,
И прыгает, и весело бежит,
И падает — и няню не бранит,
Но к сердцу жмет виновницу испуга,
Как от беды избавившего друга...

НА УЛИЦЕ

1

В О Р

Спеша на званный пир по улице прегрязной,
Вчера был поражен я сценой безобразной:
Торгаш, у коего украден был калач,
Вздрогнув и побледнев, вдруг поднял вой и плач
И, бросаясь от лотка, кричал: «Держите вора!»
И вор был окружен и остановлен скоро.
Закушенный калач дрожал в его руке;
Он был без сапогов, в дырявом сюртуке;
Лицо являло след недавнего недуга,
Стыда, отчаянья, моления и испуга...
Пришел городской, подчаска подозвал,
По пунктам отобрал допрос отменно строгий,
И вора повели торжественно в квартал.
Я крикнул кучеру: «Пошел своей дорогой!» —
И богу поспешил молебствие принесть
За то, что у меня наследственное есть...

2

П Р О В О Д Ы

Мать касатиком сына зовет,
Сын любовно глядит на старуху,
Молодая бабенка ревет
И все просит остаться Ванюху;
А старик непреклонно молчит:

Напряженная строгость во взоре,
Словно сам на себя он сердит
За свое бесполезное горе.

Сивка дернул дровнишки слегка —
Чуть с дровней не свалилась старуха.
Ну! нагрел же он сивке бока,
Да помог старику и Ванюха...

3

Г Р О Б О К

Вот идет солдат. Под мышкою
Детский гроб несет детинушка.
На глаза его суровые
Слезы выжала кручинушка.

А как было живо дитяtko,
То и дело говорилось:
«Чтоб ты лопнуло, проклятое!
Да зачем ты и родилось?»

4

В А Н Ь К А

Смешная сцена! Ванька дуралей,
Чтоб седока промыслить побогаче,
Украдкой чистит бляхи на своей
Ободранной и заморенной кляче.
Не так ли ты, продажная краса,
Себе придать желая блеск фальшивый,
Старательно взбиваешь волоса
На голове давно полуплешивой?
Но оба вы — извозчик дуралей
И ты, смешно причесанная дама, —
Вы пробуждаете не смех в душе моей —
Мерещится мне всюду драма.

* * *

Мы с тобой бестолковые люди:
 Что́ минута, то вспышка готова!
 Облегченье взволнованной груди,
 Неразумное, резкое слово.

Говори же, когда ты сердита,
 Все, что душу волнует и мучит!
 Будем, друг мой, сердиться открыто:
 Легче мир и скорее наскучит.

Если проза в любви неизбежна,
 Так возьмем и с нее долю счастья:
 После ссоры так полно, так нежно
 Возвращенье любви и участия...

Блажен незлобивый поэт,
В ком мало желчи, много чувства:
Ему так искренен привет
Друзей спокойного искусства;

Ему сочувствие в толпе,
Как ропот волн, ласкает ухо;
Он чужд сомнения в себе —
Сей пытки творческого духа;

Любя беспечность и покой,
Гнушаясь дерзкою сатирой,
Он прочно властвует толпой
С своей миролюбивой лирой.

Дивясь великому уму,
Его не гонят, не злословят,
И современники ему
При жизни памятник готовят...

Но нет пощады у судьбы
Тому, чей благородный гений
Стал обличителем толпы,
Ее страстей и заблуждений.

Питая ненавистью грудь,
Уста вооружив сатирой,
Проходит он тернистый путь
С своей карающей лирой.

Его преследуют хулы:
Он ловит звуки одобренья
Не в сладком ропоте хвалы,
А в диких криках озлобленья.

И веря и не веря вновь
Мечте высокого призванья,
Он проповедует любовь
Враждебным словом отрицанья, —

И каждый звук его речей
Плодит ему врагов суровых,
И умных и пустых людей,
Равно клеймить его готовых.

Со всех сторон его клянут,
И, только труп его увидя,
Как много сделал он, поймут,
И как любил он — ненавидя!

*В день смерти Гоголя,
21 февраля 1852.*

МУЗА

Нет, Музы ласково поющей и прекрасной
Не помню над собой я песни сладкогласной!
В небесной красоте, неслышимо, как дух,
Слетая с высоты, младенческий мой слух
Она гармонии волшебной не учила,
В пеленках у меня свирели не забыла,
Среди забав моих и отроческих дум
Мечтой неясною не волновала ум
И не явилась вдруг восторженному взору
Подругой любящей в блаженную ту пору,
Когда томительно волнуют пашу кровь
Неразделимые и Муза и Любовь...

Но рано надо мной отяготели узы
Другой, неласковой и нелюбимой Музы,
Печальной спутницы печальных бедняков,
Рожденных для труда, страданья и оков,—
Той Музы плачущей, скорбящей и болящей,
Всечасно жаждущей, униженно просящей,
Которой золото — единственный кумир...
В уладу нового пришельца в божий мир,
В убогой хижине, пред дымною лучиной,
Согбенная трудом, убитая кручиной,
Она певала мне — и полон был тоской
И вечной жалобой напев ее простой.
Случалось, не стерпев томительного горя,
Вдруг плакала она, моим рыданьям вторя,
Или тревожила младенческий мой сон
Разгульной песнею... Но тот же скорбный стон
Еще пронзительней звучал в разгуле шумном.

Все слышалось в нем в смешении безумном:
Расчеты мелочной и грязной суеты
И юношеских лет прекрасные мечты,
Погибшая любовь, подавленные слезы,
Проклятья, жалобы, бессильные угрозы.
В порыве ярости, с неправдою людской
Безумная клялась начать упорный бой.
Предавшись дикому и мрачному веселью,
Играла бешено моею колыбелью,
Кричала: мщение! и буйным языком
На головы врагов звала господень гром!

В душе озлобленной, но любящей и нежной
Непрочен был порыв жестокости мятежной.
Слабея медленно, томительный недуг
Смирялся, утихал... и выкупалось вдруг
Все буйство дикое страстей и скорби лютой
Одной божественно-прекрасною минутой,
Когда страдалица, поникнув головой,
«Прощай врагам своим!» шептала надо мной...

Так вечно плачущей и непонятной девы
Лелеяли мой слух суровые напевы,
Покуда наконец обычной чередой
Я с нею не вступил в ожесточенный бой.
Но с детства прочного и кровного союза
Со мною разорвать не торопилась Муза:
Чрез бездны темные Насилия и Зла,
Труда и Голода она меня вела —
Почувствовать свои страданья научила
И свету возвестить о них благословила...

ЗАСТЕНЧИВОСТЬ

Ах ты страсть роковая, бесплодная,
Отвяжись, не тумань головы!
Осмеет нас красавица модная,
Вкруг нее увиваются львы:

Поступь гордая, голос уверенный,
Что ни скажут — их речь хороша,
А вот я-то войду, как потерянный,—
И ударится в пятки душа!

На ногах словно гири железные,
Как свинцом налита голова,
Странно руки торчат бесполезные,
На губах замирают слова.

Улыбнусь — неprovорная, жесткая,
Не в улыбку улыбка моя,
Пошутить захочу — шутка плоская:
Покраснею мучительно я!

Помещусь, молчаливо досадуя,
В дальний угол... уныло смотрю
И сижу неподвижен, как статуя,
И судьбу потихоньку корю:

«Для чего-де меня, горемычного,
Дураком ты на свет создала?
Ни умишка, ни виду приличного,
Ни довольства собой не дала?..»

Ах! судьба ль меня, полно, обидела?
Отчего ж, как домой ворочусь
(Удивилась бы, если б увидела),
И умен и пригож становлюсь?

Все припомню, что было ей сказано,
Вижу: сам бы сказал не глупей...
Нет! мне в божьих дарах не отказано,
И лицом я не хуже людей!

Малодушье пустое и детское,
Не хочу тебя знать с этих пор!
Я пойду в ее общество светское,
Я там буду умен и остер!

Пусть поймет, что свободно и молодо
В этом сердце волнуется кровь,
Что под маской наружного холода
Бесконечная скрыта любовь...

Полно роль-то играть сумасшедшего,
В сердце искру надежды беречь!
Не стряхнуть рокового прошедшего
Мне с моих невыносливых плеч!

Придавила меня бедность грозная,
Запугал меня с детства отец.
Бесталанная долюшка слезная
Извела, доконала вконец!

Знаю я: сожаленье постыдное,
Что как червь копошится в груди,
Да сознание бессилья обидное
Мне осталось одно впереди...

* * *

О письма женщины нам милой!
От вас восторгам нет числа,
Но в будущем душе унылой
Готовите вы больше зла.
Когда погаснет пламя страсти
Или послушаетесь вы
Благоразумья строгой власти
И чувству скажете: увь!
Отдайте ей ее посланья
Иль не читайте их потом,
А то нет хуже наказанья,
Как задним горевать числом.
Начнешь с усмешкою ленивой,
Как бред невинный и пустой,
А кончишь злобою ревнивой
Или мучительной тоской...

О ты, чьих писем много, много
В моем портфеле берегу!
Подчас на них гляжу я строго,
Но бросить в печку не могу.
Пускай мне время доказало,
Что правды в них и проку мало,
Как в праздном лепете детей.
Но и теперь они мне милы —
Поблекшие цветы с могилы
Погибшей юности моей!

ПРЕКРАСНАЯ ПАРТИЯ

1

У хладных невских берегов,
В туманном Петрограде,
Жил некто господин Долгов
С женой и дочкой Надей.

Простой и добрый семьянин,
Чиновник непродажный,
Он нажил только дом один —
Но дом пятиэтажный.

Учась на медные гроши,
Не ведал по-французски,
Был добр по слабости души,
Но как-то не по-русски:

Есть русских множество семей,
Они как будто добры,
Но им у крепостных людей
Считать не стыдно ребры.

Не отличался наш Долгов
Такой рукою бойкой
И только колотить тузов
Любил козырной двойкой.

Зато господь его взыскал
Своею благодатью:
Он город за женою взял
И породнился с знатью.

Итак, жена его была
Наклонна к этикету
И дом, как следует, вела
Под стать большому свету:

Сама не сходит на базар
И в кухню ни ногою;
У дома их стоял швейцар
С огромной булавою;

Лакеи чинною толпой
Теснились в прихожей,
И между ними ни одной
Кривой и пьяной рожки.

Всегда сервирован обед
И чай весьма прилично,
В парадных комнатах паркет
Так вылощен отлично.

Они давали вечера
И даже в год два бала:
Играли старцы до утра,
А молодежь плясала;

Гремела музыка всю ночь,
По требованью глядя.
Царицей тут была их дочь —
Красивенькая Надя.

Ни преждевременным умом,
Ни красотой нимало
В невинном возрасте своем
Она не поражала.

Была ленивой в десять лет
И милою резвущкой;
Цветущ и ясен, божий свет
Казался ей игрушкой.

В семнадцать — сверстниц и сестриц
Всех красотой затмила,
Но наших чопорных девиц
Собой не повторила;

В глазах природный ум играл,
Румянец в коже смуглой,
Она любила шумный бал
И не была там куклой.

В веселом обществе гостей
Жеманно не молчала
И строгой маменьки своей
Глазами не искала.

Любила музыку она
Не потому, что в моде;
Не исключительно луна
Ей нравилась в природе.

Читать любила иногда
И с книгой не скучала,
Напротив, и гостей тогда,
И танцы забывала;

Но также *синего чулка*
В ней не было приметы:
Не трактовала свысока
Ученые предметы,

Разбору строгому еще
Не предавала чувства
И не трещала горячо
О святости искусства.

Ну, словом, глядя на нее,
Поэт сказал бы с жаром:
«Цвети, цвети, дитя мое!
Ты создана не даром!..»

Уж ей врал про женихов
Услужливая няня.
Немало ей писал стихов
Кузен какой-то Ваня.

Мамаша повторяла ей:
«Уж ты давно невеста».
Но в сердце береглось у ней
Незанятое место.

Девичий сон еще был тих
И крепок благотворно.
А между тем давно жених
К ней сватался упорно...

3

То был гвардейский офицер,
Воитель черноокий.
Блистал он светскостью манер
И лоб имел высокий;

Был очень тонкого ума,
Воспитан превосходно,
Читал Фудраса и Дюма
И мыслил благородно;

Хоть книги редко покупал,
Но чтил литературу
И даже анекдоты знал
Про русскую цензуру.

В Шекспире признавал талант
За личность Дездемоны
И строго осуждал Жорж Санд,
Что носит панталоны.

Был от Рубини без ума,
Пел басом «саго мис»¹
И к другу при конце письма
Приписывал: «addio»².

Его любимый идеал
Был Александр Марлинский,
Но он всему предпочитал
Театр Александрийский.

дорогой мой (итал.).
² прощай (итал.).

Здесь пищи он искал уму,
Отхлопывал ладони,
И были по сердцу ему
И Кукольник и Кони.

Когда главою помавал,
Как некий древний магик,
И диким зверем завывал
Широкоплечий трагик

И вдруг влетала, как зефир,
Воздушная Сюзета —
Тогда он забывал весь мир,
Вникая в смысл куплета.

Следил за нею чуть дыша,
Не отрывая взора,
Казалось, вылетит душа
С его возгласом: фора!

В нем бурно поднимала кровь
Все силы молодые.
Счастливый юноша! любовь
Он познавал впервые!

Отрада юношеских лет,
Подруга идеалам,
О сцена, сцена! не поэт,
Кто не был театралом,

Кто не сдавался в милый плен,
Не рвался за кулисы
И не платил громадных цен
За кресла в бенефисы,

Кто по часам не поджидал
Зеленую карету
И водевилей не писал
На бенефис «предмету»!

Блажен, кто успокоил кровь
Обычной чередою:

Успехом увенчал любовь
И завелся семьею;

Но тот, кому не удались
Исканья,— не в накладе:
Прелестны грации кулис —
Покуда на эстраде,

Там вся поэзия души,
Там места нет для прозы.
А дома сплетни, барыши,
Упреки, зависть, слезы.

Так отдает внаймы другим
Свой дом владелец жадный,
А сам, нечист и нелюдим,
Живет в конуре смрадной.

Но ты, к кому души моей
Летят воспоминанья,
Я бескорыстней и светлей
Не видывал созданья!

Блестящ и краток был твой путь...
Но я на эту тему
Вам напишу когда-нибудь
Особую поэму...

В молодые годы наш герой
К театру был прикован,
Но ныне он отцвел душой —
Устал, разочарован!

Когда при тысяче огней
В великолепной зале,
Кумир девиц, гроза мужей,
Он танцевал на бале,

Когда являлся в маскарад
Во всей парадной форме,
Когда садился в первый ряд
И дико хлопал «Норме»,

Когда по Невскому скакал
С усмешкой губ румяных
И кучер бешено кричал
На пару шведок рьяных —

Никто б, конечно, не узнал
В нем нового Манфреда...
Но, ах! он жизнь скушал —
Пока лишь до обеда.

Являл он Байрона черты
В характере усталом:
Не верил в книги и мечты,
Не увлекался балом.

Он знал: фортуны колесо
Пленяет только младость;
Он в ресторации Дюсо
Давно утратил радость!

Не верил истине в друзьях,
Им верят лишь невежды,—
С кием и картами в руках
Познал тщету надежды!

Он буйно молодость убил,
Взяв образец в Ловласе,
И рано сердце остудил
У Кессених в танцклассе!

Расстроил тысячу крестьян,
Чтоб как-нибудь забыться...
Пуста душа и пуст карман —
Пора, пора жениться!

4

Недолго в деве молодой
Таилось раздумье...
«Прекрасной партией такой
Пренебрегать — безумье», —

Сказала плачущая мать,
Дочь по головке гладя,
И не могла ей отказать
Растроганная Надя.

Их сговорили чередой
И обвенчали вскоре.
Как думаешь, читатель мой,
На радость или горе?..

* * *

(Из Гейне)

Ах, были счастливые годы!
Жил шумно и весело я,
Имел я большие доходы,
Со мной пировали друзья;

Я с ними последним делился,
И не было дружбы нежней,
Но мой кошелек истощился —
И нет моих милых друзей!

Теперь у постели больного —
Как зимняя выюга шумит —
В ночной своей кофте, сурово
Старуха Забота сидит.

Скрипя, раздирает мне ухо
Ее табакерка порой.
Как страшно кивает старуха
Седою своей головой!

Случается, снова мне снится
То полное счастья житье,
И станет отраднее биться
Изнывшее сердце мое...

Вдруг скрип, раздирающий ухо,—
И мигом исчезла мечта!
Сморкается громко старуха,
Зевает и крестит уста.

ЗА ГОРОДОМ

«Смешно! нас веселит ручей, вдали журчащий.
И этот темный дуб, таинственно-шумящий;
Нас тешит песнею задумчивой своей,
Как праздных юношей, вечерний соловей;
Далекий свод небес, усеянный звездами,
Нам кажется, простерт с любовью над нами;
Любуясь месяцем, оглядывая даль,
Мы чувствуем в душе ту тихую печаль,
Что слаще радости... Откуда чувства эти?
Чем так довольны мы?.. Ведь мы уже не дети!
Ужель подневный труд наклонности к мечтам
Еще в нас не убил?.. И нам ли, беднякам,
На отвлеченные природой наслажденья
Свободы краткие истрачивать мгновенья?»

— Э! полно рассуждать! искать всему причин!
Деревня согнала с души давнишний сплин.
Забыта тяжкая, гнетущая работа,
Докучной бедности бессменная забота —
И сердцу весело... И лучше поскорей
Судьбе воздать хвалу, что в нищете своей,
Лишенные даров довольства и свободы,
Мы живо чувствуем сокровища природы,
Которых сильные и сытые земли
Отнять у бедняков голодных не могли...

В ДЕРЕВНЕ

1

Право, не клуб ли вороньего рода
 Около нашего нынче прихода?
 Вот и сегодня... ну просто беда!
 Глупое карканье, дикие стоны...
 Кажется, с целого света вороны
 По вечерам прилетают сюда.
 Вот и еще, и еще эскадроны...
 Рядышком сели на купол, на крест,
 На колокольне, на ближней избушке,—
 Вот у плетня покачнувшийся шест:
 Две уместились на самой верхушке,
 Крыльями машут... Все то же опять,
 Что и вчера... посидят, и в дорогу!
 Полно лениться! ворон наблюдать!
 Черные тучи ушли, слава богу,
 Ветер смирился: пройдуся до полей.
 С самого утра унылый, дождливый,
 Выдался нынче денек несчастливый!
 Даром в болоте промок до костей,
 Вздумал работать, да труд не дается,
 Глядь, уж и вечер — вороны летят...
 Две старушонки сошлись у колодца,
 Дай-ка послушаю, что говорят...

2

— Здравствуй, родная.—«Как можетя, кумушка?
 Все еще плачешь никак?
 Ходит, знать, по сердцу горькая думушка,
 Словно хозяин-большак?»

— Как же не плакать? Пропала я, грешная!
Душенька ноет, болит...
Умер, Касьяновна, умер, сердешная,
Умер и в землю зарыт!

Ведь наскочил же на экую гадину!
Сын ли мой не был удал?
Сорок медведей поддел на рогатину —
На сорок первом сплошал!
Росту большого, рука что железная,
Плечи — косая сажень;
Умер, Касьяновна, умер, болезная,—
Вот уж тринадцатый день!

Шкуру с медведя-то содрали, продали;
Деньги — семнадцать рублей —
За душу бедного Савушки подали,
Царство небесное ей!
Добрая барыня Марья Романовна
На панихиду дала...
Умер, голубушка, умер, Касьяновна,—
Чуть я домой добрела.

Ветер шатает избенку убогую,
Весь развалился овин...
Словно шальная, пошла я дорогою:
Не попадется ли сын?
Взял бы топорик — беда поправимая—
Мать бы утешил свою...
Умер, Касьяновна, умер, родимая,—
Надо ль? топор продаю.

Кто приголубит старуху безродную?
Вся обнищала вконец!
В осень ненастную, в зиму холодную
Кто запасет мне дровец?
Кто, как доносится теплая шубушка,
Зайчиков новых набьет?
Умер, Касьяновна, умер, голубушка,—
Даром ружье пропадет!

Веришь, родная: с тоской да с заботами
Так опостылел мне свет!

Лягу в каморку, покроюсь тенетами,
Словно как саваном... Нет!
Смерть не приходит... Брожу нелюдимая,
Попусту жалоблю всех...
Умер, Касьяновна, умер, родимая,—
Эх! кабы только не грех...

Ну, да и так... дай бог зиму промаяться,
Свежей травы мне не мять!
Скоро избенка совсем расшатается,
Некому поле вспахать.
В город собирается Марья Романовна,
По миру сил нет ходить...
Умер, голубушка, умер, Касьяновна,—
И не велел долго жить!

3

Плачет старуха. А мне что за дело?
Что и жалеть, коли нечем помочь?..
Слабо мое изнуренное тело,
Время ко сну. Недолга моя ночь:
Завтра раненько пойду на охоту,
До свету надо покрепче уснуть...
Вот и вороны готовы к отлету,
Кончился раут... Ну, трогайся в путь!
Вот поднялись и закаркали разом.
— Слушай, равняйся! — Вся стая летит:
Кажется, будто меж небом и глазом
Черная сетка висит.

ПАМЯТИ ПРИТЕЛЯ

Наивная и страстная душа,
В ком помыслы прекрасные кипели,
Упорствуя, волнуясь и спеша,
Ты честно шел к одной высокой цели;
Кипел, горел — и быстро ты угас!
Ты нас любил, ты дружеству был верен —
И мы тебя почтили в добрый час!
Ты по судьбе печальной беспримерен:
Твой труд живет и долго не умрет,
А ты погиб, несчастлив и незнаем!
И с дерева неведомого плод,
Беспечные, беспечно мы вкушаем.
Нам дела нет, кто возрастил его,
Кто посвящал ему и труд и время,
И о тебе не скажет ничего
Своим потомкам сдержанное племя...
И, с каждым днем окружена тесней,
Затеряна давно твоя могила,
И память благодарная друзей
Дороги к ней не проторила...

ФИЛАНТРОП

Частью по глупой честности,
Частью по простоте,
Пропадаю в неизвестности,
Пресмыкаюсь в нищете.
Место я имел доходное,
А доходу не имел:
Бескорыстье благородное!
Да и брать-то не умел.
В Провиантскую комиссию
Поступивши, например,
Покупал свою провизию —
Вот какой миллионер!
Не взыщите! честность ярая
Одолела до ногтей;
Даже стыдно вспомнить старое —
Ведь имел уж и детей!
Сожалели по Житомиру:
«Ты-де нищим кончишь век
И семейство пустишь по миру,
Беспокойный человек!»
Я не слушал. Сожаления
В недовольство перешли,
Оказались упущения:
Подвели — и упекли!
Совершилося пророчество
Благомыслящих людей:
Холод, голод, одиночество,
Переменчивость друзей —
Всё мы, бедные, извели,
Чашу выпили до дна:

Плачут дети — не обедали,—
Убивается жена,
Проклинает поведение,
Гордость глупую мою;
Я брожу, как привидение,
Но — свидетель бог — не пью!
Каждый день встаю ранехонько,
Достаю насущный хлеб...
Так мы десять лет ровнехонько
Бились волею судеб.
Вдруг — известье незабвенное! —
Получаю письмецо,
Что в столице есть отменное,
Благородное лицо;
Муж, которому подобного,
Может быть, не знали вы,
Сердца ангельски-незлобного
И умнейшей головы.
Славен не короной графскою,
Не приездом ко двору,
Не звездою станиславскою,
А любовью к добру,—
О народном просвещении
Соревнуя, генерал
В популярном изложении
Восемь томов написал.
Продавал в большом количестве
Их дешевле пятака,
Вразумить об электричестве
В них стараясь мужика.
Словно с равными беседуя,
Он и с нищими учтив,
Нам терпенье проповедуя,
Как Сократ, красноречив.

Он мое же поведение
Мне как будто объяснил,
И ко взяткам отвращение
Я тогда благословил;
Перестал стыдиться бедности:
Да! лохмотья нищеты
Не свидетельство зловредности,
А скорее правоты!

Снова благородной гордости
(Человек самолюбив),
Упования и твердости
Я почувствовал прилив.
«Нам господь послал спасителя,—
Говорю тогда жене,—
Нашим крошкам покровителя!»
И бедняжка верит мне.
Горе мы забвенью предали,
Сколотили сто рублей,
Всё, как следует, разведали
И в столицу поскорей.
Прикатили прямо к сроднику,
Не пустил — я в номера...
Вся семья моя угоднику
В ночь молилась. Со двора
Вышел я чем свет. Дорогою,
Чтоб участие привлечь,
Я всю жизнь мою убогую
Совместил в такую речь:
«Оттого-де ныне с голоду
Умираю, словно тварь,
Что был глуп и честен смолоду,
Знал, что значит бог и царь.
Не скажу: по справедливости
(Не велик я генерал),
По ребяческой стыдливости
Даже с правого не брал —
И погиб... Я горе мыкаю,
Я работаю за двух,
Но не чаркой — вашей книгою
Подкрепляю слабый дух,
Защитите!..»

Не заставили
Ждать минуты ни одной.
Вот в приемную поставили,
Доложили чередой.
Вот идут — остановились.
Я сробел, чуть жив стою:
Замер дух, виски забились,
И забыл я речь свою!

Тер и лоб, и переносицу,
В потолок косил глаза,
Бормотал лишь околёсицу,
А о деле — ни аза!
Изумились, брови сдвинули:
«Что вам нужно?» — говорят.
— Нужно мне... — Тут слезы хлынули
Совершенно невпопад.
Просто вещь непостижимая
Приключилась со мной:
Грусть, печаль неудержимая
Овладела всей душой.
Все, чем жизнь богата с младости
Даже в нищенском быту —
Той поры счастливой радости,
Попросту сказать: мечту —
Все, что кануло и сгинуло
В треволненьях жизни сей,
Все я вспомнил, все прихлынуло
К сердцу... Жалкий дуралей!
Под влиянием прошедшего,
В лоб ударив кулаком,
Взвыл я вроде сумасшедшего
Пред сиятельным лицом.

Все такие обстоятельства
И в мундиришке изъян
Привели его сиятельство
К заключенью, что я пьян.
Экзекутора, холопа ли
Попрекнули, что пустил,
И ногами так затопали...
Я лишился чувств и сил!
Жаль, одним не осчастливили —
Сами не дали пинка...
Пьяницу с почетом вывели
Два огромных гайдука.
Словно кипятком ошпаренный,
Я бежал, не слыша ног,
Мимо лавки пивоваренной,
Мимо погребальных дрог,
Мимо магазина швейного,

Мимо бань, церквей и школ,
Вплоть до здания питейного —
И уж дальше не пошел!

Дальше нечего рассказывать!
Минет сорок лет зимой,
Как я щеку стал подвязывать,
Отморозивши хмельной.
Чувства словно как заржавели,
Одолела страсть к вину;
Дети пьяницу оставили,
Схоронил давно жену.
При отшествии к родителям,
Хоть кротка была весь век,
Попрекнула покровителем.
Точно: странный человек!
Верст на тысячу в окружности
Повестят свой добрый нрав,
А осудят по наружности:
Неказист — так и неправ!
Пишут, как бы свет весь заново
К общей пользе изменить,
А голодного от пьяного
Не умеют отличить...

ОТРЫВКИ ИЗ ПУТЕВЫХ ЗАПИСОК ГРАФА ГАРАНСКОГО

(Перевод с французского: *Trois mois dans la Patrie. Essais de Poésie et de Prose, suivis d'un Discours sur les moyens de parvenir au développement des forces morales de la Nation Russe et des richesses naturelles de cet État. Par un Russe, Comte de Garansky. 8 vol. in 4°. Paris. 1836*)¹.

Я путешествовал недурно: русский край
Оригинальности имеет отпечаток;
Не то чтоб в деревнях трактиры были — рай,
Не то чтоб в городах писцы не брали взяток —
Природа нравится громадностью своей.
Такой громадности не встретите нигде вы:
Пространства широко раскинутых степей
Лугами здесь зовут; начнутся ли посевы —
Не ждите им конца! подобно островам,
Зеленые леса и серые селенья
Пестрят равнину их, и любо видеть вам
Картину сельского обычного движенья...
Подобно муравью, трудолюбив мужик;
Ни грубости их рук, ни лицам загорелым
Я больше не дивлюсь: я видеть их привык
В работах полевых чуть не по суткам целым.
Не только мужики здесь преданы труду,
Но даже дети их, беременные бабы —
Все терпят общую, по их словам, «страду»,

¹ Три месяца в отчизне. Опыты в стихах и прозе, сопровождаемые рассуждением о мерах, способствующих развитию нравственных начал в русском народе и естественных богатств Российского государства. Сочинение россиянина, графа де Гаранского. Восемь томов в четвертую долю листа. Париж. 1836 (франц.).

И грустно видеть, как иные бледны, слабы!
Я думаю, земель избыток и лесов
Способствует к труду всегдашней их охоте,
Но должно б вразумлять корыстных мужиков,
Что изнурительно излишество в работе.
Не такова ли цель — в немецких сюртуках
Особенных фигур, бродящих между ними?
Нагайки у иных заметил я в руках...
Как быть! не вразумишь их средствами другими,
Натуры грубые!..

Какие реки здесь!
Какие здесь леса! Пейзаж природы русской
Со временем собьет, я вам ручаюсь, спесь
С природы рейнской, но только не с французской!
Во Франии провел я молодость свою;
Пред ней, как говорят в стихах, все клонит выю,
Но все ж по совести и громко признаю,
Что я не ожидал найти такой Россию!
Природа недурна: в том отдаю ей честь,—
Я славно ел и спал, подьячим не дал штрафа...
Да, средство странствовать и по России есть —
С французской кухнею и с русским титулом графа!..

Но только худо то, что каждый здесь мужик
Дворянский гонор мой, спокойствие и совесть
Безбожно возмущал; одну и ту же повесть
Бормочет каждому негодный их язык:
Помещик — лиходей! а если управитель,
То, верно,— живодер, отъявленный грабитель!
Спрошу ли ямщика: «Чей, братец, виден дом?»
— Помещика... — «Что, добр?» — Нешто, хороший
барин,
Да только... — «Что, мой друг?» — С тяжелым кулаком,
Как хватит — год хворай. — «Неужто? вот татарин!»
— Э, нету, ничего! маненичко ретив,
А добрая душа, не тяготит оброком,
Почасту с мужиком и ласков, и правдив,
А то скулу свернет, вестимо, ненароком!
Куда б еще ни шло за барином таким,
А то и хуже есть. Вот памятное место:
Тут славно мужички расправились с одним...
«А что?» — Да сделали из барина-то тесто.—

«Как тесто?» — Да в куски живого изрубил
Один мужик... попал такому в лапы... —
«За что же?» — Да за то, что барин лаком был
На свой, примерно, гвоздь чужие вешать шляпы.—
«Как так?» — Да так, сударь, чуть женится мужик,
Веди к нему жену; проспит с ней первую ночь,
А там и к мужу в дом... да наш народец дик,
Сначала потерпел — не всяко лыко в строчку,—
А после и того... А вот, примерно, тут,
Извольте посмотреть — домик на косогоре,
Четыре барышни-сестрицы в нем живут,—
Так мужикам от них уж просто смех и горе:
Именья — семь дворов; так бедно, что с трудом
Дай бог своих детей прохарчить мужичонку,
А тут еще беда: что год, то в каждый дом
Сестрицы-барышни подкинут по ребенку.—
«Как, что ты говоришь?» — А то, что в восемь лет
Так тридцать три души прибавилось в именье.
Убытку барышням, известно дело, нет,
Да, судырь, мужичкам какое разоренье!

Ну, словом, все одно: тот с дворней выезжал
Разбойничать, тот затравил мальчишку,—
Таких рассказов здесь так много я слышал,
Что скучно, наконец, записывать их в книжку.
Ужель помещики в России таковы?
Я к многим заезжал; иные, точно, грубы —
Муж *ты* своей жене, жена супругу *вы*,
Сивуха, черный хлеб, овчинные тулупы.
Но есть премилые: прилично убран дом,
У дочерей рояль, а чаще фортепьяно,
Хозяин с Францией и с Англией знаком,
Хозяйка не заснет без модного романа;
Ну, все, как водится у развитых людей,
Которые глядят прилично на предметы
И вряд ли мужиков трактуют, как свиней...

Я также наблюдал — в окно моей кареты —
И быт крестьянина: он нищеты далек!
По собственным моим владеньям проезжая,
Созвал я мужиков: составили кружок
И гаркнули «ура!..» С балкона наблюдая,
Спросил: довольны ли?.. кричат: «Довольны всем!»

— И управляющим? — «Довольны»... О работах
Я с ними говорил, поил их — и затем,
Бекаса подстрелив в наследственных болотах,
Поехал далее... Я мало с ними был,
Но видел, что мужик свободно ел и пил,
Плясал и песни пел; а немец-управитель
Казался между них отец и покровитель...

Чего же им еще?.. А если, точно, есть
Любители кнута, поборники тиранства,
Которые, забыв гуманность, долг и честь,
Пятнают родину и русское дворянство,—
Чего же медлишь ты, сатиры грозной бич?..
Я книги русские перебирал все лето:
Пустейшая мораль, напыщенная дичь —
И лучшие темны, как стертая монета!
Жаль, дремлет русский ум. А то, чего б верней?
Правительство казнит открытого злодея,
Сатира действует и шире, и смелей,
Как пуля находить виновного умея.
Сатире уж не раз обязана была
Европа (кажется, отчасти и Россия)
Услугой важною

БУРЯ

Долго не сдавалась Любушка соседка,
Наконец шепнула: «Есть в саду беседка,

Как темнее станет — понимаешь ты?..»
Ждал я, исстрадался, ночки-темноты!

Кровь-то молодая: закипит — не шутка!
Да взглянул на небо — и поверить жутко!

Небо обложилось тучами кругом...
Полил дождь ручьями — прокатился гром!

Брови я нахмурил и пошел угрюмый —
«Свидеться сегодня лучше и не думай!

Люба белоручка, Любушка пуглива,
В бурю за ворота выбежать ей в диво;

Правда, не была бы буря ей страшна,
Если б... да настолько любит ли она?..»

Без надежды, скучен прихожу в беседку,
Прихожу и вижу — Любушку соседку!

Промочила ножки и хоть выжми шубку...
Было мне заботы обсушить голубку!

Да зато с той ночи я бровей не хмрю,
Только усмехаюсь, как заслышу бурю...

НЕСЖАТАЯ ПОЛОСА

Поздняя осень. Грачи улетели,
Лес обнажился, поля опустели,

Только не сжата полоска одна...
Грустную думу наводит она.

Кажется, шепчут колосья друг другу:
«Скучно нам слушать осеннюю вьюгу,

Скучно склоняться до самой земли,
Тучные зерна купая в пыли!

Нас, что ни ночь, разоряют станицы
Всякой пролетной прожорливой птицы,

Заяц нас топчет, и буря нас бьет...
Где же наш пахарь? чего еще ждет?

Или мы хуже других уродились?
Или недружно цвели-колосились?

Нет! мы не хуже других — и давно
В нас налилось и созрело зерно.

Не для того же пахал он и сеял,
Чтобы нас ветер осенний развеял?..»

Ветер несет им печальный ответ:
— Вашему пахарю моченьки нет.

Знал, для чего и пахал он и сеял,
Да не по силам работу затеял.

Плохо бедняге — не ест и не пьет,
Червь ему сердце больное сосет,

Руки, что вывели борозды эти,
Высохли в щепку, повисли, как плети,

Очи потускли, и голос пропал,
Что заунывную песню певал,

Как, на соху налегая рукою,
Пахарь задумчиво шел полосою.

* * *

Я сегодня так грустно настроен,
Так устал от мучительных дум,
Так глубоко, глубоко спокоен
Мой истерзанный пыткой ум,—

Что недуг, мое сердце гнетущий,
Как-то горько меня веселит,—
Встречу смерти, грозящей, идущей,
Сам пошел бы... Но сон освежит —

Завтра встану и выбегу жадно
Встречу первому солнца лучу:
Вся душа вострепнется отрадно,
И мучительно жить захочу!

А недуг, сокрушающий силы,
Будет так же и завтра томить
И о близости темной могилы
Так же внятно душе говорить...

В Л А С

В армяке с открытым воротом,
С обнаженной головой,
Медленно проходит городом
Дядя Влас — старик седой.

На груди икона медная;
Просит он на божий храм,
Весь в веригах, обувь бедная,
На щеке глубокий шрам;

Да с железным наконешником
Палка длинная в руке...
Говорят, великим грешником
Был он прежде. В мужике

Бога не было; побоями
В гроб жену свою вогнал;
Промышляющих разбоями
Конокрадов укрывал;

У всего соседства бедного
Скупит хлеб, а в черный год
Не поверит гроша медного,
Втрое с нищего сдерет!

Брал с родного, брал с убогого,
Слыл кащеем-мужиком;
Нрава был крутого, строгого...
Наконец и грянул гром!

Власу худо, кличет знахаря,—
Да поможешь ли тому,
Кто снимал рубашку с пахаря,
Крал у нищего суму?

Только пуще все неможется.
Год прошел — а Влас лежит
И построить церковь божится,
Если смерти избежит.

Говорят, ему видение
Все мерещилось в бреду:
Видел света преставление,
Видел грешников в аду:

Мучат бесы их проворные,
Жалит ведьма-егоза.
Ефиопы — видом черные
И как углие глаза,

Крокодилы, змии, скорпии
Припекают, режут, жгут...
Воют грешники в прискорбии,
Цепи ржавые грызут.

Гром глушит их вечным грохотом,
Удушает лютый смрад,
И кружит над ними с хохотом
Черный тигр-шестикрылат.

Те на длинный шест нанизаны,
Те горячий лижут пол...
Там, на хартиях написаны,
Влас грехи свои прочел.

Влас увидел тьму кромешную
И последний дал обет...
Внял господь — и душу грешную
Воротил на вольный свет.

Роздал Влас свое имение,
Сам остался бос и гол
И собирать на построение
Храма божьего пошел.

С той поры мужик скитается
Вот уж скоро тридцать лет,
Подаянием питается —
Строго держит свой обет.

Сила вся души великая
В дело божие ушла:
Словно сроду жадность дикая
Непричастна ей была...

Полон скорбью неутешною,
Смуглолиц, высок и прям,
Ходит он стопой неспешною
По селеньям, городам.

Нет ему пути далекого:
Был у матушки Москвы,
И у Каспия широкого,
И у царственной Невы.

Ходит с образом и с книгою,
Сам с собой все говорит
И железною веригю
Тихо на ходу звенит.

Ходит в зимушку студеную,
Ходит в летние жары,
Вызывая Русь крещеную
На посильные дары.—

И дают, дают прохожие...
Так из лепты трудовой
Вырастают храмы божии
По лицу земли родной...

М А Ш А

Белый день занялся над столицей,
Сладко спит молодая жена,
Только труженик муж бледнолицый
Не ложится — ему не до сна!

Завтра Маше подруга покажет
Дорогой и красивый наряд...
Ничего ему Маша не скажет,
Только взглянет... убийственный взгляд!

В ней одной его жизни отрада,
Так пускай в нем не видит врага:
Два таких он ей купит наряда.
А столичная жизнь дорога!

Есть, конечно, прекрасное средство:
Под рукою казенный сундук;
Но испорчен он был с малолетства
Изученьем опасных наук.

Человек он был новой породы:
Исключительно честь понимал
И безгрешные даже доходы
Называл воровством, либерал!

Лучше жить бы хотел он попроще,
Не франтить, не тянуться бы в свет,—
Да обидно покажется теще,
Да осудит богатый сосед!

Все бы вздор... только с Машей не сладишь,
Не втолкуешь — глупа, молода!
Скажет: «Так за любовь мою платишь!»
Нет! упреки тошнее труда!

И кипит-поспевает работа,
И болит-надрывается грудь...
Наконец наступила суббота:
Вот и праздник — пора отдохнуть!

Он лелеет красавицу Машу,
Выпив полную чашу труда,
Наслаждения полную чашу
Жадно пьет... и он счастлив тогда!

Если дни его полны печали,
То минуты порой хороши,
Но и самая радость едва ли
Не вредна для усталой души.

Скоро в гроб его Маша уложит,
Проклянет свой сиротский удел,
И — бедняжка! — ума не приложит:
Отчего он так скоро сгорел?

* * *

Безвестен я. Я вами не стяжал
Ни почестей, ни денег, ни похвал,
Стихи мои — плод жизни несчастливой,
У отдыха похищенных часов,
Сокрытых слез и думы боязливой;
Но вами я не восхвалял глупцов,
Но с подлостью не заключал союза, —
Нет! свой венец терновый приняла
Не дрогнув обесславленная Муза
И под кнутом без звука умерла.

* * *

Праздник жизни — молодости годы —
Я убил под тяжестью труда
И поэтом, баловнем свободы,
Другом лени — не был никогда.

Если долго сдержанные муки,
Накипев, под сердце подойдут,
Я пишу: рифмованные звуки
Нарушают мой обычный труд.

Все ж они не хуже плоской прозы
И волнуют мягкие сердца,
Как внезапно хлынувшие слезы
С огорченного лица.

Но не льщусь, чтоб в памяти народной
Уцелело что-нибудь из них...
Нет в тебе поэзии свободной,
Мой суровый, неуклюжий стих!

Нет в тебе творящего искусства...
Но кипит в тебе живая кровь,
Торжествует мстительное чувство,
Догорая, теплится любовь, —

Та любовь, что добрых прославляет,
Что клеймит злодея и глупца
И венком терновым наделяет
Беззащитного певца...

* * *

Поражена потерей невозвратной,
Душа моя уныла и слаба:
Ни гордости, ни веры благодатной —
Постыдное бессилие раба!

Ей все равно — холодный сумрак гроба,
Позор ли, слава, ненависть, любовь,—
Погасла и спасительная злоба,
Что долго так разогревала кровь.

Я жду... но ночь не близится к рассвету,
И мертвый мрак кругом... и та,
Которая воззвать могла бы к свету,—
Как будто смерть сковала ей уста!

Лицо без мысли, полное смятенья,
Сухие, напряженные глаза,—
И кажется, зарею обновленья
В них никогда не заблестит слеза.

СВАДЬБА

В сумерки в церковь вхожу. Малолюдно,
Светят лампы печально и скудно,
Темны просторного храма углы;
Длинные окна, то полные мглы,
То озаренные беглым мерцаньем,
Тихо колеблются с робким бряцаньем.
В куполе темень такая висит,
Что поглядеть туда — дрожь пробежит!
С каменных плит и со стен полутемных
Сыростью веет; на петлях огромных
Словно заплакана тяжкая дверь...
Нет богомольцев, не служба теперь —
Свадьба. Венчаются люди простые.
Вот у наоя стоят молодые:
Парень-ремесленник фертom глядит,
Красен с лица и с затылка подбрит —
Видно: разгульного сорта детина!
Рядом невеста: такая кручина
В бледном лице, что глядеть тяжело...
Бедная женщина! Что вас свело?

Вижу я, стан твой немного полнее,
Чем бы... Я понял! Стыдливо краснея
И нагибаясь, свой длинный платок
Ты на него потянула... Увлёк,
Видно, гуляка подарком да лаской,
Песней, гитарой да честною маской?
Ты ему сердце свое отдала...
Сколько ночей ты потом не спала!

Сколько ты плакала!.. Он не оставил,
Волей ли, нет ли, он дело поправил, —
Бог не без милости — ты спасена...
Что же ты так безнадежно грустна?

Ждет тебя много попреков жестоких,
Дней трудовых, вечеров одиноких;
Будешь ребенка больного качать,
Буйного мужа домой поджидать,
Плакать, работать — да думать уныло,
Что тебе жизнь молодая сулила,
Чем подарила, что даст впереди...
Бедная! лучше вперед не гляди!

* * *

Давно — отвергнутый тобою,
Я шел по этим берегам
И, полон думой роковою,
Мгновенно кинулся к волнам.
Они приветливо яснили.
На край обрыва я ступил —
Вдруг волны грозно потемнели,
И страх меня остановил!
Поздней — любви и счастья полны,
Ходили часто мы сюда,
И ты благословляла волны,
Меня отвергшие тогда.
Теперь — один, забыт тобою,
Чрез много роковых годов,
Брожу с убитою душою
Опять у этих берегов.
И та же мысль приходит снова —
И на обрыве я стою,
Но волны не грозят сурово,
А манят в глубину свою...

САША

1

Словно как мать над сыновней могилой,
Стонет кулик над равниной унылой,

Пахарь ли песню вдали запоем —
Долгая песня за сердце берет;

Лес ли начнется — сосна да осина...
Невесела ты, родная картина!

Что же молчит мой озлобленный ум?..
Сладок мне леса знакомого шум,

Любо мне видеть знакомую ниву —
Дам же я волю благому порыву

И на родимую землю мою
Все накипевшие слезы пролью!

Злобою сердце питаться устало —
Много в ней правды, да радости мало;

Спящих в могилах виновных теней
Не разбужу я враждою моей.

Родина-мать! я душою смирился,
Любящим сыном к тебе воротился.

Сколько б на нивах бесплодных твоих
Даром ни сгинуло сил молодых,

Сколько бы ранней тоски и печали
Вечные бури твои ни нагнали

На боязливую душу мою —
Я побежден пред тобою стою!

Силу сломили могучие страсти,
Гордую волю погнули напасти,

И про убитую музу мою
Я похоронные песни пою.

Перед тобою мне плакать не стыдно,
Ласку твою мне принять не обидно —

Дай мне отраду объятий родных,
Дай мне забвенье страданий моих!

Жизнью измят я... и скоро я сгину...
Мать не враждебна и к блудному сыну!

Только что ей я объятья раскрыл —
Хлынули слезы, прибавилось сил.

Чудо свершилось: убогая нива
Вдруг просветлела, пышна и красива,

Ласковой машет вершинами лес,
Солнце приветливой смотрит с небес.

Весело въехал я в дом тот угрюмый,
Что, осенив сокрушительной думой,

Некогда стих мне суровый внушил...
Как он печален, запущен и хил!

Скучно в нем будет. Нет, лучше поеду,
Благо не поздно, теперь же к соседу

И поселюсь среди мирной семьи.
Славные люди — соседи мои,

Славные люди! Радушье их честно,
Лесть им противна, а спесь неизвестна.

Как-то они доживают свой век?
Он уже дряхлый, седой человек,
Да и старушка немногим моложе.
Весело будет увидеть мне тоже
Сашу, их дочь... Недалеко их дом.
Все ли застану по-прежнему в нем?

2

Добрые люди, спокойно вы жили,
Милую дочь свою нежно любили.

Дико росла, как цветок полевой,
Смуглая Саша в деревне степной.

Всем окружив ее тихое детство,
Что позволяли убогие средства,

Только развить воспитаньем, увы!
Эту головку не думали вы.

Книги ребенку — напрасная мука,
Ум деревенский пугает наука;

Но сохраняется дольше в глуши
Первоначальная ясность души,

Рдеет румянец и ярче и краше...
Мило и молодо дитяtko ваше,—

Бегает живо, горит, как алмаз,
Черный и влажный смеющийся глаз,

Щеки румяны, и полны, и смуглы,
Брови так тонки, а плечи так круглы!

Саша не знает забот и страстей,
А уж шестнадцать исполнилось ей...

Выспится Саша, поднимется рано,
Черные косы завяжет у стана

И убежит, и в просторе полей
Сладко и вольно так дышится ей.

Та ли, другая пред нею дорожка —
Смело ей вверится бойкая ножка;

Да и чего побоится она?..
Все так спокойно; кругом тишина,

Сосны вершинами машут приветно,
Кажется, шепчут, струясь незаметно,

Волны, под сводом зеленых ветвей:
«Путник усталый! бросайся скорей

В наши объятья: мы добры и рады
Дать тебе, сколько ты хочешь, прохлады».

Полею идешь — все цветы да цветы,
В небо глядишь — с голубой высоты

Солнце смеется... Ликует природа!
Всюду приволье, покой и свобода;

Только у мельницы злится река:
Нет ей простора... неволя горька!

Бедная! как она вырваться хочет!
Брызжется пеной, бурлит и клокочет,

Но не прорвать ей плотины своей.
«Не суждена, видно, волюшка ей,—

Думает Саша,— безумно роптанье...»
Жизни кругом разлитой ликование

Саше порукой, что милостив бог...
Саша не знает сомненья тревог.

Вот по распаханной черной поляне,
Землю взрывая, бредут поселяне —

Саша в них видит довольных судьбой
Мирных хранителей жизни простой;

Знает она, что недаром с любовью
Землю польют они пóтом и кровью...

Весело видеть семью поселян,
В землю бросающих горсти семян;

Дорого-любю, кормилица-нива,
Видеть, как ты колосишься красиво,

Как ты, янтарным зерном налита,
Гордо стоишь, высока и густа!

Но веселей нет поры обмолота:
Легкая дружно спорится работа;

Вторит ей эхо лесов и полей,
Словно кричит: «поскорей! поскорей!»

Звук благодатный! Кого он разбудит,
Верно весь день тому весело будет!

Саша проснется — бежит на гумно.
Солнышка нет — ни светло, ни темно,

Только что шумное стадо прогнали.
Как на подмерзлой грязи натоптали

Лошади, овцы!.. Парным молоком
В воздухе пахнет. Мотая хвостом,

За нагруженной снопами телегой
Чинно идет жеребеночек пегий,

Пар из отворенной риги валит,
Кто-то в огне там у печки сидит.

А на гумне только руки мелькают
Да высоко молотила взлетают,

Не успевает улечься их тень.
Солнце взошло — начинается день...

Саша собирала цветы полевые,
С детства любимые, сердцу родные,

Каждую травку соседних полей
Знала по имени. Нравилось ей

В пестром смешении звуков знакомых
Птиц различать, узнавать насекомых.

Время к полудню, а Саши все нет.
«Где же ты, Саша? простынет обед,

Сашенька! Саша!..» С желтеющей нивы
Слышатся песни простой переливы;

Вот раздалось «ау!» вдалеке;
Вот над колосьями в синем венке

Черная быстро мелькнула головка...
«Вишь ты, куда забежала, плутовка!

Э!.. да никак колосистую рожь
Переросла наша дочка!» — Так что ж?

«Что? ничего! понимай, как умеешь!
Что теперь надо, сама разумеешь:

Спелому колосу — серп удалой,
Девике взрослой — жених молодой!»

— Вот еще выдумал, старый проказник!
«Думай не думай, а будет нам праздник!»

Так рассуждая, идут старики
Саше навстречу; в кустах у реки

Смирно присядут, подкрадутся ловко,
С криком внезапным: «Попалась, плутовка!»

Сашу поймают, и весело им
Свидеться с дитятком бойким своим...

В зимние сумерки нянины сказки
Саша любила. Поутру в салазки

Саша садилась, летела стрелой,
Полная счастья, с горы ледяной.

Няня кричит: «Не убейся, родная!»
Саша, салазки свои погоняя,

Весело мчится. На полном бегу
На бок салазки — и Саша в снегу!

Выбьются косы, растреплется шубка —
Снег отряхает, смеется, голубка!

Не до ворчанья и няне седой:
Любит она ее смех молодой...

Саше случалось звать и печали:
Плакала Саша, как лес вырубали,

Ей и теперь его жалко до слез.
Сколько тут было кудрявых берез!

Там из-за старой, нахмуренной ели
Красные грозды калины глядели,

Там поднимался дубок молодой.
Птицы царили в вершине лесной,

Понизу всякие звери таились.
Вдруг мужики с топорами явились —

Лес зазвенел, застонал, затрещал.
Заяц послушал — и вон побежал,

В темную нору забились лисица,
Машет крылом осторожнее птица,

В недоуменье тащат муравьи
Что ни попало в жилища свои.

С песнями труд человека спорился:
Словно подкошен, осинник валился,

С треском ломали сухой березняк,
Корчили с корнем упорный дубняк,

Старую сосну сперва подрубали,
После арканом ее нагибали

И, поваливши, плясали на ней,
Чтобы к земле прилегла поплотней.

Так, победив после долгого боя,
Враг уже мертвого топчет героя.

Много тут было печальных картин:
Стоном стонали верхушки осин,

Из перерубленной старой березы
Градом лилился прощальные слезы

И пропадали одна за другой
Данью последней на почве родной.

Кончились поздно труды роковые.
Вышли на небо светила ночные,

И над поверженным лесом луна
Остановилась, кругла и ясна,—

Трупы деревьев недвижно лежали;
Сучья ломались, скрипели, трещали,

Жалобно листья шумели кругом.
Так, после битвы, во мраке ночном,

Раненый стонет, зовет, проклинает.
Ветер над полем кровавым летает —

Праздно лежащим оружием звенит,
Волосы мертвых бойцов шевелит!

Тени ходили по пням беловатым,
Жидким осинам, березам косматым;

Низко летали, вились колесом
Совы, шарахаясь оземь крылом;

Звонко кукушка вдали куковала,
Да, как безумная, галка кричала,

Шумно летая над лесом... но ей
Не отыскать неразумных детей!

С дерева комом галчата упали,
Желтые рты широко разевали,

Прыгали, злились. Наскучил их крик —
И придавил их ногою мужик.

Утром работа опять закипела.
Саша туда и ходить не хотела,

Да через месяц — пришла. Перед ней
Взрытые глыбы и тысячи пней;

Только, уныло повиснув ветвями,
Старые сосны стояли местами,—

Так на селе остаются одни
Старые люди в рабочие дни.

Верхние ветви так плотно сплелись,
Словно там гнезда жар-птиц завелись,

Что, по словам долговечных людей,
Дважды в полвека выводят детей.

Саше казалось, пришло уже время:
Вылетит скоро волшебное племя,

Чудные птицы посядут на пни,
Чудные песни споют ей они!

Саша стояла и чутко внимала,
В красках вечерних заря догорала —

Через соседний несрубленный лес,
С пышно-румяного края небес

Солнце пронзалось стрелой лучезарной,
Шло через пни полосой янтарной

И наводило на дальний бугор
Света и теней недвижный узор.

Долго в ту ночь, не смыкая ресницы,
Думает Саша: что петь будут птицы?

В комнате словно тесней и душней.
Саше не спится,— но весело ей.

Пестрые грезы сменяются живо,
Щеки румянцем горят нестыдливо,

Утренний сон ее крепок и тих...
Первые зорьки страстей молодых,

Полны вы чары и неги беспечной!
Нет еще муки в тревоге сердечной;

Туча близка, но угрюмая тень
Медлит испортить смеющийся день,

Будто жалея... И день еще ясен...
Он и в грозе будет чудно прекрасен,

Но безотчетно пугает гроза...
Эти ли детски живые глаза,

Эти ли полные жизни ланиты
Грустно поблекнут, слезами покрыты?

Эту ли резвую волю во власть
Гордо возьмет всегубящая страсть?

Мимо идите, угрюмые тучи!
Горды вы силой, свободой могучи:

С вами ли, грозные, вынести бой
Слабой и робкой былинке степной?..

3

Третьего года, наш край покидая,
Старых соседей моих обнимая,

Помню, пророчил я Саше моей
Доброго мужа, румяных детей,

Долгую жизнь без тоски и страданья...
Да не сбылися мои предсказанья!

В страшной беде стариков я застал.
Вот что про Сашу отец рассказал:

«В нашем соседстве усадьба большая
Лет уже сорок стояла пустая;

В третьем году наконец прикатил
Барин в усадьбу и нас посетил,

Именем: Лев Алексеич Агарин,
Ласков с прислугой, как будто не барин,

Тонок и бледен. В лорнетку глядел,
Мало волос на макушке имел.

Звал он себя перелетною птицей:
— Был,— говорит,— я теперь за границей,

Много видал я больших городов,
Синих морей и подводных мостов,—

Все там приволье, и роскошь, и чудо,
Да высылали доходы мне худо.

На пароходе в Кронштадт я пришел,
И надо мной все кружился орел,

Словно пророчил великую долю.—
Мы со старухой дивилися вволю,

Саша смеялась, смеялся он сам...
Начал он часто похаживать к нам.

Начал гулять, разговаривать с Сашей
Да над природой подтрунивать нашей:

Есть-де на свете такая страна,
Где никогда не проходит весна,

Там и зимою открыты балконы,
Там поспевают на солнце лимоны,

И начинал, в потолок посмотрев,
Грустное что-то читать нараспев.

Право, как песня слова выходили.
Господи! сколько они говорили!

Мало того: он ей книжки читал
И по-французски ее обучал.

Словно брала их чужая кручина,
Все рассуждали: какая причина,

Вот уж который теперича век
Беден, несчастлив и зол человек?

— Но,— говорит,— не слабейте душою:
Солнышко правды взойдет над землею!

И в подтверждение надежды своей
Старой рябиновкой чокался с ней.

Саша туда же — отстать-то не хочет —
Выпить не выпьет, а губы обмочит;

Грешные люди — пивали и мы.
Стал он прощаться в начале зимы:

— Бил,— говорит,— я довольно баклуши,
Будьте вы счастливы, добрые души,

Благословите на дело... пора! —
Перекрестился — и съехал с двора...

В первое время печалилась Саша,
Видим: скучна ей компания наша.

Годы ей, что ли, такие пришли?
Только узнать мы ее не могли,

Скучны ей песни, гаданья и сказки.
Вот и зима! — да не тешат салазки.

Думает думу, как будто у ней
Больше забот, чем у старых людей.

Книжки читает, украдкою плачет.
Видели: письма все пишет и прячет.

Книжки выписывать стала сама —
И наконец набралась же ума!

Что ни спроси, растолкует, научит,
С ней говорить никогда не наскучит;

А доброта... Я такой доброты
Бек не видал, не увидишь и ты!

Бедные — все ей приятели-друзи:
Кормит, ласкает и лечит недуги.

Так девятнадцать ей минуло лет.
Мы поживаем — и горюшка нет.

Надо же было вернуться соседу!
Слышим: приехал и будет к обеду.

Как его весело Саша ждала!
В комнату свежих цветов принесла;

Книги свои уложила исправно,
Просто оделась, да так-то ли славно;

Вышла навстречу — и ахнул сосед!
Словно орóбел. Мудреного нет:

В два-то последние года на диво
Сашенька стала пышна и красива,

Прежний румянец в лице заиграл.
Он же бледней и плешивее стал...

Все, что ни делала, что ни читала,
Саша тотчас же ему рассказала;

Только не впрок угожденье пошло!
Он ей перечил, как будто назло:

— Оба тогда мы болтали пустое!
Умные люди решили другое,

Род человеческий низок и зол.—
Да и пошел! и пошел! и пошел!..

Что говорил — мы понять не умеем,
Только покоя с тех пор не имеем:

Вот уж сегодня семнадцатый день
Саша тоскует и бродит, как тень.

Книжки свои то читает, то бросит,
Гость навестит, так молчать его просит.

Был он три раза; однажды застал
Сашу за делом: мужик диктовал

Ей письмецо, да какая-то баба
Травки просила — была у ней жаба.

Он поглядел и сказал нам шутя:
— Тешится новой игрушкой дитя!

Саша ушла — не ответила слова...
Он было к ней; говорит: «Нездорова».

Книжек прислал — не хотела читать
И приказала назад отослать.

Плачет, печалится, молится богу...
Он говорит: «Я собрался в дорогу».

Сашенька вышла, простилась при нас,
Да и опять наверху заперлась.

Что ж?.. он письмо ей прислал. Между нами:
Грешные люди, с испугу мы сами

Прежде его прочитали тайком:
Руку свою предлагает ей в нем.

Саша сначала отказ отослала,
Да уж потом нам письмо показала.

Мы уговаривать: чем не жених?
Молод, богат, да и нравом-то тих.

«Нет, не пойду». А сама не спокойна;
То говорит: «Я его недостойна»,

То: «Он меня недостойн: он стал
Зол и печален и духом упал!»

А как уехал, так пуще тоскует,
Письма его потихоньку целует!..

Что тут такое? родной, объясни!
Хочешь, на бедную Сашу взгляни.

Долго ли будет она убиваться?
Или уж ей не певать, не смеяться,

И погубил он бедняжку навек?
Ты нам скажи: он простой человек

Или какой чернокнижник-губитель?
Или не сам ли он бес-искуситель?..»

4

— Полноте, добрые люди, тужить!
Будете скоро по-прежнему жить:

Саша поправится — бог ей поможет.
Околдовать никого он не может:

Он... не могу приложить головы,
Как объяснить, чтобы поняли вы...

Странное племя, мудреное племя
В нашем отечестве создало время!

Это не бес, искуситель людской,
Это, увы! — современный герой!

Книги читает да по свету рыщет —
Дела себе исполинского ищет,

Благо, наследье богатых отцов
Освободило от малых трудов,

Благо, идти по дороге избитой
Лень помешала да разум развитый.

«Нет, я души не растрachu моей
На муравьиной работе людей:

Или под бременем собственной силы
Сделаюсь жертвою ранней могилы,

Или по свету звездой пролечу!
Мир,— говорит,— осчастливить хочу!»

Что ж под руками, того он не любит,
То мимоходом без умыслу губит.

В наши великие, трудные дни
Книги не шутка: укажут они

Все недостойное, дикое, злое,
Но не дадут они сил на благое,

Но не научат любить глубоко...
Дело веков поправлять не легко!

В ком не воспитано чувство свободы,
Тот не займет его; нужны не годы —

Нужны столетья, и кровь, и борьба,
Чтоб человека создать из раба.

Все, что высоко, разумно, свободно,
Сердцу его и доступно, и сродно,

Только дающая силу и власть
В слове и деле чужда ему страсть!

Любит он сильно, сильнее ненавидит,
А доведись — комара не обидит!

Да говорят, что ему и любовь
Голову больше волнует — не кровь!

Что ему книга последняя скажет,
То на душе его сверху и ляжет:

Верить, не верить—ему все равно,
Лишь бы доказано было умно!

Сам на душе ничего не имеет,
Что вчера сжал, то сегодня и сеет;

Нынче не знает, что завтра сожнет,
Только, наверное, сеять пойдет.

Это в простом переводе выходит,
Что в разговорах он время проводит;

Если ж за дело возьмется — беда!
Мир виноват в неудаче тогда;

Чуть поослабнут нетвердые крылья,
Бедный кричит: «Бесполезны усилья!»

И уж куда как становится зол
Крылья свои опаливший орел...

Поняли?.. нет!.. Ну, беда небольшая!
Лишь поняла бы бедняжка больная.

Благо, теперь догадалась она,
Что отдаваться ему не должна,

А остальное все сделает время.
Сеет он все-таки доброе семя!

В нашей степной полосе что ни шаг,
Знаете вы,— то бугор, то овраг:

В летнюю пору безводны овраги,
Выжжены солнцем, песчаны и наги,

Осенью грязны, не видны зимой,
Но погодите: повеет весной

С теплого края, оттуда, где люди
Дышат вольнее — в три четверти груди,—

Красное солнце растопит снега,
Реки покинут свои берега,—

Чуждые волны кругом разливая,
Будет и дерзок, и полон до края

Жалкий овраг... Пролетела весна —
Выжжет опять его солнце до дна,

Но уже зреет на ниве поемной,
Что оросил он волною заемной,

Пышная жатва. Нетронутых сил
В Саше так много сосед пробудил...

Эх! говорю я хитро, непонятно!
Знайте и верьте, друзья: благодатна

Всякая буря душе молодой —
Зреет и крепнет душа под грозой.

Чем неутешнее дитяtko ваше,
Тем встрепенется светлее и краше:

В добрую почву упало зерно —
Пышным плодом отродится оно!

ПАМЯТИ <АСЕНКОВ>ОЙ

В тоске по юности моей
И в муках разрушенья
Прошедших невозвратных дней
Припомнив впечатленья,

Одно из них я полюбил
Будить в душе суровой,
Одну из множества могил
Оплакал скорбью новой...

Я помню: занавесь взвилась,
Толпа угомонилась —
И ты на сцену в первый раз,
Как светлый день, явилась.

Театр гремел. и дилетант,
И скептик хладнокровный
Твое искусство, твой талант
Почтили данью ровной.

И точно, мало я видал
Красивее головок;
Твой голос ласково звучал,
Твой каждый шаг был ловок;

Дышали милые черты
Счастливым детским смехом...
Но лучше б воротилась ты
Со сцены с неудачей!

Увы, наивна ты была,
Вступая за кулисы —
Ты благородно поняла
Призвание актрисы:

Исканья старых богачей
И молодых нахалов,
Куплеты бледных рифмачей
И вздохи театралов —

Ты всё отвергла... Заперлась
Ты феей недоступной —
И вся искусству предалась
Душою неподкупной.

И что ж? обижены тобой,
Лишенные надежды,
Отмстить решили клеветой
Бездушные невежды!

Переходя из уст в уста,
Коварна и бесчестна,
Крылатым змеем клевета
Носилась повсеместно —

И все заговорило вдруг...
Посыпались упреки.
Стихи и письма, и друг
Нетонкие намеки...

Душа твоя была нежна,
Прекрасна, как и тело,
Клевет не вынесла она,
Врагов не одолела!

Их говор лишь тогда затих,
Как смерть тебя сразила...
Ты до последних дней своих
Со сцены не сходила.

В сознание светлой красоты
И творческого чувства

Восторг толпы любила ты,
Любила ты искусство,

Любила славу... Твой закат
Был странен и прекрасен:
Горел огнем глубокий взгляд,
Пронзителен и ясен;

Пылали щеки; голос стал
Богаче страстью нежной...
Увы! театр рукоплескал
С тоскою безнадежной!

Сама ты знала свой удел,
Но до конца, как прежде,
Твой голос, погасая, пел
О счастье и надежде.

Не так ли звездочка в ночи,
Срываясь, упадает
И на лету свои лучи
Последние роняет?..

ИЗВОЗЧИК

1

Парень был Ванюха ражий,
Рослый человек,—
Не поддайся силе вражей,
Жил бы долгий век.
Полусонный по природе,
Знай зевак в кулак,
И прозвание в народе
Получил: вахлак!
Правда, с ним случилось диво,
Как в Грязной стоял:
Ел он мало и лениво,
По ночам не спал...
Все глядит, бывало, в оба
В супротивный дом:
Там жила его зазноба —
Кралечка лицом!
Под ворота — словно птичка
Вылетит с гнезда,
Белоручка, белоличка...
Жаль одно: горда!
Прокатив ее, учтиво
Он ей раз сказал:
«Вишь, ты больно тороплива», —
И за ручку взял...
Рассердилась: «Не позволю!
Полно — не замай!
Прежде выкупись на волю,
Да потом хватай!»
Поглядел за нею Ваня,
Головой тряхнул:

«Не про нас ты, — молвил, — Таня», —
И рукой махнул...
Скоро лето наступило,
С барыней своей
Таня в Тулу укатила.
Ванька стал умней:
Он по прежнему порядку
Полюбил чаек,
Наблюдал свою лошадку,
Добывал оброк,
Пил умеренно горелку,
Знал копейке вес,
Да какую же проделку
Сочинил с ним бес!..

2

Раз купец ему попался
Из родимых мест;
Ванька с ним с утра катался
До вечерних звезд.
А потом наелся плотно,
Обрядил коня
И улегся беззаботно
До другого дня...
Спит и слышит стук в ворота.
Чу! шумят, встают...
Не пожар ли? вот забота!
Чу! к нему идут.
Он вскочил, как заяц сгонный,
Видит: с фонарем
Перед ним хозяин сонный
С седоком-купцом.
«Санки где твои, детина?
Покажи ступай!» —
Говорит ему купчина —
И ведет в сарай...
Помутился ум у Вани,
Он как лист дрожал...
Поглядел купчина в сани
И, крестясь, сказал:
«Слава богу! слава богу!
Цел мешок-то мой!

Не взыщите за тревогу —
Капитал большой.
Понимаете, с походом
Будет тысяч пять...»
И купец перед народом
Деньги стал считать...
И пока рубли звенели,
Поднялся весь дом —
Ваньки сонные глядели,
Оступя кругом.
«Цело все! — сказал купчина,
Парня подозревал:—
Вот на чай тебе полтина!
Благо ты не знал:
Серебро-то не бумажки,
Нет приметы, брат;
Мне ходить бы без рубашки,
Ты бы стал богат,—
Да господь-то справедливый
Попугал шутя...»
И ушел купец счастливый,
Под мешком кряхтя...
Над разиней поглумились
И опять легли,
А как утром пробудились
И в сарай пришли,
Глядь — и обмерли с испугу...
Ни гу-гу — молчат;
Показали вверх друг другу
И пошли назад...
Прибежал хозяин бледный,
Вся сошлась семья:
«Что такое?..» Ванька бедный —
Бог ему судья! —
Совладать с лукавым бесом,
Видно, не сумел:
Над санями под навесом
На вожжах висел!
А ведь был детина ражий,
Рослый человек,—
Не поддайся силе вражей,
Жил бы долгий век...

ПОСЛЕДНИЕ ЭЛЕГИИ

1

Душа мрачна, мечты мои унылы,
Грядущее рисуется темно.
Привычки, прежде милые, постылы,
И горек дым сигары. Решено!
Не ты горька, любимая подруга
Ночных трудов и одиноких дум,—
Мой жребий горек. Жадного недуга
Я не избег. Еще мой светел ум,
Еще в надежде глупой и послушной
Не ищет он отрады малодушной,
Я вижу все... А рано смерть идет,
И жизни жаль мучительно. Я молод,
Теперь поменьше мелочных забот,
И реже в дверь мою стучится голод:
Теперь бы мог я сделать что-нибудь.
Но поздно!.. Я, как путник безрассудный,
Пустившийся в далекий, долгий путь,
Не соразмерив сил с дорогой трудной:
Кругом все чуждо, негде отдохнуть,
Стоит он, бледный, средь большой дороги.
Никто его не призрел, не подвез:
Промчалась тройка, проскрипел обоз —
Всё мимо, мимо!.. Подкосились ноги,
И он упал... Тогда к нему толпой
Сойдутся люди — смущены, унылы,
Почтят его ненужною слезой
И подвезут охотно — до могилы...

Я рано встал, недолги были сборы,
 Я вышел в путь, чуть занялась заря;
 Переходил я пропасти и горы,
 Переплывал я реки и моря;
 Боролся я, один и безоружен,
 С толпой врагов; не унывал в беде
 И не роптал. Но стал мне отдых нужен —
 И не нашел приюта я нигде!
 Не раз, упав лицом в сырую землю,
 С отчаяньем, голодный, я твердил:
 «По силам ли, о боже! труд подъемлю?» —
 И снова шел, собрав остаток сил.
 Все ближе и знакомее дорога,
 И пройдено все трудное в пути!
 Главы церквей сияют впереди —
 Недалеко до отчего порога!
 Насмешливо сгибаясь и кряхтя
 Под тяжестью сумы своей дырявой,
 Алчбы и жажды бледное дитя,
 Голодный труд, попутчик мой лукавый,
 Уж прочь идет: теперь нам розный путь.
 Вперед, вперед! Но изменили силы —
 Очнулся я на рубеже могилы...

И некому и нечем помянуть!
 Настанет утро — солнышко осветит.
 Бездушный труп; все будет решено!
 И в целом мире сердце лишь одно —
 И то едва ли — смерть мою заметит...

3

Пышна в разливе гордая река,
 Плывут суда, колеблясь величаво,
 Просмолены их черные бока,
 Над ними флаг, на флаге надпись: «Слава!»
 Толпы народа берегом бегут,
 К ним приковав досужее вниманье,
 И, шляпами размахивая, шлют
 Пловцы родному берегу прощанье,—

И вмиг оно подхвачено толпой,
И дружно берег весь ему ответит.
Но тут же, опрокинутый волной,
Погибни челн — и кто его заметит?
А если и раздастся дикий стон
На берегу — внезапный, одинокий,
За криками не будет слышен он
И не дойдет на дно реки глубокой...
Подруга темной участи моей!
Оставь скорее берег, озаренный
Горячим блеском солнечных лучей
И пестрою толпою оживленный,—
Чем солнце ярче, люди веселей,
Тем сердцу сокрушенному больней!

* * *

Чуть-чуть не говоря: «Ты сущая ничтожность!»,
Стихов моих печатный судия
Советует большую осторожность
В употребленье буквы «я».
Винюсь: ты прав, усердный мой ценитель
И общих мест присяжный расточитель,—
Против твоей я публики грешу,
Но только я не для нее пишу.
Увы! писать для публики, для света
Удел не русского поэта...
Друзья мои по тяжкому труду,
По Музе гордой и несчастной,
Кипящей злобою безгласной!
Мою тоску, мою беду
Пою для вас... Не правда ли, отрадно
Несчастному несчастье в другом?
Кто болен сам, тот весело и жадно
Внимает вести о больном...

* * *

Тяжелый крест достался ей на долю:
Страдай, молчи, притворствуй и не плачь;
Кому и страсть, и молодость, и волю —
Всё отдала — тот стал ее палач!

Давно ни с кем она не знает встречи;
Угнетена, пуглива и грустна,
Безумные, язвительные речи
Безропотно выслушивать должна:

«Не говори, что молодость сгубила
Ты, ревностью истерзана моей;
Не говори!.. близка моя могила,
А ты цветка весеннего свежей!

Тот день, когда меня ты полюбила
И от меня услышала: люблю —
Не проклинай!.. близка моя могила:
Поправлю все, все смертью искуплю!

Не говори, что дни твои унылы,
Тюремщиком больного не зови:
Передо мной — холодный мрак могилы,
Перед тобой — объятия любви!

Я знаю: ты другого полюбила,
Щадить и ждать наскучило тебе...
О, погоди! близка моя могила —
Начатое и кончить дай судьбе!..»

Ужасные, убийственные звуки!..
Как статуя прекрасна и бледна,
Она молчит, свои ломая руки...
И что сказать могла б ему она?..

* * *

Тяжелый год — сломил меня недуг,
Бед застигла, — счастье изменило, —
И не щадит меня ни враг, ни друг,
 И даже ты не пощадила!
 Истерзана, озлоблена борьбой
 С своими кровными врагами,
 Страдалица! стоишь ты предо мной
Прекрасным призраком с безумными глазами!
 Упали волосы до плеч,
Уста горят, румянцем рдеют щеки,
 И необузданная речь
 Сливается в ужасные упреки,
Жестокие, неправые... Постой!
Не я обрек твои молодые годы
На жизнь без счастья и свободы,
Я друг, я не губитель твой!
Но ты не слушаешь.

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

В одном из переулков дальних
Среди друзей своих печальных
Поэт в подвале умирал
И перед смертью им сказал:

«Как я, назад тому семь лет
Другой бедняк покинул свет,
Таким же сокрушен недугом.
Я был его ближайшим другом
И братом по судьбе. Мы шли
Одной тернистою дорогой
И пересилить не могли
Судьбы, — равно к обоим строгой.
Он честно истине служил,
Он духом был смелей и чище,
Зато и раньше проложил
Себе дорогу на кладбище...
А ныне очередь моя...
Его я пережил не много;
Я сделал мало, волей бога
Погибла даром жизнь моя.
Мои страдания были люты,
Но многих был я сам виной;
Теперь, в последние минуты,
Хочу я долг исполнить мой:
Хочу сказать о бедном друге
Все, что я видел, что я знал,
И что в мучительном недуге
Он честным людям завещал...

Родился он почти плебеем
(Что мы бесславьем разумеем,
Что он иначе понимал.)
Его отец был лекарь жалкий,
Он только пить любил да палкой
К ученью сына поощрял...
Процесс развития — в России
Не чуждый многим — проходя,
Книжонки дельные, пустые
Читало с жадностью дитя,
Притом, как водится, украдкой...
Тоска мечтательности сладкой
Им овладела с малых лет...
Какой прозаик иль поэт
Помог душе его развиться,
К добру и славе прилепиться —
Не знаю я. Но в нем кипел
Родник богатых сил природных —
Источник мыслей благородных
И честных, бескорыстных дел!..

С кончиной лекаря на свете
Остался он убог и мал;
Попал в Москву, учиться стал
В Московском университете;
Но выгнан был, не доказав
Каких-то о рождение прав,
Не удостоенный патентом,—
И оставался целый век
Недоучившимся студентом.
(Один ученый человек
Колол его неоднократно
Таким прозванием печатно,
Но, впрочем, бог ему судья!..)
Бедняк, терпя нужду и горе,
В подвале жил — и начал вскоре
Писать в журналах. Помню я:
Писал он много... Мыслью новой,
Стремленьем к истине суровой
Горячий труд его дышал,—
Его заметили... В ту пору
Пришла охота прожектору,
Который барышей желал,

Обширный основать журнал...
Вникая в дело неглубоко,
Искал он одного, чтоб тот,
Кто место главное займет,
Писал разборчиво и срока
В доставке своего труда
Не нарушал бы никогда.
Белинский как-то с ним списался
И жить на Север перебрался...

Тогда все глухо и мертво
В литературе нашей было:
Скончался Пушкин; без него
Любовь к ней в публике остыла...
В боренье пошлых мелочей
Она, погрязнув, поглупела...
До общества, до жизни ей
Как будто не было и дела.
В то время как в родном краю
Открыто зло торжествовало,
Ему лишь «баюшки-баю»
Литература распевала.
Ничья могучая рука
Ее не направляла к цели;
Лишь два задорных поляка
На первом плане в ней шумели,
Уж новый гений подымал
Тогда главу свою меж нами,
Но он один изнемогал,
Тесним бесстыдными врагами;
К нему под знамя приносил
Запас идей, надежд и сил
Кружок еще несмелый, тесный...
Потребность сильная была
В могучем слове правды честной,
В открытом обличенье зла...

И он пришел, плебей безвестный!..
Не пощадил он ни льстецов,
Ни подлецов, ни идиотов,
Ни в маске жарких патриотов
Благонамеренных воров!..
Он все предания проверил,
Без ложного стыда измерил

Всю бездну дикости и зла,
Куда, заснув под говор лести,
В забвенье истины и чести,
Отчизна бедная зашла!
Он расточал ей укоризны
За рабство — вековой недуг —
И прокричал врагом отчизны
Его — отчизны ложный друг.
Над ним уж тучи собирались,
Враги шумели, ополчались.
Но дикий вопль клеветника
Не помешал ему пока...
В нем силы пуще разгорались,
И между тем как перед ним
Его соратники редели,
Смирялись, пятились, немели,
Он шел один непоколебим!..

О! сколько есть душой свободных
Сынов у родины моей,
Великодушных, благородных
И неподкупно верных ей,
Кто в человеке брата видит,
Кто зло клеймит и ненавидит,
Чей светел ум и ясен взгляд,
Кому рассудок не теснят
Преданья ржавые оковы, —
Не все ль они признать готовы
Его учителем своим?..

Судьбой и случаем храним,
Трудился долго он — и много
(Конечно, не без воли бога)
Сказать полезного успел
И может быть бы уцелел...
Но поднялась тогда тревога
В Париже буйном — и у нас
По-своему отозвалась...
Скрутили бедную цензуру —
Послушав, наконец, клевет,
И разбирать литературу
Созвали целый комитет.
По счастью, в нем сидели люди
Честней, чем был из них один,

Палач науки Бутурлин.
Который, не жалея груди,
Беснуясь, повторял одно:
«Закройте университеты,
И будет зло пресечено!..»
(О муж бессмертный! не воспеты
Еще никем твои слова,
Но твердо помнит их молва!
Пусть червь тебя могильный гложет,
Но сей совет тебе поможет
В потомство перейти верней,
Чем том истории твоей...)

Почти полгода нас судили,
Читали, справки наводили —
И не остался прав никто...
Как быты! спасибо и за то,
Что не был суд бесчеловечен...
Настала грустная пора,
И честный сеятель добра
Как враг отчизны был отмечен;
За ним следили, и тюрьму
Враги пророчили ему...
Но тут услужливо могила
Ему объятья растворила:
Замучен жизнью трудовой
И постоянной нищетой,
Он умер... Помянуть печатно
Его не смели... Так о нем
Слабеет память с каждым днем
И скоро сгинет невосвратно!..»

Поэт умолк. А через день
Скончался он. Друзья сложились
И над усопшим согласились
Поставить памятник, но лень
Исполнить помешала вскоре
Благое дело, а потом
Могила заросла кругом:
Не сыщешь?.. Не велико горе!
Живой печется о живом,
А мертвый спи глубоким сном...

С Е К Р Е Т

(Опыт современной баллады)

1

В счастливой Москве, на Неглинной,
Со львами, с решеткой кругом,
Стоит одиноко старинный,
Гербами украшенный дом.

Он с роскошью барской построен,
Как будто векам напоказ;
А ныне в нем несколько боен
И с юфтью просторный лабаз.

Картофель да кочни капусты
Растут перед ним на грядках;
В нем лучшие комнаты пусты,
И мебель и бронза в чехлах.

Не ведает мудрый владелец
Тщеславья и роскоши нег;
Он в собственном доме пришелец,
Занявший в конуре ночлег.

В его деревянной пристройке
Свеча одиноко горит;
Скупец умирает на койке
И детям своим говорит:

«Огни зажигались вечерние,
 Выл ветер, и дождик мочил,
 Когда из Полтавской губернии
 Я в город столичный входил.

В руках была палка предлинная,
 Котомка пустая на ней,
 На плечах шубенка овчинная,
 В кармане пятнадцать грошей.

Ни денег, ни званья, ни племени,
 Мал ростом и с виду смешон,
 Да сорок лет минуло времени —
 В кармане моем миллион!

И сам я теперь благоденствую,
 И счастье вокруг себя лью:
 Я нравы людей совершенствую,
 Полезный пример подаю.

Я сделался важной персоною,
 Пожертвовав тысячу в год:
 Имею и Анну с короною,
 И звание «друга сирот».

Но дни наступили унылые,
 Смерть близко — спасения нет!
 И время вам, детушки милые,
 Узнать мой великий секрет.

Квартиру я нанял у дворника,
 Дрова к постояльцам таскал
 Подбился я к дочери шорника
 И с нею отца обокрал;

Потом и ее, бестолковую,
 За нужное счел обокрасть
 И в практику бросился новую —
 Запрёгся в питейную часть.

Потом...»

Вдруг лицо потемнело,
Раздался мучительный крик —
Лежит, словно мертвое тело,
И больше ни слова старик!

Но, видно, секрет был угадан,
Сынки угодили в отца:
Старик еще дышит на ладан
И ждет боязливо конца,

А дети гуляют с ключами.
Вот старший в шкатулку проник!
Старик осадил бы словами —
Нет слов: непокорен язык!

В меньшом родилось подозренье,
И ссора кипит о ключах,—
Не слух бы тут нужен, не зренье,
А сила в руках и ногах:

Воспрянул бы, словно из гроба,
И словом и делом могуч —
Смирились бы дерзкие оба
И отдали б старому ключ.

Но брат поднимает на брата
Преступную руку свою...
И вот тебе, коршун, награда
За жизнь воровскую твою!

В БОЛЬНИЦЕ

Вот и больница. Светя, показал
В угол нам сонный зритель.
Трудно и медленно там угасал
Честный бедняк сочинитель.
Мы попрекнули невольно его,
Что, зануждавшись в столице,
Не известил он друзей никого,
А приютился в больнице...

«Что за беда,— он шутя отвечал,—
Мне и в больнице покойно.
Я все соседей моих наблюдал:
Многое, право, достойно
Гоголя кисти. Вот этот субъект,
Что меж кроватями бродит —
Есть у него превосходный проект,
Только — беда! не находит
Денег... а то бы давно превращал
Он в бриллианты крапиву.
Он покровительство мне обещал
И миллион на разживу!

Вот старикашка актер: на людей
И на судьбу негодует;
Перевирая, из старых ролей
Всюду двусишя сует;
Он добродушен, задорен и мил,
Жалко — уснул (или умер?) —

А то бы, верно, он вас посмешил...
Смолк и семнадцатый номер!
А как он бредил деревней своей,
Как, о семействе тоскуя,
Ласки последней просил у детей,
А у жены поцелуя!
Не просыпайся же, бедный больной!
Так в забытии и умри ты...
Очи твои не любимой рукой —
Сторожем будут закрыты!
Завтра дежурные нас обойдут,
Саваном мертвых накроют,
Счетом в мертвецкий покой отнесут,
Счетом в могилу заруют.
И уж тогда не являйся жена,
Чуткая сердцем, в больницу —
Бедного мужа не сыщет она,
Хоть раскопай всю столицу!

Случай недавно ужасный тут был:
Пастор какой-то немецкий
К сыну приехал — и долго ходил...
«Вы поищите в мертвецкой», —
Сторож ему равнодушно сказал;
Бедный старик пошатнулся,
В страшном испуге туда побежал
Да, говорят, и рехнулся!
Слезы ручьями текут по лицу,
Он между трупами бродит:
Молча заглянет в лицо мертвецу,
Молча к другому подходит...

Впрочем, не вечно чужою рукой
Здесь закрываются очи.
Помню: с прошибенной в кровь головой
К нам привели среди ночи
Старого вора: в остроге его
Буйный товарищ изранил.
Он не хотел исполнять ничего,
Только грозил и буянил.
Наша сиделка к нему подошла,
Вздрогнула вдруг — и ни слова...

В странном молчанье минута прошла:
Смотрят один на другого!
Кончилось тем, что угрюмый злодей,
Пьяный, обрызганный кровью,
Вдруг зарыдал — перед первой своей,
Светлой и честной любовью.
(Смолоду знали друг друга они...)
Круто старик изменился:
Плачет да молится целые дни,
Перед врачами смирился.
Не было средства, однако, помочь...
Час его смерти был странен
(Помню я эту печальную ночь):
Он уже был бездыханен,
А всепрощающий голос любви,
Полный мольбы бесконечной,
Тихо над ним раздавался: «Живи,
Милый, желанный, сердечный!»
Все, что имела она, продала —
С честью его схоронила.
Бедная! как она мало жила!
Как она много любила!
А что любовь ей дала, кроме бед,
Кроме печали и муки?
Смолоду — стыд, а на старости лет —
Ужас последней разлуки!..

Есть и писатели здесь, господа.
Вот, посмотрите: украдкой,
Бледен и робок, подходит сюда
Юноша с толстой тетрадкой.
С юга пешком привела его страсть
В дальнюю нашу столицу —
Думал бедняга в храм славы попасть, —
Рад, что попал и в больницу!
Всем он читал свой ребяческий бред —
Было тут смеху и шуму!
Я лишь один не смеялся... о нет!
Думал я горькую думу.
Братья-писатели! в нашей судьбе
Что-то лежит роковое:
Если бы все мы, не веря себе,
Выбрали дело другое —

Не было б, точно, согласен и я,
Жалких писак и педантов —
Только бы не было также, друзья,
Скоттов, Шекспиров и Дантов!
Чтоб одного возвеличить, борьба
Тысячи слабых уносит —
Даром ничто не дается: судьба
Жертв искупительных просит».

Тут наш приятель глубоко вздохнул,
Начал метаться тревожно;
Мы посидели, пока он уснул,—
И разошлись осторожно...

ГАДАЮЩЕЙ НЕВЕСТЕ

У него прекрасные манеры,
Он не глуп, не беден и хорош,
Что гадать? ты влюблена без меры,
И судьбы своей ты не уйдешь.

Я могу сказать и без гаданья:
Если сердце есть в его груди —
Ждут тебя, быть может, испытанья,
Но и счастье будет впереди...

Не из тех ли только он бездушных,
Что в столице много встретишь ты,
Одному лишь голосу послушных —
Голосу тщеславной суеты?

Что гордятся ровностью пробора,
Щегольски обутою ногой,
Потеряв сознание позора
Жизни дикой, праздной и пустой?

Если так — плоха порука счастьем!
Как бы чудно ты ни расцвела,
Ни умом, ни красотой, ни страстью
Не поправишь рокового зла.

Он твои пленительные взоры,
Нежность сердца, музыку речей —
Все отдаст за плоские рессоры
И за пару кровных лошадей!

ДЕМОНУ

Где ты, мой старый мучитель,
Демон бессонных ночей?
Сбился я с толку, учитель,
С братьей болтливой моей.

Дуешь, бывало, на пламя —
Пламя пылает сильней,
Краше волнуется знамя
Юности гордой моей.

Прямо ли, криво ли вижу,
Только душою киплю:
Так глубоко ненавижу,
Так бескорыстно люблю!

Нынче я все понимаю,
Все объяснить я хочу,
Все так охотно прощаю,
Лишь неохотно молчу.

Что же со мною случилось?
Как разгадаю себя?
Все бы тотчас объяснилось,
Да не докликнусь тебя!

Способа ты не находишь
Сладить с упрямой душой?
Иль потому не приходишь,
Что уж доволен ты мной?

ЗАБЫТАЯ ДЕРЕВНЯ

1

У бурмистра Власа бабушка Ненила
Починить избенку лесу попросила
Отвечал: — Нет лесу, и не жди — не будет! —
«Вот приедет барин — барин нас рассудит,
Барин сам увидит, что плоха избушка,
И велит дать лесу», — думает старушка.

2

Кто-то по соседству, лихоимец жадный,
У крестьян землицы косячок изрядный
Оттягал, отрезал плутовским манером —
«Вот приедет барин: будет землемерам! —
Думают крестьяне: — Скажет барин слово —
И землю нашу отдадут нам снова».

3

Полюбил Наташу хлебопашец вольный,
Да перечит девке немец сердобольный,
Главный управитель. «Погодим, Игнаша,
Вот приедет барин!» — говорит Наташа.
Малые, большие — дело чуть за спором —
«Вот приедет барин!» — повторяют хорсм...

Умерла Ненила; на чужой земле
У соседа-плута — урожай сторицей;
Прежние парнишки ходят бородаты,
Хлебопашец вольный угодил в солдаты,
И сама Наташа свадьбой уж не бредит...
Барина все нету... барин все не едет!

Наконец однажды среди дороги
Шестернею цугом показались дроги:
На дорогах высоких гроб стоит дубовый,
А в гробу-то барин; а за гробом — новый.
Старого отпели, новый слезы вытер,
Сел в свою карету — и уехал в Питер.

* * *

Внимая ужасам войны,
При каждой новой жертве боя
Мне жаль не друга, не жены,
Мне жаль не самого героя...
Увы! утешится жена,
И друга лучший друг забудет;
Но где-то есть душа одна —
Она до гроба помнить будет!
Средь лицемерных наших дел
И всякой пошлости и прозы
Одни я в мире подсмотрел
Святые, искренние слезы —
То слезы бедных матерей!
Им не забыть своих детей,
Погибших на кровавой ниве,
Как не поднять плакучей иве
Своих поникнувших ветвей...

НА РОДИНЕ

Роскошны вы, хлеба заповедные
Родимых нив —
Цветут, растут колосья наливные,
А я чуть жив!
Ах, странно так я создан небесами,
Таков мой рок,
Что хлеб полей, возделанных рабами,
Нейдет мне впрок!

* * *

Где твое личико смуглое
Нынче смеется, кому?
Эх, одиночество круглое!
Не посулю никому!

А ведь, бывало, охотно
Шла ты ко мне вечерком,
Как мы с тобой беззаботно
Веселы были вдвоем!

Как выражала ты живо
Милые чувства свои!
Помнишь, тебе особенно
Нравились зубы мои,

Как любовалась ты ими,
Как целовала, любя!
Но и зубами моими
Не удержал я тебя...

* * *

Замолкни, Муза мести и печали!
Я сон чужой тревожить не хочу,
Довольно мы с тобою проклинали.
Один я умираю — и молчу.

К чему хандрить, оплакивать потери?
Когда б хоть легче было от того!
Мне самому, как скрип тюремной двери,
Противны стоны сердца моего.

Всему конец. Ненастьем и грозою
Мой темный путь недаром омрача,
Не просветлеет небо надо мною,
Не бросит в душу теплого луча...

Волшебный луч любви и возрождения!
Я звал тебя — во сне и наяву,
В труде, в борьбе, на рубеже паденья
Я звал тебя, — теперь уж не зову!

Той бездны сам я не хотел бы видеть,
Которую ты можешь осветить...
То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидеть.

В Л Ю Б Л Е Н Н О М У

Как вести о дороге трудной,
Когда-то пройденной самим,
Внимаю речи безрассудной,
Надеждам розовым твоим.
Любви безумными мечтами
И я по-твоему кипел,
Но я делить их не хотел
С моими праздными друзьями.
За счастье сердца моего
Томим боязнию ревнивой,
Не допускал я никого
В тайник души моей стыдливой.
Зато теперь, когда угас
В груди тот пламень благодатный,
О прошлом счастье рассказ
Твержу с отрадой непонятной.
Так проникаем мы легко
И в недоступное жилище,
Когда хозяин далеко
Или почиет на кладбище.

КНЯГНЯ

Дом — дворец роскошный, длинный, двухэтажный,
С садом и с решеткой; муж — сановник важный.
Красота, богатство, знатность и свобода —
Все ей даровали случай и природа.
Только показалась — и над светским миром
Солицем засияла, вознеслась кумиром!
Воин, царедворец, дипломат, посланник —
Красоты волшебной раболепный данник;
Свет ей рукоплещет, свет ей подражает.
Властвует княгиня, цепи налагает,
Но цепей не носит; прихоти послушна,
Ни за что полюбит, бросит равнодушно:
Ей чужое счастье ничего не стоит —
Если и погибнет, торжество удвоит!
Сердце ли в ней билось чересчур спокойно,
Иль кругом все было страсти недостойно,
Только ни однажды в молодые лета
Грудь ее любовью не была согрета.
Годы пролетали. В вихре жизни бальной
До поры осенней — пышной и печальной —
Дожила княгиня... Тут супруг скончался...
Труден был ей траур, — доктор догадался
И нашел, что воды были б ей полезны
(Доктора в столицах вообще любезны).

Если только русский едет за границу,
Посылай в Палермо, в Пизу или в Ниццу,
Быть ему в Париже — так судьбам угодно!
Год в столице моды шумно и свободно

Прожила княгиня; на второй влюбилась
В доктора француза — и сама дивилась!
Не был он красавец, но ей было ново
Страстно и свободно льющееся слово,
Смелое, живое... Свергнуть иго страсти
Нет и помышленья... да уж нет и власти!
Решено! В Россию тотчас написали:
Немец-управитель без большой печали
Продал за бесценок, в силу повеленья,
Английские парки, русские селенья,
Земли, лес и воды, дачу и усадьбу...
Получили деньги — и сыграли свадьбу...

Тут пришла развязка. Круто изменился
Доктор-спекулятор: деспотом явился!
Деньги, бриллианты — всё пустил в аферы,
А жену тиранил, ревновал без меры,
И когда бедняжка с горя захворала,
Свез ее в больницу... Навещал сначала,
А потом уехал — словно канул в воду!
Скорбная, больная, гасла больше году
В нищете княгиня... и тот год тяжелый
Был ей долгим годом думы невеселой!

Смерть ее в Париже не была заметна:
Бедно нарядили, схоронили бедно...
А в отчизне дальней словно были рады:
Целый год судили — резко, без пощады,
Наконец устали... И одна осталась
Память: что с отличным вкусом одевалась
Да еще остался дом с ее гербами,
Доверху набитый бедными жильцами,
Да в строфах небрежных русского поэта
Вдохновенных ею чудных два куплета,
Да голяк-потомок отрасли старинной,
Светом позабытый — и ни в чем невинный.

* * *

Как ты кротка, как ты послушна,
Ты рада быть его рабой,
Но он внимает равнодушно,
Уныл и холоден душой.

А прежде... помнишь? Молода,
Горда, надменна и прекрасна,
Ты им играла самовластно,
Но он любил, любил тогда!

Так солнце осени — без туч
Стоит, не грея, на лазури,
А летом и сквозь сумрак бури
Бросает животворный луч...

ШКОЛЬНИК

— Ну, пошел же, ради бога!
Небо, ельник и песок —
Невеселая дорога...
Эй! садись ко мне, дружок!

Ноги босы, грязно тело,
И едва прикрыта грудь...
Не стыдися! что за дело?
Это многих славных путь.

Вижу я в котомке книжку.
Так, учиться ты идешь...
Знаю: батька на сынишку
Издержал последний грош.

Знаю, старая дьячиха
Отдала четвертачок,
Что проезжая купчиха
Подарила на чаёк.

Или, может, ты дворовый
Из отпущенных?.. Ну что ж!
Случай тоже уж не новый —
Не робей, не пропадешь!

Скоро сам узнаешь в школе,
Как архангельский мужик
По своей и божьей воле
Стал разумен и велик.

Не без добрых душ на свете —
Кто-нибудь свезет в Москву,
Будешь в университете —
Сон свершится на яву!

Там уж поприще широко:
Знай работай, да не трусь...
Вот за что тебя глубоко
Я люблю, родная Русь!

Не бездарна та природа,
Не погиб еще тот край,
Что выводит из народа
Столько славных то и знай,—

Столько добрых, благородных,
Сильных любящей душой,
Посреди тупых, холодных
И напыщенных собой!

* * *

Я посетил твое кладбище.
Подруга трудных, трудных дней!
И образ твой светлей и чище
Рисуется душе моей.
Бывало, натерпевшись муки,
Устав и телом и душой,
Под игом молчаливой скуки
Встречался грустно я с тобой.
Ни смех, ни говор твой веселый
Не прогоняли темных дум:
Они бесили мой тяжелый,
Больной и раздраженный ум.
Я думал: нет в душе беспечной
Сочувствия душе моей,
И горе в глубине сердечной
Держалось дольше и сильнее...
Увы, то время невосвратно!
В ошибках юность не вольна:
Без слез ей горе не понятно,
Без смеху радость не видна...
Ты умерла... Смирились грозы.
Другую женщину я знал,
Я поминутно видел слезы
И часто смех твой вспоминал.
Теперь мне дороги и милы
Те грустно прожитые дни,—
Как много нежности и силы
Душевной вызвали они!
Твержу с упреком и тоскою:

«Зачем я не ценил тогда?»
Забудусь, ты передо мною
Стоишь — жива и молода:
Глаза блистают, локон вьется,
Ты говоришь: «Будь веселей!»
И звонкий смех твой отдается
Больнее слез в душе моей...

* * *

«Самодовольных болтунов,
Охотников до споров модных,
Где много благородных слов,
А дел не видно благородных,
Ты откровенно презирал:
Ты не однажды предсказал
Конец велеречивой сшибки,
И слово «русский либерал»
Произносил не без улыбки.
Ты силу собственной души
Бессильем их надменно мерил
И добродушно ей ты верил.
И точно, были хороши
Твои начальные порывы:
Озолотил бы бедняка!
Но дед и бабка были живы,
И сам ты не имел куска.
И долго спали сном позорным
Благие помыслы твои,
Как дремлют подо льдом упорным
Речные вольные струи.
Ты их лелеял на соломе
И только применять их мог
Ко псу, который в жалком доме
Пожитки жалкие стерег.
И правда: пес был сыт и жирен,
И спал все, дворнику назло.
Теперь... теперь твой круг обширен!
Взгляни: богатое село

Лежит, обставлено скирдами,
Спускаясь по горе к ручью,
А избы полны мужиками...»

Въезжая в отчину свою,
Таковыми мыслями случайно
Был Решетилов осажден.
И побледнел необычайно,
И долго, долго думал он...
Потом — вступил он во владенье,
Вопрос отложен и забыт.
Увы! не наше поколение
Его по совести решит!

ПОЭТ И ГРАЖДАНИН

Гражданин

(входит)

Опять один, опять суров,
Лежит — и ничего не пишет.

Поэт

Прибавь: хандрит и еле дышит —
И будет мой портрет готов.

Гражданин

Хорош портрет! Ни благородства,
Ни красоты в нем нет, поверь,
А просто пошлосе юродство.
Лежать умеет дикий зверь...

Поэт

Так что же?

Гражданин

Да глядеть обидно.

Поэт

Ну, так уйди.

Гражданин

Послушай: стыдно!
Пора вставать! Ты знаешь сам,
Какое время наступило;

В ком чувство долга не остыло,
Кто сердцем неподкупно прям,
В ком дарованье, сила, меткость,
Тому теперь не должно спать...

П о э т

Положим, я такая редкость,
Но нужно прежде дело дать.

Г р а ж д а н и н

Вот новость! Ты имеешь дело,
Ты только временно уснул,
Проснись: громи пороки смело...

П о э т

А! знаю: «вишь, куда метнул!»
Но я обстрелянная птица.
Жаль, нет охоты говорить *(берет книгу)*.
Спаситель Пушкин! — Вот страница:
Прочти и перестань корить!

Г р а ж д а н и н

(читает)

«Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв».

П о э т

(с восторгом)

Неподражаемые звуки!..
Когда бы с Музою моей
Я был немного поумней,
Клянусь, пера бы не взял в руки!

Г р а ж д а н и н

Да, звуки чудные... ура!
Так поразительна их сила,
Что даже сонная хандра
С души поэта соскочила.
Душевно радуюсь — пора!
И я восторг твой разделяю,

Но, признаюсь, твои стихи
Живее к сердцу принимаю.

П о э т

Не говори же чепухи!
Ты рьяный чтец, но критик дикий.
Так я, по-твоему, — великий,
Повыше Пушкина поэт?
Скажи, пожалуйста?!

Г р а ж д а н и н

Ну, нет!

Твои поэмы бестолковы,
Твои элегии не новы,
Сатиры чужды красоты,
Неблагородны и обидны,
Твой стих тягуч. Заметен ты, —
Но так без солнца звезды видны.
В ночи, которую теперь
Мы доживаем боязливо,
Когда свободно рыщет зверь,
А человек бредет пугливо —
Ты твердо светоч свой держал,
Но небу было не угодно,
Чтоб он под бурей запылал,
Путь освещая всенародно;
Дрожащей искрою впотьмах
Он чуть горел, мигал, метался.
Моли, чтоб солнца он дождался
И потонул в его лучах!

Нет, ты не Пушкин. Но куда
Не видно солнца ниоткуда,
С твоим талантом стыдно спать;
Еще стыдней в годину горя
Красу долин, небес и моря
И ласку милой воспевать...

Гроза молчит, с волной бездонной
В сиянье спорят небеса,
И ветер ласковый и сонный
Едва колеблет паруса, —
Корабль бежит красиво, стройно,

И сердце путников спокойно,
Как будто вместо корабля
Под ними твердая земля.
Но гром ударил; буря стонет
И снасти рвет и мачту клонит,—
Не время в шахматы играть,
Не время песни распевать!
Вот пес — и тот опасность знает
И бешено на ветер лает:
Ему другого дела нет...
А ты что делал бы, поэт?
Ужель в каюте отдаленной
Ты стал бы лирой вдохновенной
Ленивцев уши услаждать
И бури грохот заглушать?

Пуškai ты верен назначенью,
Но легче ль родине твоей,
Где каждый предан поклоненью
Единой личности своей?
Наперечет сердца благие,
Которым родина свята.
Бог помочь им!.. а остальные?
Их цель мелка, их жизнь пуста.
Одни — стяжатели и воры,
Другие — сладкие певцы,
А третьи... третьи мудрецы:
Их назначенье — разговоры.
Свою особу ограждая,
Они бездействуют, твердя:
«Неисправимо наше племя,
Мы даром гибнуть не хотим,
Мы ждем: авось поможет время,
И горды тем, что не вредим!»
Хитро скрывает ум надменный
Себялюбивые мечты,
Но... брат мой! кто бы ни был ты,
Не верь сей логике презренной!
Страшись их участь разделить,
Богатых словом, делом бедных,
И не иди во стан безвредных,
Когда полезным можешь быть!
Не может сын глядеть спокойно

На горе матери родной,
Не будет гражданин достойный
К отчизне холоден душой,
Ему нет горше укоризны...
Иди в огонь за честь отчизны,
За убеждение, за любовь...
Иди и гибни безупречно.
Умрешь не даром: дело прочно,
Когда под ним струится кровь...

А ты, поэт! избранник неба,
Глашатай истин вековых,
Не верь, что неимущий хлеба
Не стоит вещей струн твоих!
Не верь, чтоб вовсе пали люди;
Не умер бог в душе людей,
И вопль из верующей груди
Всегда доступен будет ей!
Будь гражданин! служба искусству,
Для блага ближнего живи,
Свой гений подчиняя чувству
Всеобнимающей Любви;
И если ты богат дарами,
Их выставять не хлопочи:
В твоём труде заблещут сами
Их животворные лучи.
Взгляни: в осколки твердый камень
Убогий труженик дробит,
А из-под молота летит
И брызжет сам собою пламень!

П о э т

Ты кончил?.. чуть я не уснул.
Куда нам до таких воззрений!
Ты слишком далеко шагнул.
Учить других — потребен гений,
Потребна сильная душа,
А мы с своей душой ленивой,
Самолюбивой и пугливой,
Не стоим медного гроша.
Спеша известности добиться,
Боимся мы с дороги сбиться
И тропкой торною идем,

А если в сторону свернем —
Пропали, хоть беги со света!
Куда жалка ты, роль поэта!
Блажен безмолвный гражданин:
Он, Музам чуждый с колыбели,
Своих поступков господин,
Ведет их к благодарной цели,
И труд его успешен, спор...

Г р а ж д а н и н

Не очень лестный приговор.
Но твой ли он? тобой ли сказан?
Ты мог бы правильней судить:
Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан.
А что такое гражданин?
Отечества достойный сын.
Ах! будет с нас купцов, кадетов,
Мещан, чиновников, дворян,
Довольно даже нам поэтов,
Но нужно, нужно нам граждан!
Но где ж они? Кто не сенатор,
Не сочинитель, не герой,
Не предводитель, не плантатор,
Кто гражданин страны родной?
Где ты? откликнись! Нет ответа.
И даже чужд душе поэта
Его могучий идеал!
Но если есть он между нами,
Какими плачет он слезами...
Ему тяжелый жребий пал,
Но доли лучшей он не просит:
Он, как свои, на теле носит
Все язвы родины своей.

.
.

Гроза шумит и к бездне гонит
Свободы шаткую ладью,
Поэт клянет или хоть стонет,
А гражданин молчит и клонит
Под иго голову свою.
Когда же, но молчу... Хоть мало
И среди нас судьба являла

Достойных граждан .. Знаешь ты
Их участь?.. Преклони колени!..
Лентяй! смешны твои мечты
И легкомысленные пени!
В твоём сравнении смысла нет.
Вот слово правды беспристрастной:
Блажен болтающий поэт,
И жалок гражданин безгласный!

Поэт

Немудрено того добить,
Кого уж добивать не надо.
Ты прав: поэту легче жить —
В свободном слове есть отрада.
Но был ли я причастен ей?
Ах, в годы юности моей
Печальной, бескорыстной, трудной,
Короче — очень безрассудной —
Куда ретив был мой Пегас!
Не розы — я вплетал крапиву
В его размашистую гриву
И гордо покидал Парнас.
Без отвращения, без боязни
Я шел в тюрьму и к месту казни,
В суды, в больницы я входил.
Не повторяю, что там я видел...
Клянусь, я честно ненавидел!
Клянусь, я искренно любил!
И что ж?.. мои услышав звуки,
Сочли их черной клеветой;
Пришлось сложить смиренно руки
Иль поплатиться головой...
Что было делать? Безрассудно
Винить людей, винить судьбу.
Когда б я видел хоть борьбу,
Бороться стал бы, как ни трудно,
Но... гибнуть, гибнуть... и когда?
Мне было двадцать лет тогда!
Лукаво жизнь вперед манила,
Как моря вольные струи,
И ласково любовь сулила
Мне блага лучшие свои —
Душа пугливо отступила...

Но, сколько б ни было причин,
Я горькой правды не скрываю
И робко голову склоняю
При слове: честный гражданин.
Тот роковой, напрасный пламень
Доныне сожигает грудь,
И рад я, если кто-нибудь
В меня с презреньем бросит камень.
Бедняк! и из чего пограл
Ты долг священный человека?
Какую подать с жизни взял
Ты — сын больной большого века?..
Когда бы знали жизнь мою,
Мою любовь, мои волнения...
Угрюм и полон озлобления,
У двери гроба я стою...

Ах! песнею моей прощальной
Та песня первая была!
Склонила Муза лик печальный
И, тихо зарыдав, ушла.
С тех пор нечасты были встречи:
Украдкой, бледная, придет
И шепчет пламенные речи,
И песни гордые поет.
Зовет то в города, то в степи,
Заветным умыслом полна,
Но загремят внезапно цепи,
И мигом скроется она.
Не вовсе я ее чуждался,
Но как боялся! как боялся!
Когда мой ближний утопал
В волнах существенного горя —
То гром небес, то ярость моря
Я добродушно воспевал.
Бичуя маленьких воришек
Для удовольствия больших,
Дивил я дерзостью мальчишек
И похвалой гордился их.
Под игом лет душа погнулась,
Остыла ко всему она,
И Муза вовсе отвернулась,
Презренья горького полна.

Теперь напрасно к ней взываю —
Увы! сокрылась навсегда.
Как свет, я сам ее не знаю
И не узнаю никогда.
О, Муза, гостьею случайной
Являлась ты душе моей?
Иль песен дар необычайный
Судьба предназначала ей?
Увы! кто знает? рок суровый
Все скрыл в глубокой темноте.
Но шел один веночек терновый
К твоей угрюмой красоте...

Т<У Р Г Е Н Е>В У

Прощай! Завидую тебе —
Твоей поездке, не судьбе:
Я гордостью, ты знаешь, болен
И не сменяю ни на чью
Судьбу плачевную мою,
Хоть очень ею недоволен.
Ты счастлив. Ты воскреснешь вновь;
В душе твоей проснется живо
Все, чем терзает прихотливо
И награждает нас любовь,—
Пора наград, улыбок ясных,
Простых, как молодость, речей,
Ночей таинственных и страстных
И полных сладкой лени дней!
Ты знал ее?.. Нет лучшей доли!
Живешь легко, глядишь светлей,
Не жалко времени и воли,
Не стыдно праздности своей,
Душа тоскливо вдаль не рвется
И вся блаженна перед той,
Чье сердце ласковое бьется
Одним биением с тобой...
Счастливец! из доступных миру
Ты наслаждений взять умел
Все, чем прекрасен наш удел:
Бог дал тебе свободу, лиру
И женской любящей душой
Благословил твой путь земной...

П Р О С Т И

Прости! Не помни дней паденья,
Тоски, унынья, озлобленья,—
Не помни бурь, не помни слез,
Не помни ревности угроз!

Но дни, когда любви светило
Над нами ласково всходило
И бодро мы свершали путь —
Благослови и не забудь!

«НЕСЧАСТНЫЕ»

1

Тяжел мой крест: уединенье,
Преступной совести мученье,
Нужда, недуги. Говорят,
К цветущей юности возврат
Под старость нам одно спасенье,
Отрада верная. «Живи,
Покуда кровь играет в жилах,
А станешь стариться, нарви
Цветов, растущих на могилах,
И ими сердце обновлю...»
И я попробовал... но что жер..
Душа по-прежнему нема,
И с одичалого ума
Стереть угрюмости клейма
Ничто не властно. Правый боже!
Ужели долгая тюрьма,
Ограбив сердце без пощады,
Душе моей не даст отрады
В воспоминанье юных лет?
Иль точно там отрады нет?
Увы! там душно, там пустыня,
Любя, прощая, чуть дыша,
Там угасает, как рабыня,
Святая женская душа.
Переступить порог не смея,
Тоски и ужаса полна,
Так вянет сказочная фея
В волшебном замке колдуна.

Воображенье прихотливо
Рисует ей другие дни:
В чертогах, убранных на диво,
Горят венчальные огни:
Невеста ждет, жених приходит,
И речь его тиха, нежна...
Где ум красавицы не бродит,
Чего не думает она?
Ликует день, щебечут птицы,
Красою блещут небеса,
Доходят до дверей темницы
Любви и воли голоса, —
Но ей нет воли, нет отрады.
Не нужно камней дорогих,
Возьмите пышные наряды!
Где мать? где сестры? где жених?
Где няня с песенкой и сказкой?
Никто не сжалится над ней,
И только докучает лаской
Противный, старый чародей.
Но нет!.. она любить не станет,
Скорей умрет... Уходит он
И в гнев подданных тиранит.
Кругом проклятья, вопли, стон...
Но в сказке витязь благородный
Придет — волшебника убьет
И клочья бороды негодной
К ногам красавицы свободной
С рукой и сердцем принесет.
А здесь?..

Рога трубят ретиво,
Пугая ранний сон детей,
И воют псы нетерпеливо...
До солнца сели на коней —
Ушли... Орды вооруженной
Не видит глаз, не слышит слух,
И бедный дом, как осажденный,
Свободно переводит дух.
Меняя быстро пост невольный
На празднословье и вино,
Спешит забыться раб довольный.
Но есть одна: ей все равно!

В ее душе светлей не станет,
Все тот же мрак, все тот же гнет:
И сон перерванный не манит,
И утро к жизни не зовет.
Скорей, затворница немая,
Рыданьем душу отведи!
Терпи любя, терпи прощая,
И лучшей участи не жди!..

Осаду ненадолго сняли...
Вот вечер — снова рог трубит.
Примолкнув, дети побежали,
Но мать остаться им велит:
Их взор уныл, невнятен лепет...
Опять содом, тревога, трепет!
А ночью свечи зажжены,
Обычный пир кипит мятежно,
И бледный мальчик, у стены
Прижавшись, слушает прилежно
И смотрит жадно (узнаю
Привычку детскую мою)...
Что слышит? песни удалые
Под топот пляски удалой;
Глядит, как чаши круговые
Пустеют быстрой чередой;
Как на лету куски хватают
И рот захлопывают псы,
Как на тени растут, кивают
Большие дядины усы...
Смеются гости над ребенком,
И чей-то голос говорит:
«Не правда ль, он всегда глядит
Каким-то травленным волчком?
Поди сюда!» Бледнеет мать;
Волчонок смотрит — и ни шагу.
«Упрямство надо наказать —
Поди сюда!» — Волчонок тягу...
«Ату его!»

Тяжелый сон!..
Нет, мой восход не лучезарен —
Ничем я в детстве не пленен
И никому не благодарен.

Скорее к юности! Она
Всегда мила, всегда ясна...
Не бедняку! — Воображенье
К столице юношу манит,
Там слава, там простор, движенье,
И вот он в ней! Идет, глядит —
Как чудно город изукрашен!
Шпили его церквей и башен
Уходят в небо: пышны в нем
Театры, улицы, жилища
Счастливых мира — и кругом
Необозримые кладбища...

О город, город роковой!
С певцом твоих громад красивых,
Твоей ограды вековой,
Твоих солдат, коней ретивых
И всей потехи боевой,
Пленный лирой сладкострунной,
Не спорю я: прекрасен ты
В безмолвье полночи безлунной,
В движенье гордой суеты!

Пусть солнце тусклое, скупое
Глядится в невские струи;
Пусть, теща буйство удалое
И сея плевелы свои,
Толпы пустых, надменных, праздных,
Полны пороков безобразных,
В тебе кишат. В стенах твоих
И есть и были в стары годы
Друзья народа и свободы,
А посреди могил немых
Найдутся громкие могилы.
Ты дорог нам, — ты был всегда
Ареной деятельной силы,
Пытливой мысли и труда!

Всё так. Но если ненароком
В твои пределы загляну,
Купаясь в омуте глубококом,
Переживая старину,

Душа болит. Не в залах бальных,
Где торжествует суета,
В приютах нищеты печальных
Блуждает грустная мечта.
Не лучезарный, золотистый,
Но редкий солнца луч... о нет!
Твой день больной, твой вечер мгlistый,
Туманный, медленный рассвет
Воображенье мне рисует...
Светает. Чу, как ветер дует!
Унять бы рады сорванца,
Но он смеется над столицей
И флагом гордого дворца
Играет, как простой тряпичей.
Нева волнуется, дома
Стоят, как крепости пустые;
Железным болтом запертые,
Угрюмы лавки, как тюрьма.
Их постепенно отворяют,
Товару в окна прибавляют,—
Так ставит с вечера капкан
Охотник на добычу падкий.
Вот солнце глянуло украдкой,
Но одолел его туман —
И снова мрак. Какие лица
Теперь приходится встречать!
Такую страшную печать
Умеет класть одна столица.
Проехал воз: ни рус, ни сед,
Чухонец им курносый правил
И ельника зеленый след
На мокрой улице оставил,—
Покойник будет. Вот и он!
До пышных дожил похорон:
Четверкой дроги, гроб угрюмый
Стоит высоко под парчой,
Идет родня с печальной думой,
Поникнув молча головой;
Плетутся дряхлые кареты,
То там, то тут, полуодеты,
Из окон женщины глядят,
Прохожий крестится сурово...

Прошла процессия — и снова
Все пусто.— Вот идет солдат
За фурой вроде погребальной —
Глядит оттуда глаз печальный
И видно бледное лицо...
Довольно! что теперь ни встретишь,
На всем унынья след заметишь.
Но вот парадное крыльцо
В богатом доме отворяет
Какой-то рослый молодец,—
Теперь-то утро наступает!
Туман осилив наконец,
Одело солнце сетью чудной
Дворцы, и храмы, и мосты,
И нет следов заботы трудной
И недовольной нищеты!
Как будто появляться вредно
При полном водворенье дня
Всему, что зелено и бледно,
Несчастно, голодно и бедно,
Что ходит, голову склоня!
Теперь гляди на город шумный!
Теперь он пышен и богат —
Несется в толкотне безумной
Блестящих экипажей ряд,
Все полно жизни и тревоги,
Все лица блещут и цветут,
И с похорон обратно дроги
Пустые весело бегут...

Ликует сердце молодое —
В восторге юноша. Постой!
Ты будешь говорить другое,
Родство постигнув роковое
Меж этим блеском и тобой!
Пройдут года в борьбе бесплодной,
И на красивые плиги,
Как из машины винт негодный,
Быть может, брошен будешь ты?
Счастлив, кому мила дорога
Стяжання, кто ей верен был
И в жизни ни однажды бога
В пустой груди не ощутил.

Но если той тревоги смутной
Не чуждо сердце — пропадешь!
В глухую полночь, бесприютный,
По стогам города пойдешь:
Громадный, стройный и суровый,
Заснув под тучею свинцовой,
Тогда предстанет он иным
И, опоясанный гробами,
Своими пышными дворцами,
Величием царственным своим, —
Не будет радовать. Невольно
Припомнишь бедный городок,
Где солнца каждому довольно.
То правда: город не широк,
Не длинен — лай судейской шавки
В нем слышен вдоль и поперек.
Домишки малы, пусты лавки,
Собор, четыре кабака,
Тюрьма, шлагбаум полосатый,
Дом судный, госпиталь дощатый
И площадь... площадь велика:
Кругом не видно ей границы,
И, слышно, осенью на ней
Чудак, заезжий из столицы,
Успешно ищет дупелей.
Ну всё как надо, как известно,
Над чем столичные давно
Острят то глупо, то умно.
Зато покойно — и не тесно...
Не жди особенных отрад:
Что бог послал, тому будь рад.
Гляди в халате на дорогу:
Вон гуси выступают в ногу
С гусиной важностью... но вдруг —
Смятение, дикий крик, испуг!
Три тройки насккали близко.
Присев и крылья распустив,
Одни бегут, другие низко
Летят, а третьи, прискочив,
Удрать не летом и не бегом
Спешат... и вот простор телегам —
Рассыпались куда кто мог!
Так, гордый собственным значеньем,

Своим неожиданным появлением
Детей пугает педагог;
Так поэтические грезы
Разносит дуновение прозы...
Но уж запели соловьи,
Иди гулять — до сна недолго!
Гляди, как тихо катит Волга
Свои спокойные струи,
Уснув в песчаной колыбели;
Как, нагибаясь до земли,
Таскают бурлаки кули,
А воробьи уж налетели
И, теребя мочалу, нос
Просунуть селятся в овес.
Куда ни взглянешь — птичье племя!
Уснув под берегом реки,
Чернеют утки, как комки,
Но, видно, им покушать время:
Проснулись — поплыли гурьбой,
Кувырк! и ног утиных строй
Стоит недвижно над водой.
На всем лучи зари румяной.
Как ожерелье, у воды
Каких-то белых птиц ряды
Сидят на отмели песчаной,
И тут же сотни куликов
Снуют с оглядкой вороватой;
Все белобрюхи, без хохлов,
А почему ж один хохлатый?
Не долиняв, с весенних пор
Сберег он пышную прибавку
И ходит важно, как майор,
С мундиром вышедший в отставку,
Недостает счастливцу шпор!

Не любишь птиц — гляди бездумно,
Как приближается паром,
Неторопливо и нешумно;
А там, на берегу другом,
Под легким матовым туманом,
Как будто войско тесным станом
Расположилось на ночлег:
Не перечесть коней, телег!

Под каждым стогом-великаном
Толпа... И слышны голоса,
Стыдливый визг и хохот женский.
Но потемнели небеса —
Спи мирно, житель деревенский!
Ты стоишь сна... Идем домой,
Закрыты ставни — все спокойно.
Что ж медлит месяц золотой?
Темно. Ни холодно, ни знойно, —
Так ровно-ровно дышит грудь,
Но слышишь, что-то заскрипело!
Калитку отворив чуть-чуть,
Выходит девушка несмело.
Она глядит по сторонам,
Но вот увидела — и к нам
Шаги проворно направляет.
Ты улыбнулся, ты молчишь...
Вдруг — «ах!» и быстро исчезает.
Ошиблась, милая! Такмышь,
С испугу пискнув, убегает,
Заметив любопытный глаз.
Пору любви, пору проказ,
Чем нашу молодость помянем?
Не побежать ли нам за ней?
Не подстеречь ли у дверей?
Нет, только даром мы устанем.
Народ уснул — пора и нам.
Одно досадно: по ночам,
Должно быть переспав нещадно,
Собака воев безотрадно —
Весь город чьей-то смерти ждет,
Толкует набожно и тихо.
И ведь случается — возьмет
Да и скончается купчиха,
Перед которой глупый пес
Три ночи выл, поднявши нос.
Тогда попробуй разуверить.
«Да как ты смеешь сам не верить?..»
Молчи — фанатики они!
Люби покой, природу, книгу
И независимость храни,
Не то среды поддайся игу
И лямку общую тяни.

Но есть и там свои могилы,
Но там бесплодно гибнут силы,
Там духота, бездумье, лень,
Там время тянется сонливо,
Как самодельная расшива
По тихой Волге в летний день.
Там только не грешно родиться
Или под старость умирать.
Куда ж идти? к чему стремиться?
Где силы юные пытаться?

Храни господь того, кто скажет:
«Простите, мирные поля!» —
И бедный свой челнок привяжет
К корме большого корабля...

Кому судьба венец готовит,
Того вопрос: куда идти?
Не устрасит, не остановит;
Кого на жизненном пути
Любовь лелеет с колыбели,
Незримо направляя к цели, —
И тот находит путь прямой.
Но кто ни богом не отмечен,
Ни даже любящей рукой
Не охранен, не обеспечен,
Тот долго бродит, как слепой:
Кипит, желает, тратит силы
И, поздним опытом богат,
Находит у дверей могилы
Невольных заблуждений ряд...
К чему бы жизнь ни вынуждала,
И даже разницы путем
Не зная меж добром и злом,
Я по теченью плыл сначала...
Лишь гордость иногда спасала...
Бог весть, куда бы прихоть волн
Прибила мой убогий челн:
Сбирались тучи, путь был труден,
А я упорен, безрассуден, —
Ждала тяжелая борьба.
Но вдруг распутала судьба
Загадку жизни несчастливой —
Я полюбил, дикарь ревнивый...

О ты, кого я с ужасом бежал,
Кому с любовью рвался я в объятья,
Кому чистосердечно расточал
Благословенья и проклятья, —
Тебя уж нет! На жизненной стезе
Оставив след загадочный и странный,
Являясь ангелом в грозе
И демоном у пристани желанной, —
Погибла ты... Ты сладить не могла
Ни с бурным сердцем, ни с судьбою
И, бездну вырыв подо мною,
Сама в ней первая легла...
Ругаясь буйно над кумиром,
Когда-то сердцу дорогим,
Я мог бы перед целым миром
Клеймом отметить роковым
Твой путь. Но за пределы гроба
Не перешла вражда моя,
Я понял: мы виновны оба...
Но тяжелей наказан я!
Года чредой определенной
Идут, но время надо мной
Остановилось: страж бессменный,
Среди той ночи роковой
Стою... ревниво закипаю,
И вдруг шаги... и голос твой...
И вопль — и с криком: «не прощаю!..»,
Все помню с ясностью такой,
Как будто каждый день свершаю
Убийство... Тот же, тот же сон
Уж двадцать лет: молящий стон
Безумный крик, сверканье стали...
Прочь, утонувшие в крови
Воспоминания любви!
Довольно сердце вы терзали.

Скорее в душную тюрьму!
Оттуда сердцу моему
Единый в жизни луч отрады
Мерцает... Так огонь лампы
До вечной сени гробовой
Горит над каждой головой...

Безлюдье, степь. Кругом все бело,
 И небеса над головой...
 Еще отчаянье кипело
 В душе, упившейся враждой,
 И смерти лишь она алкала,
 Когда преступная нога,
 Звуча цепями, попирала
 Недружелюбные снега
 Страны пустынной, сиротливой...
 Среди зверей я зверем стал,
 Вином я совесть усыплял
 И ум гасил...

В толпе строптивой
 Меж нами был один: его
 Не полюбили мы сначала —
 Не говорил он ничего,
 Работал медленно и мало.
 Кряхтя, копается весь день,
 Как крот — мы так его и звали, —
 А толку нет: не то чтоб лень,
 Да силы скоро изменяли.
 Рука, не твердая в труде,
 Как спицы ноги, детский голос,
 И словно лен пушистый волос
 На голове и бороде.
 Оброс он скоро волосами,
 Питался черствым сухарем,
 Но и под грубым армяком
 Глядел неровней между нами.
 Его дежурный понукал,
 И было нам сначала любо
 Смотреть, как губы он кусал,
 Когда с ним обходились грубо;
 Так удила кусает конь,
 Когда седок его прищпорит.
 В глазах покажется огонь,
 Однако промолчит — не спорит!
 Бывало, подойдем гурьбой,
 Повалим, будто ненароком,
 Кричим: «не хочешь ли домой?»

Он только поглядит с упрёком
И покачает головой.
Не пьёт, не балагурит с нами.
Но скоро час его настал...

Был вечер; скрежеща зубами,
Один из наших умирал.
Куда деваться в подземелье?
Кричим: «скорей! мешаешь спать!»
И стали в бешеном веселье
Его мы хором отпевать:
«Умри! нам всем одна дорога,
Другой не будет из тюрьмы!..»

Вдруг кто-то крикнул: «Нет в вас бога!»
И песни не допели мы.
Глядим: добро б вошел начальник,
Нет, просто выступил вперед
Наш белоручка, наш молчаливник,
Смиранный копотливый Крот.
Корит, грозит! Дыханье трудно,
Лицо сурово, как гроза,
И как-то бешено и чудно
Блещат глубокие глаза.

Смутились мы. Какая сила
Ему строптивых покорила —
Бог весть! Но грубые умы
Он умилил, обезоружил,
Он нам ту бездну обнаружил,
Куда стремглав летели мы!

В заботе новой, в думах строгих,
Мы совещались до утра,
Стараясь вразумить немногих,
Не внявших вестнику добра:
Душой погибнув невозвратно,
Они за нами не пошли
И обновиться благодатно
Уж не хотели, не могли.
В них сердце превратилось в камень,
Навек оледенела кровь...
Но в ком, как под золою пламень,

Таились совесть и любовь,
Тот жадно ждал беседы новой,
С душой, уверовать готовой...

Не вдруг мы поняли его,
Но он учить не тяготился —
Он с нами братски поделился
Богатством сердца своего!
Забыты буйные проказы,
Наступит вечер — тишина,
И стали нам его рассказы
Милей разгула и вина.
Пусть речь его была сурова
И не блистала красотой,
Но обладал он тайной слова,
Доступного душе живой.
Не на коне, не за сохою, —
Провел он свой недолгий век
В труде ученья, но душою,
Как мы, был русский человек.
Он не жалел, что мы не немцы,
Он говорил: «Во многом нас
Опередили иноземцы,
Но мы догоним в добрый час!
Лишь бог помог бы русской груди
Вздохнуть пошире, повольней —
Покажет Русь, что есть в ней люди,
Что есть грядущее у ней.
Она не знает середины —
Черна — куда ни погляди!
Но не проел до сердцевины
Ее порок. В ее груди
Бежит поток живой и чистый
Еще немых народных сил:
Так под корой Сибири льдистой
Золотоносных много жил».

Его пленяло солнце юга —
Там море ласково шумит,
Но слаще северная вьюга
И больше сердцу говорит.
При слове «Русь», бывало, встанет —

Он помнил, он любил ее,
Заговоривши про нее —
До поздней ночи не устанет...
Наступит ли вечерний час —
Внимая бури вой жестокий,
«Теперь, — он говорил, — у нас,
На нашей рсдине далекой,
Еще тепло... Закат горит,
Над божьим храмом реют птицы,
Домой идут с работы жницы,
Въезжая на гору, скрипит
Снопами полная телега;
Играя, колос из снопа
Хватает сытый конь с разбега
И ржет. За ним бредет толпа
Коровушек. Стемнело небо,
И смолкли вдруг работы дня;
Ложится пахарь без огня,
И распростили скирды хлеба
Свою хранительную тень
Вокруг уснувших деревень.
Все тихо; разве без оглядки
Фельдъегерь пролетит селом
Или обратные лошадки,
Понуря голову, шагком
Пройдут: заснул ямщик ленивый
Верхом на дремлющем коне,
Один бубенчик говорливый
Воркует сладко в тишине.
Да старый вяз в конце селепья
Шумит, столетний часовой;
Пред ним проходят поколенья,
Меняясь быстрой чередой,
Он невредим: корысть, беспечность —
Его ничто не сокрушит,
Любовь народная хранит
Его святую долговечность.
Он укрывает в летний зной
Шатром детей деревни целой;
Бедняк-калека престарелый
Под ним ложится на покой;
Наш брат, звуча цепями, ссыльный,
Под ним сидит, обритый, пыльный,

И богомолоч молодых
Под тень ветвей его густых
Приводит давняя привычка...

Чу! тянут в небе журавли,
И крик их, словно перекличка
Хранящих сон родной земли
Господних часовых, несется
Над темным лесом, над селом,
Над полем, где табун пасется,
И песня грустная поется
Перед дымящимся костром...

Не ждут осенние работы,
Недолог отдых мужиков —
Скрипят колодцы и ворота
При третьей песне петухов,
Дудит пастух свирелью звонкой,
Бежит по ниве чья-то тень:
То беглый рекрутик сторонкой
Уходит в лес, посылав день.
Искал он, чем бы покормиться,
Ночь не послала ничего,
Придется, видно, воротиться,
А страшно!.. Что ловить его!
Хозяйка старших разбудила —
Блеснули в ригах огоньки,
И застучали молотила.
Бог-помочь, братья мужики!»

Родные русские картины!
Заснул и видел я во сне
Знакомый дом, леса, долины,
И братья сказывали мне,
Что сон их уносил с чужбины
К забытой, милой стороне.
Летишь мечтой к отчизне дальней,
И на душе светлей, теплей...

Чего не знал наш друг опальный?
Слыхали мы в тюрьме своей

И басни хитрые Крылова,
И песни вещие Кольцова,
Узнали мы таких людей,
Перед которыми поздней
Слепой народ восторг почует.
Вздыхнет — и совесть уврачуется.
Воздвигнув пышный мавзолей.
Так иногда, узнав случайно,
Кто спас его когда-то тайно,
Бедняк, взволнованный, бежит.
Приходит, смотрит — вот жилище,
Но где ж хозяин? Все молчит!
Идет бедняга на кладбище
И на могильные плиты
Бросает поздние цветы...
Но спит народ под тяжким игом,
Бойтся пуль, не внемлет книгам.
О Русь, когда ж проснешься ты,
И мир на месте беззаконных
Кумиров рабской слепоты
Увидит честные черты
Твоих героев безымянных?
О ней, о родине державной,
Он говорить не уставал:
То жребий ей пророчил славный,
То старину припоминал,
Кто в древни веки ею правил,
Как люди в ней жила встарь,
Как обучил, вознес, прославил
Ее тот мудрый государь,
Кому в царях никто не равен,
Кто до скончанья мира славен
И свят: Великого Петра
Он звал отцом России новой,
Он видел след руки Петровой
В основе каждого добра.
Сто вечеров до поздней ночи
Он говорил нам про него —
Никто сомкнуть не думал очи
И не промолвил ничего.
Он говорит, ему внимаем,
И, полны новых дум, тогда
Свои оковы забываем

И тяжесть черного труда.
Встает во мраке подземелья
Пред нами чудный лик Петра,
И, как монашеская келья,
Тиха преступников нора.
Сносней наутро труд неслосный,
Таскаешь горы на плечах,
Чтоб трудолюбец венценосный
Сказал спасибо в небесах...
Да! видит бог, в кровавом поте
Омыли мы свою вину
И не напрасно на работе
Певали песенку одну:

ПЕСНЯ ПРЕСТУПНИКОВ

1

Дружней! работа есть лопатам,
Недаром нас сюда вели,
Недаром бог насытил златом
Утробу матери земли.

Трудись, покамест служат руки,
Не сетуй, не ленись, не трусь,
Спасибо скажут наши внуки,
Когда разбогатеет Русь!

2

У ней, родимой, требы многи:
Бедна по милости воров!
В ней пышны барские чертоги,
Но жалки избы мужиков.

Недостает у ней дохода
В неурожай кормить крестьян,
И нечем выкупить народа
Царю у палачей дворян!..

Пускай бежит в упорном деле
С нас пот ручьями, как вода,
И мерзнет на клейменом теле,
Когда почнем от труда.

Пускай томимся голодом, жаждой,
Пусть дрогнем в холоде зимы,
Ей пригодится камень каждый,
Который добываем мы.

Ее сложил в часы недуга
Наш тихий, вечно грустный Крот,
И часто, поминая друга,
В своем углу ее поет
Прощенный ссыльный. Здесь мы гости,
Сюда вернулись мы не жить —
С отцами рядом положить
Трудом изломанные кости,
Но рады, рады и тому!..

Начальство к нам добрее стало,
Получше отвело тюрьму
И хорошо аттестовало.
Что будет с нами — до конца
Тяжелой было нам загадкой,
Но в умиленные сердца
Прокрался луч надежды сладкой.
Так, помню, солнышко украдкой
Глядит, бывало, поутру
И в нашу черную нору...

Но он надежде верил мало,
Едва бродя, едва дыша,
И только нас бодрить хватало
В нем сил... Великая душа!
Его страдания были горды,
Он их упорно подавлял,
Но иногда изнемогал

И плакал, плакал. Камни тверды,
Любой попробуй... но огня
Добудешь только из кремня,
Таков он был. Воспоминанья
Страшней не помню: знал и я
Изнеможение страданья,—
Но что была печаль моя?
К довольству суетному зависть,
Быть может, личная ненависть,
Тоска по женщине пустой,
С тряпичной, дюжинной душой,
Томленье скуки, злость бессилья.
Я, говорят, был мелко зол
В моей тоске... Не так орел
Свои оплакивает крылья,
Которых мощь изведаль он,
Которых царственная сила
Его под небо уносила...
Да! возвращаясь с похорон,
Недаром в голос мы сказали:
«Зачем его Кротом мы звали?
И мертвый сходен он лицом
С убитым молнией орлом!»

О чем была его кручина?
Рыдал ли он рыданьем сына,
Давно отчаявшись обнять
Свою тоскующую мать,
И невеселая картина
Ему являлась: старый дом
Стоит в краю деревни бедной,
И голова старухи бледной
Видна седая под окном.
Вздыхает, молится, гадает
И смотрит, смотрит, и двойной
В окошко рамы не вставляет
Старуха поздней зимой.
А сколько, глядя на дорогу,
Уронит слез — известно богу!
Но нет! и бог их не считал,
А то бы радость ей послал!

Любовь ли бедного томила?
Что случилось с нею? Позабыла?
Или грустит... и далеко
Несется... мысленно заглянет
И содрогнется глубоко?
Где ей? в ней сердца не достанет!
Ах! чувство женское легко!
Они его хранят, лелеют,
Покуда радуется оно,
Но если тучи тяготеют
И небо грозно и темно —
Его спасти им не дано!

Быть может, он душою верной
Припоминал былых друзей;
В кичливой гордости своей,
Быть может, враг высокомерный
Ему являлся в час ночной...
И с криком кинувшись, ногами,
Отягощенными цепями,
Топтал он призрак роковой?

Или изгладила чужбина
Все то, чем молодость жила,
И только слезы гражданина
Душа живая сберегла?
Как знать! Пред ним мы дети были,
Ничем мы права не купили
Делить великую печаль;
Не все мы даже понимали,
За что его сюда заслали,
Но было трудно, было жаль.
Закоренелого невежду
Спроси, и тот отдать был рад
Свою последнюю надежду —
Под небо родины возврат,
За миг единый облегченья
Его тоски, его мученья.
Но только правосудный бог
Утешить мученика мог.
И скоро гробовые двери
Пред ним открылись, но не вдруг
Клейменных каторжников друг

Сошел в них: роковой потери
По капле яд глотали мы.
Почти два года, из тюрьмы
Не выходя, он разрушался.
Зачем? Известно небесам!
«Чтоб человек не баловался»,—
Смеясь, говаривал он нам.
И день и ночь поочередно
Его мы ложе берегли,
Зимой окутывали плотно,
Весной на солнышко несли
(Был для того у нас устроен
Снаряд особенный): больной
Кивал тихонько головой
И как-то грозно был спокоен.
Не шевельнется целый день;
Тосклив и кроток беспредельно,
Молчит: так, раненный смертельно,
Глядит и смерти ждет олень...

И наконец пора пришла...
В день смерти с ложа он воспрянул,
И снова силу обрела
Немая грудь — и голос грянул!
Мечтаньем чудным окрылил
Его господь перед кончиной,
И он под небо воспарил
В красе и легкости орлиной.
Кричал он радостно: «Вперед!»
И горд, и ясен, и доволен:
Ему мерещился народ
И звон московских колоколен;
Восторгом взор его сиял,
На площади, среди народа,
Ему казалось, он стоял
И говорил...

Прошло два года.
Настал святой, великий миг,
В скрижалях царства незабвенный,
И до Сибири отдаленной
Прощенья благовест достиг.
Разверзлась роковая яма,

Как птицы, вольны вышли мы
И, не сговариваясь, прямо
Пришли гурьбою из тюрьмы
К одной могиле одинокой.
Стеснилась грудь тоской жестокой,
И каждый небо вопрошал:
«Зачем он жил, зачем страдал,
Зачем свободы не дождался?»
— *Чтоб человек не баловался!* —
Один сказал — и присмирел.
Переглянулись мы уныло,
И тихий ангел пролетел.
Лишь буря, не смолкая, выла,
И небо хмурилось. Земли
Добыв лопатою привычной,
Мы помолчали — и пошли.
И жизнь пошла чредой обычной!..

Хотелось мне увидеть мать,
Но что пришлось бы ей сказать?
Кто подтолкнуть не уstraшитcя
Утес, готовый обвалиться,
На плечи брата своего?
Кто скажет ей: «Уж нет его!
Загородись двойною рамой,
Напрасно горниц не студи,
Простись с надеждою упрямой
И на дорогу не гляди!»
Пусть лучше, глядя на дорогу,
Отдаст с надеждой душу богу...
Но люди звери: кто-нибудь
Утес обрушит ей на грудь...

Кто знал его, забыть не может,
Тоска по нем язвит и гложет,
И часто мысль туда летит,
Где гордый мученик зарыт.
Пустыня белая — над гробом
Неталый снег лежит сугробом,
То солнце тусклое блесит,
То туча черная висит,
Встают смерчи, ревут бураны,
Седые стелются туманы,

Восходит день, ложится тьма.
Вороны каркают — и злятся,
Что до костей его добраться
Мешает вечная зима.

* * *

В столицах шум, гремят витии,
Кипит словесная война,
А там, во глубине России,—
Там вековая тишина.
Лишь ветер не дает покою
Вершинам придорожных ив,
И выгибаются дугою,
Целуясь с матерью землею,
Колосья бесконечных нив...

ТИШИНА

1

Все рождь кругом, как степь живая,
Ни замков, ни морей, ни гор...
Спасибо, сторона родная,
За твой врачующий простор!
За дальним Средиземным морем,
Под небом ярче твоего,
Искал я примиренья с горем,
И не нашел я ничего!
Я там не свой: хандрю, немею,
Не одолев мою судьбу,
Я там погнулся перед нею,
Но ты дохнула — и сумею,
Быть может, выдержать борьбу!

Я твой. Пусть ропот укоризны
За мною по пятам бежал,
Не небесам чужой отчизны —
Я песни родине слагал!
И ныне жадно поверяю
Мечту любимую мою
И в умиление посылаю
Всему привет... Я узнаю
Суровость рек, всегда готовых
С грозой выдержать войну,
И ровный шум лесов сосновых,
И деревенок тишину,
И нив широкие размеры...
Храм божий на горе мелькнул
И детски чистым чувством веры
Внезапно на душу пахнул.

Нет отрицанья, нет сомненья,
И шепчет голос неземной:
Лови минуту умиленья,
Войди с открытой головой!
Как ни тепло чужое море,
Как ни красна чужая даль,
Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль!
Храм воздыханья, храм печали —
Убогий храм земли твоей:
Тяжеле стонов не слышали
Ни римский Петр, ни Колизей!
Сюда народ, тобой любимый,
Своей тоски неодолимой
Святое бремя приносил —
И облегченный уходил!
Войди! Христос наложит руки
И снимет волею святой
С души оковы, с сердца муки
И язвы с совести больной...

Я внял... я детски умилился...
И долго я рыдал и бился
О плиты старые челом,
Чтобы простил, чтоб заступился,
Чтоб осенил меня крестом
Бог угнетенных, бог скорбящих,
Бог поколений, предстоящих
Пред этим скудным алтарем!

2

Пора! За рожью колосистой
Леса сплошные начались,
И сосен аромат смолистый
До нас доходит... «Берегись!» —
Уступчив, добродушно смирен,
Мужик торопится свернуть...
Опять пустынно-тих и мирен
Ты, русский путь, знакомый путь!
Прибитая к земле слезами
Рекрутских жен и матерей,

Пыль не стоит уже столбами
Над бедной родиной моей.
Опять ты сердцу посылаешь
Успокоительные сны
И вряд ли сам припоминаешь,
Каков ты был во дни войны,—
Когда над Русью безмятежной
Восстал немолчный скрип тележный,
Печальный, как народный стон!
Русь поднялась со всех сторон,
Все, что имела, отдавала
И на защиту высылала
Со всех проселочных путей
Своих покорных сыновей.
Войска водили офицеры,
Гремел походный барабан,
Скакали бешено курьеры;
За караваном караван
Тянулся к месту яркой битвы —
Своили хлеб, сгоняли скот.
Проклятья, стоны и молитвы
Носились в воздухе... Народ
Смотрел довольными глазами
На фуры с пленными врагами,
Откуда рыжих англичан,
Французов с красными ногами
И чалмоносных мусульман
Глядели сумрачные лица...
И, все минуло... все молчит...
Так мирных лебедей станица,
Внезапно спугнута, летит,
И с криком обогнув равнину
Пустынных, молчаливых вод,
Садится дружно на средину
И осторожнее плывет...

3

Свершилось! Мертвые отпеты,
Живые прекратили плач,
Окровавленные ланцеты
Отчистил утомленный врач.

Военный поп, сложив ладони,
Творит молитву небесам.
И севастопольские кони
Пасутся мирно... Слава вам!
Вы были там, где смерть летает,
Вы были в сечах роковых
И, как вдовец жену меняет,
Меняли всадников лихих.

Война молчит — и жертв не просит,
Народ, стекаясь к алтарям,
Хвалу усердную возносит
Смирившим громы небесам.
Народ-герой! в борьбе суровой
Ты не шатнулся до конца,
Светлее твой венец терновый
Победоносного венца!

Молчит и *он*... как труп безглавый,
Еще в крови, еще дымясь;
Не небеса, ожесточась,
Его снесли огнем и лавой:
Твердыня, избранная славой,
Земному грому поддалась!
Три царства перед ней стояло,
Перед одной... таких громов
Еще и небо не метало
С нерукотворных облаков!
В ней воздух кровью напоили,
Изрешетили каждый дом
И, вместо камня, намостили
Ее свинцом и чугуном.
Там по чугунному помосту
И море под стеной течет.
Носили там людей к погосту,
Как мертвых пчел, теряя счет...
Свершилось! Рухнула твердыня,
Войска ушли... кругом пустыня,
Могила... Люди в той стране
Еще не верят тишине,
Но тихо... В каменные раны
Заходят сизые туманы,

И черноморская волна
Уныло в берег славы плещет...
Над всею Русью тишина,
Но — не предшественница сна:
Ей солнце правды в очи блещет,
И думу думает она.

4

А тройка все летит стрелой.
Завидев мост полуживой,
Ямщик бывалый, парень русский,
В овраг спускает лошадей
И едет по тропинке узкой
Под самый мост... оно верней!
Лошадки рады: как в подполье,
Прохладно там... Ямщик свистит
И выезжает на приволье
Лугов... родной, любимый вид
Там зелень ярче изумруда,
Нежнее шелковых ковров,
И, как серебряные блюда,
На ровной скатерти лугов
Стоят озера... Ночью темной
Мы миновали луг поемный,
И вот уж едем целый день
Между зелеными стенами
Густых берез. Люблю их тень
И путь, усыпанный листьями!
Здесь бег коня неслышно тих,
Легко в их сырости приятной,
И веет на душу от них
Какой-то глушью благодатной.
Скорей туда — в родную глушь!
Там можно жить, не обижая
Ни божьих, ни ревижских душ
И труд любимый доверяя.
Там стыдно будет унывать
И предаваться грусти праздной,
Где пахарь любит сокращать
Напевом труд однообразный.

Его ли горе не скребет? —
Он бодр, он за сохой шагает.
Без наслажденья он живет,
Без сожаленья умирает.
Его примером укрепись,
Сломившийся под игом горя!
За личным счастьем не гонись
И богу уступай — не споря...

* * *

Стихи мои! Свидетели живые
За мир пролитых слез!
Родитесь вы в минуты роковые
Душевных гроз
И бьетесь о сердца людские,
Как волны об утес.

Н. Ф. КРУЗЕ

В печальной стороне, где родились мы с вами,
Где все разумное придавлено тисками,
Где все безмозглое отмечено звездами,
Где силен лишь обман,—
В стране бесправия, невежества и дичи —
Не часто говорить приходится нам спичи
В честь доблестных граждан.

Прими простой привет, боец неустрашимый!
Луч света трепетный, сомнительный, чуть зримый
Внезапно вспыхнувший над родиной любимой,
Ты не дал погасить — ты объявил войну
Слугам не родины, а царского семейства,
Науку мудрую придворного лакейства
Изведавших одну.

Впервые чрез тебя до бедного народа
Дошли великие слова:
Наука, истина, отечество, свобода,
Гражданские права.
Вступила родина на новую дорогу.
Господь! ее храни и укрепляй.
Отдай нам труд, борьбу, тревогу,
Ей счастье отдай.

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ПАРАДНОГО ПОДЪЕЗДА

Вот парадный подъезд. По торжественным дням,
Одержимый холопским недугом,
Целый город с каким-то испугом
Подъезжает к заветным дверям;
Записав свое имя и званье,
Разъезжаются гости домой,
Так глубоко довольны собой,
Что подумаешь — в том их призванье!
А в обычные дни этот пышный подъезд
Осаждают убогие лица:
Прожектеры, искатели мест,
И преклонный старик, и вдовица.
От него и к нему, то и знай, по утрам
Всё курьеры с бумагами скачут.
Возвращаясь, иной напевает «трам-трам»,
А иные просители плачут.
Раз я видел, сюда мужики подошли,
Деревенские русские люди,
Помолились на церковь и стали вдали,
Свесив русые головы к груди;
Показался швейцар. «Допусти», — говорят
С выраженьем надежды и муки.
Он гостей оглядел: некрасивы на взгляд!
Загорелые лица и руки,
Армячишка худой на плечах,
По котомке на спинах согнутых,
Крест на шее и кровь на ногах,
В самодельные лапти обутых

(Знать. брели-то долгонько они
Из каких-нибудь дальних губерний).
Кто-то крикнул швейцару: «Гони!
Наш не любит оборванной черни!»
И захлопнулась дверь. Постояв,
Развязали кошли пилигримы,
Но швейцар не пустил, скудной лепты не взяв,
И пошли они, солнцем палимы,
Повторяя: Суди его бог!
Разводя безнадежно руками,
И покуда я видеть их мог,
С непокрытыми шли головами...

А владелец роскошных палат
Еще сном был глубоким объят...
Ты, считающий жизнью завидною
Упоение лестью бесстыдною,
Волокитство, обжорство, игру,
Пробудись! Есть еще наслаждение:
Вороти их! в тебе их спасение!
Но счастливые глухи к добру...

Не страшат тебя громы небесные,
А земные ты держишь в руках,
И несут эти люди безвестные
Неисходное горе в сердцах.

Что тебе эта скорбь волиющая,
Что тебе этот бедный народ?
Вечным праздником быстро бегущая
Жизнь очнуться тебе не дает.
И к чему? Щелкоперов забавою
Ты народное благо зовешь;
Без него проживешь ты со славою
И со славой умрешь!
Безмятежней аркадской идиллии
Закатятся преклонные дни:
Под пленительным небом Сицилии,
В благовонной древесной тени,
Созерцая, как солнце пурпурное
Погружается в море лазурное,
Полосами его золотя, —
Убаюканный ласковым пением

Средиземной волны — как дитя
Ты уснешь, окружен попечением
Дорогой и любимой семьи
(Ждущей смерти твоей с нетерпением);
Привезут к нам останки твои,
Чтоб почтить похоронною тризною,
И сойдешь ты в могилу... герой,
Втихомолку проклятый отчизною,
Возвеличенный громкой хвалой!..

Впрочем, что ж мы такую особу
Беспокоим для мелких людей?
Не на них ли нам выместить злобу? —
Безопасней... Еще веселей
В чем-нибудь приискать утешенье...
Не беда, что потерпит мужик:
Так ведущее нас провиденье
Указало... да он же привык!
За заставой, в харчевне убогой
Всё пропыют бедняки до рубля
И пойдут, побираясь дорогой,
И застонут... Родная земля!
Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал?
Стонет он по полям, по дорогам,
Стонет он по тюрьмам, по острогам,
В рудниках на железной цепи;
Стонет он под овином, под стогом,
Под телегой, ночуя в степи;
Стонет в собственном бедном домишке,
Свету божьего солнца не рад;
Стонет в каждом глухом городишке,
У подъезда судов и палат.
Вьдь на Волгу: чей стон раздается
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песней зовется —
То бурлаки идут бечевою!..
Волга! Волга!.. Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля,—

Где народ, там и стон... Эх, сердечный!
Что же значит твой стон бесконечный?
Ты проснешься ль, исполненный сил,
Иль, судеб повинаясь закону,
Все, что мог, ты уже совершил —
Создал песню подобную стону
И духовно навеки почил?..

* * *

(Отрывок)

Ночь. Успели мы всем насладиться.
Что ж нам делать? Не хочется спать.
Мы теперь бы готовы молиться,
Но не знаем, чего пожелать.

Пожелаем тому доброй ночи,
Кто все терпит, во имя Христа,
Чьи не плачут суровые очи,
Чьи не ропщут немые уста,
Чьи работают грубые руки,
Предоставив почтительно нам
Погружаться в искусства, в науки,
Предаваться мечтам и страстям,
Кто бредет по житейской дороге
В безрассветной, глубокой ночи,
Без понятия о праве, о божьей,
Как в подземной тюрьме без свечи...

ПЕСНЯ ЕРЕМУШКЕ

«Стой, ямщик! жара неносная,
Дальше ехать не могу!»
Вишь, пора-то сенокосная —
Вся деревня на лугу.

У двора у постоялого
Только нянюшка сидит,
Закачав ребенка малого,
И сама почти что спит;

Через силу тянет песенку
Да, зевая, крестит рот.
Сел я рядом с ней на лесенку,
Няня дремлет и поет:

«Ниже тоненькой былиночки
Надо голову клонить,
Чтоб на свете сиротиночке
Беспечально век прожить.

Сила ломит и соломушку —
Поклонись пониже ей,
Чтобы старшие Еремушку
В люди вывели скорей.

В люди выдешь, все с вельможами
Будешь дружество водить,
С молодницами пригожим
Шутки вольные шутить.

И привольная, и праздная
Жизнь покатится шутя...»
Эка песня безобразная!
— Няня! дай-ка мне дитя!

«На, родной! да ты откуда?»
— Я проезжий, городской.
«Покачай; а я покудова
Подремлю... да песню спой!»

— Как не спеть! спою, родимая,
Только, знаешь, не твою.
У меня своя, любимая...
«Баю-баюшки-баю!

В пошлой лени усыпляющий
Пошлых жизни мудрецов,
Будь он проклят, растлевающий
Пошлый опыт — ум глупцов!

В нас под кровлею отеческой
Не запало ни одно
Жизни чистой, человеческой
Плодотворное зерно.

Будь счастливей! Силу новую
Благородных юных дней
В форму старую, готовую
Необдуманно не лей!

Жизни вольным впечатлениям
Душу вольную отдай,
Человеческим стремлениям
В ней проснуться не мешай

С ними ты рожден природою —
Возлелей их, сохрани!
Братством, Равенством, Свободою
Называются они.

Возлюби их! на служение
Им отдайся до конца!

Нет прекрасней назначения,
Лучезарней нет венца.

Будешь редкое явление,
Чудо родины своей,
Не холопское терпение
Принесешь ты в жертву ей:

Необузданную, дикую
К угнетателям вражду
И доверенность великую
К бескорыстному труду.

С этой ненавистью правою,
С этой верою святой
Над неправдою лукавою
Грянешь божьею грозой...

И тогда-то...» Вдруг проснулося
И заплакало дитя.
Няня быстро встрепенулася
И взяла его, крестя.

«Покормись, родимый, грудкою!
Сыт?.. Ну, баюшки-баю!» —
И запела над малюткою
Снова песенку свою...

О ПОГОДЕ

Часть первая

УЛИЧНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Что за славная столица
Развеселый Петербург!

Лакейская песня.

I

УТРЕННЯЯ ПРОГУЛКА

Слава богу, стрелять перестали!
Ни минуты мы нынче не спали,
И едва ли кто в городе спал:
Ночью пушечный гром грохотал,
Не до сна! Вся столица молилась,
Чтоб Нева в берега воротилась,
И минула большая беда —
Понемногу сбывает вода.
Начинается день безобразный —
Мутный, ветренный, темный и грязный.
Ах, еще бы на мир нам с улыбкой смотреть!
Мы глядим на него через тусклую сеть,
Чтоб, как слезы, струится по окнам домов
От туманов сырых, от дождей и снегов!

Злость берет, сокрушает хандра,
Так и просятся слезы из глаз.
Нет! Я лучше уйду со двора...
Я ушел — и наткнулся как раз
На тяжелую сцену. Везли на погост
Чей-то вохрой окрашенный гроб

Через длинный Исакиев мост.
Перед гробом не шли ни родные, ни поп,
Не лежала на нем золотая парча,
Только, в крышу дощатого гроба стуча,
Прыгал град да извозчик палач
Бил кургузым кнутом спотыкавшихся кляч,
И вдоль спин побелевших удары кнута
Полосами ложились. Съезжая с моста,
Зацепила за дроги коляска, стремглав
С офицером, кричавшим: пошел! проскакав,
Гроб упал и раскрылся.

«Сердечный ты мой!
Натерпелся ты горя живой.
Да пришлось терпеть и по смерти...
То случился проклятый пожар,
То теперь наскружили вдруг — черти!
Вот уж подлинно бедный Макар!
Дом-то, где его тело стояло,
Загорелся, — забыли о нем, —
Я схватилась: побились немало,
Да спасли-таки гроб целиком...
Так опять неудача сегодня!
Видно, участь его такова..
Расходилась рука-то господня,
Не удержишь!..»

Такие слова
Говорила бездушно и звонко,
Подбежав к мертвецу впопыхах,
Провожавшая гроб старушонка,
В кацавейке, в мужских сапогах.
«Вишь, проклятые! Ехать им тесно!»
— Кто он был? — я старуху спросил.
«Кто он был? да чиновник, известно;
В департаментах разных служил.
Петербург ему солон достался:
В наводнение жену потерял,
Целый век по квартирам таскался
И четырнадцать раз погорал.
А уж службой себя как неволил!
В будни сиднем сидел да писал,
А по праздникам ноги мозолил —

Все начальство свое поздравлял.
Вот и кончилось тем — простудился!
Звал из Шуи родную сестру,
Да деньжонок послать поскупился.
«Так один, говорит, и умру,
Не дождусь... кто меня похоронит?
Хоть уж ты не оставь, помоги!»
Страх, бывало, возьмет, как застонет!
Подари, говорю, сапоги,
А то, вишь, разошелся дождище!
Неравно в самом деле умрешь,
В чем пойду проводить на кладбище?
Закивал головой...» — Ну, и что ж?
«Ну и умер — и больше ни слова;
Надо места искать у другого!»
— И тебе его будто не жаль?
«Что жалеть! нам жалеть недосужно.
Что жалеть? хоронить теперь нужно.
Эка, батюшки, страшная даль!
Эко времечко!.. господи боже!
Как ни дорого бедному жить,
Умирать ему вдвое дороже.
На кладбище-то место купить,
Да попу, да на гроб, да на свечи...»

Говоря эти грустные речи,
До кладбища мы скоро дошли
И покойника в церковь внесли.
Много их там гуртом отпевалось,
Было тесно — и трудно дышалось.
Я ушел по кладбищу гулять;
Там одной незаметной могилы,
Где уснули великие силы,
Мне хотелось давно поискать.

Сделав даром три добрые круга,
Я у сторожа вздумал спросить.
Имя, званье, все признаки друга
Он заставил пять раз повторить
И сказал: «Нет, такого не знаю;
А, пожалуй, приметку скажу,
Как искать: ты ищи его с краю,
Перешедши вон эту межу,
И смотри: где кресты — там мещане,

Офицеры, простые дворяне;
Над чиновником больше плита,
Под плитой же бывает учитель;
А где нет ни плиты, ни креста,
Там, должно быть, и есть сочинитель».

За совет я спасибо сказал,
Но могилы в тот день не искал.
Я старуху знакомую встретил
И покойника с ней хоронил.
День, по-прежнему гнил и несветел,
Вместо града дождем нас мочил.
Средь могил, по мосткам деревянным
Довелось нам долгонько шагать.
Впереди, под навесом туманным,
Открывалась болотная гладь:
Ни жилья, ни травы, ни кусточка,
Все мертво — только ветер свистит.
Вон виднеется черная точка:
Это сторож. «Скорее!» — кричит.
По танцующим жердочкам прямо
Мы направились с гробом туда.
Наконец вот и свежая яма,
И уж в ней по колено вода!
В эту воду мы гроб опустили,
Жидкой грязью его завалили,
И конец! Старушонка опять
Не могла пересилить досады:
«Ну, дождался, сердечный, отрады!
Что б уж, кажется, с мертвого взять?
Да господь, как захочет обидеть,
Так обидит: вчера погорал,
А сегодня, изволите видеть,
Из огня прямо в воду попал!»
Я взглянул на нее — и заметил,
Что старухе-то жаль бедняка:
Бровь одну поводило слегка...
Я немой ей поклоном ответил
И ушел... Я доволен собой,
Я недаром на улицу вышел:
Я хандру разогнал — и смешной
Каламбур на кладбище услышал,
Подготовленный жизнью самой...

II
ДО СУМЕРЕК

1

Ветер что-то удушлив не в меру,
В нем зловещая нота звучит,
Всё холеру — холеру — холеру —
Тиф и всякую немочь сулит!
Все больны, торжествует аптека
И варит свои зелья гуртом;
В целом городе нет человека,
В ком бы желчь не кипела ключом;
Муж, супругою страстно любимый,
В этот день не понравится ей,
И преступник, сегодня судимый,
Вдвое больше получит плетей.
Всюду встретишь жестокую сцену, —
Полицейский не в меру сердит,
Тесаком, как в гранитную стену,
В спину бедного Ваньки стучит.
Чу! визгливые стоны собаки!
Вот сильнее — видно, треснули вновь...
Стали греться — догрелись до драки
Два калашника... хохот — и кровь!

2

Под жестокой рукой человека
Чуть жива, безобразно тоща,
Надрывается лошадь-калека,
Непосильную ношу влача.
Вот она зашаталась и стала.
«Ну!» — погонщик полено схватил
(Показалось кнута ему мало) —
И уж бил ее, бил ее, бил!
Ноги как-то расставив широко,
Вся дымясь, оседая назад,
Лошадь только вздыхала глубоко
И глядела... (так люди глядят,
Покоряясь неправым нападкам).

Он опять: по спине, по бокам,
И вперед забежав, по лопаткам
И по плачущим, кротким глазам!
Все напрасно. Клячонка стояла
Полосатая вся от кнута.
Лишь на каждый удар отвечала
Равномерным движеньем хвоста
Это праздных прохожих смешило,
Каждый вставил словечко свое.
Я сердился — и думал уныло:
«Не вступиться ли мне за нее?
В наше время сочувствовать мода,
Мы помочь бы тебе и не прочь,
Безответная жертва народа,—
Да себе не умеем помочь!»
А погонщик недаром трудился —
Наконец-таки толку добился!
Но последняя сцепа была
Возмутительней первой для взора:
Лошадь вдруг напряглась — и пошла
Как-то боком, нервически скоро
А погонщик при каждом прыжке,
В благодарность за эти усилья,
Поддавал ей ударами крылья
И сам рядом бежал налегке.

3

Я горячим рожден патриотом,
Я весьма терпеливо стою,
Если войско, несметное счетом,
Переходит дорогу мою.
Ускользнут ли часы из кармана,
До костей ли прохватит мороз
Под воинственный гром барабана,—
Не жалею: я истинный Росс!
Жаль, что нынче погода дурная,
Солнца нет, кивера не блестят,
И не лоснится масть вороная
Лошадей... Только сабли звенят;
На солдатах едва ли что сухо,
С лиц бегут дождевые струи,

Артиллерия тяжело и глухо
Подвигает орудья свои.
Все молчит. В этой раме туманной
Лица воинов жалки на вид,
И подмоченный звук барабанный
Словно издали жидко гремит...

4

Прибывает толпа ожидающих,
Сколько дрожек, колясок, карет!
Пеших, едущих, празднo-зевающих
Счету нет!
Тут квартальный с захваченным пьяницей,
Как Федотов его срисовал;
Тут старуха с аптечною сткляницей,
Тут жандармский седой генерал;
Тут и дама, такая сердитая —
Открывай ей немедленно путь!
Тут и лошадь, недавно побитая:
Бог привел и ее отдохнуть!
Смотрит прямо в окошко каретное,
На стекле надышала пятно.
Вот лицо, молодое, приветное,
Вот и ручка, — раскрылось окно,
И погладила клячу несчастную
Ручка белая... дождь зачастил,
Словно спрятаться ручку прекрасную
Поскорей торопил.
Тут бедняк итальянец с фигурами,
Тут чухна, продающий грибы,
Тут рассыльный Минай с корректурами.
— Что, старинушка, много ходьбы?
«Много было до сорок девятого;
Отдохнули потом... да опять
С пятьдесят этак прорвало с пятого,
Успевай только ноги таскать!»
— А какие ты носишь издания?
«Пропасть их — перечесть мудрено.
Я «Записки» носил с основания,
С «Современником» нянчусь давно:
То носил к Александру Сергеичу,

А теперь уж тринадцатый год
Все ношу к Николай Алексеичу,—
На Литейной живет.
Слог хорош, а жиденько издание,
Так, оберточкой больше берут.
Вот «Записки» — одно уж название!
Но и эти, случается, врут.
Всё резать друг дружку стараются,
Впрочем, нас же надуть норовят:
В месяц тридцать листов обещаются,
А рассыльный таскай шестьдесят!
Знай ходи — то в Коломну, то к Невскому,
Даже Фрейганг устанет марать:
«Объяви, говорит, ты Краевскому,
Что я больше не стану читать!..»
Вот и нынче несу что-то спешное —
Да пускай подождут, не впервой.
Эх, умаялось тело-то грешное!..»
— Да, пора бы тебе на покой.
«То-то нет! говорили мне многие,
Даже доктор (в тридцатом году
Я носил к нему «Курс патологии»):
Жить тебе, пока ты на ходу!
И ведь точно: сильнее нездоровится,
Коли в праздник ходьба остановится:
Ноет спинушка, жилы ведет!
Я хожу уж полвека без малого,
Человека такого усталого
Не держи — пусть идет!
Умереть бы привел бог со славою,
Отдохнуть отдохнем, потрудясь...»
Принял позу старик величавую,
На Исакия смотрит, крестясь.
Мне понравилась речь эта странная.
— Трудно дело твое! — я сказал.
«Дела нет, а ходьба беспрестанная;
Зато город я славно узнал!
Знаю, сколько в нем храмов считается,
В каждой улице сколько домов,
Сколько вывесок, сколько шагов
(Так идешь да считаешь, случается).
Грешен, знаю число кабаков.
Что ни есть в этом городе жителей,

Всех по времени вызнал с лица».
— Ну, а много видал сочинителей?
«День считай — не дойдешь до конца,
Чай, и счет потерял в литераторах!
Коиx помню — пожалуй, скажу.
При царице, при трех императорах
К ним ходил... при четвертом хожу:
Знал Булгарина, Греча, Сенковского,
У Воейкова долго служил,
В Шепелевском¹ сыпал у Жуковского
И у Пушкина в Царском гостил.
Походил я к Василью Андрейчу,
Да гроша от него не видал,
Не чета Александру Сергеичу —
Тот частенько на водку давал.
Да зато попрекал все цензурою:
Если красные встретит кресты,
Так и пустит в тебя корректурую:
Убирайся, мол, ты!
Глядя, как человек убивается,
Раз я молвил: сойдет-де и так!
— Это кровь, говорит, проливается,—
Кровь моя — ты дурак!..»

5

Полно ждать! за последней колонною
Отстальные прошли,
И покрытого красной попоною
В заключение коня провели.
Торжествуя конец ожидания,
Кучера завопили: «Пади!»
Всё спешит.— Ну, старик, до свидания,
Коли нужно идти, так иди!!!

6

Я, продрогнув, домой побежал.
Небо, видно, сегодня не сжалится:
Только дождь перестал,

¹ Дворец, где долго жил Жуковский. (Прим. Н. А. Некрасова.)

Снег лепешками крупными валится!
Город начал пустеть — и пора!
Только бедный да пьяный шатаются,
Да близ медной статуи Петра,
У присутственных мест дожидаются
Сотни сотен крестьянских дровней,
И так щедро с небес посыпаются,
Что за снегом не видно людей.
Чу! рыдание баб истеричное!
Сдали парня?.. Жалей не жалей,
Перемелется — дело привычное!
Злость-тоску мужики на лошадаках сорвут,
Коли денежки есть — раскошелятся
И кручинушку штофом запьют,
А слезами-то бабы поделятся!
По ведерочку слез на сестренку уйдет,
С полведра молодухе достанется,
А старуха-то мать и без меры возьмет —
И без меры возьмет — что останется!

III

СУМЕРКИ

Говорят, еще день. Правда, я не видал,
Чтобы месяц свой рог золотой показал,
Но и солнца не видел никто.
Без его даровых благодатных лучей
Золоченные куполы пышных церквей
И вся роскошь столицы — ничто.
Надо всем, что ни есть: над дворцом и тюрьмой
И над медным Петром, и над грозной Невой,
До чугунных коней на воротах застав
(Что хотят ускакать из столицы стремглав) —
Надо всем распростерся туман.
Душный, стройный, угрюмый. гнилой,
Некрасив в эту пору наш город большой,
Как изношенный фат без румян...

Наша улица улиц столичных краса,
В ней дома всё в четыре этажа,
Не лазурны над ней небеса,

Да зато процветает продажа.
Сверху донизу вывески сплошь
Покрывают громадные стены,
Сколько хочешь тут немцев найдешь —
Из Берлина, из Риги, из Вены.
Всё соблазны, помилуй нас бог!
Там перчатка с руки великана,
Там торчит Веллингтонов сапог,
Там с открытою грудью Диана;
Даже ты, Варсонофий Петров,
Подле вывески «делают гробы»
Прицепил полуженные скобы
И другие снаряды гробов,
Словно хочешь сказать: «Друг-прохожий!
Соблазнь — и умри поскорей!»
Человек ты, я знаю, хороший,
Да многонько родил ты детей —
Непрестанные нужны заказы...
Ничего! обеспечен твой труд:
Бедность гибельней всякой заразы —
В нашей улице люди так мрут,
Что по ней, то и знай, на кладбища,
Как в холеру, тащат мертвецов:
Холод, голод, сырые жилища, —
Не робей, Варсонофий Петров!..

В нашей улице жизнь трудовая:
Начинают ни свет ни заря
Свой ужасный концерт, припевая,
Токари, резчики, слесаря,
А в ответ им гремит мостовая!
Дикий крик продавца-мужика,
И шарманка с пронзительным воем,
И кондуктор с трубой, и войска,
С барабанным идущие боем,
Понуканье измученных кляч,
Чуть живых, окровавленных, грязных,
И детей раздирающий плач
На руках у старух безобразных:
Все сливается, стонет, гудет,
Как-то глухо и грозно рокошет,
Словно цепи куют на несчастный народ,
Словно город обрушиться хочет.

Давка, говор... (о чем голоса?
Всё о деньгах, о нужде, о хлебе).
Смрад и копоть. Глядишь в небеса,
Но отрады не встретишь и в небе.

Этот омут хорош для людей,
Расставляющих ближнему сети,
Но не жалко ли бедных детей!
Вы зачем тут, несчастные дети?
Неужели душе молодой
Уж знакомы нужда и неволя?
Ах, уйдите, уйдите со мной
В тишину деревенского поля!
Не такой там услышите шум,
Там шумит созревающий колос,
Усыпляя младенческий ум
И страстей преждевременный голос.
Солнце, воздух, цветов аромат —
Это всех поколений наследство,
За пределами душистых оград
Проведете вы сладкое детство.
Нет! вам красного детства не знать,
Не прожить вам покойно и честно.
Жребий ваш... но к чему повторять
То, что даже ребенку известно?

На спине ли дрова ты несешь на чердак,
Через лоб протянувши веревку,
Грош ли просишь, идешь ли в кабак,
Задают ли тебе потасовку —
Ты знаком уже нам, петербургский бедняк,
Нарисованный ловкою кистью
В модной книге, — угрюмый, худой,
Обессмысленный дикой корыстью,
Страхом, голодом, мелкой борьбой.
Мы довольно похвал расточали,
И довольно сплели мы венков
Тем, которые нам рисовали
Любопытную жизнь бедняков.
Где ж плоды той работы полезной?
Увидав, как читатель иной
Льет над книгою слезы рекой,
Так и хочешь сказать: «Друг любезный,

Не сочувствуй ты горю людей,
Не читай ты гуманных книжонок,
Но не ставь за каретой гвоздей,
Чтоб, вскочив, накололся ребенок!»

УБОГАЯ И НАРЯДНАЯ

1

Беспокойная ласковость взгляда,
И поддельная краска ланит,
И убогая роскошь наряда —
Все не в пользу ее говорит.
Но не лучше ли, прежде чем бросим
Мы в нее приговор роковой,
Подзовем-ка ее да расспросим:
«Как дошла ты до жизни такой?»

Не длинен и не нов рассказ:
Отец ее, подьячий бедный,
Таскался писарем в Приказ,
Имел порок дурной и вредный —
Запоем пил — и был буян,
Когда домой являлся пьян.
Предвидя роковую схватку,
Жена малютку уведет,
Уложит наскоро в кроватку
И двери поплотней припрет.
Но бедной девочке не спится!
Ей чудится: отец бранится,
Мать плачет. Саша на кровать,
Рукою подпершись, садится,
Стучит в ней сердце... где тут спать?
Раздвинув завесы цветные,
Глядит на двери запертые,
Откуда слышится содом,

Не шевелится и не дремлет.
Так птичка в бурю под кустом
Сидит — и чутко буре внемлет.

Но как ни буен был отец,
Угомонился наконец,
И стало без него им хуже.
Мать умерла в тоске по муже,
А девочку взяла «Мадам»
И в магазине поселила.
Не очень много шили там,
И не в шитье была там сила...

2

«Впрочем, что ж мы? нас могут заметить
Рядом с ней?!» И отхлынули прочь...
Нет! тебе сострадания не встретить,
Нищеты и несчастья дочь!
Свет тебя предает поруганью
И охотно прощает другой,
Что торгует собой по призванию,
Без нужды, без борьбы роковой;
Что, поднявшись с позорного ложа,
Разоденется, щеки притрет
И летит, соблазнительно лежа
В щегольском экипаже, в народ —
В эту улицу роскоши, моды,
Офицеров, лореток и бар,
Где с полугосударства доходы
Поглощает заморский товар.
Говорят, в этой улице милой
Все, что модного выдумал свет,
Совместилось волшебною силой,
Ничего только русского нет —
Разве Ванька проедет унылый.
Днем и ночью на ней маскарад,
Ей недаром гордится столица.
На французский, на английский лад
Исковеркав нерусские лица,

Там гуляют они, пустоты вековой
И наследственной праздности дети,
Разодетой, довольной толпой...
Ну, кому же расставишь ты сети?

Вышла ты из коляски своей
И на ленте ведешь собачонку;
Стая модных и глупых людей
Провожает тебя вперегонку.
У прекрасного пола тоска,
Чувство злобы и зависти тайной.
В самом деле, жена бедняка.
Позавидуй! эффект чрезвычайный!
Бриллианты, цветы, кружева,
Доводящие ум до восторга,
И на лбу роковые слова:
«Продается с публичного торга!»
Что, красавица, нагло глядишь?
Чем гордишься? Вот вся твоя повесть:
Ты ребенком попала в Париж,
Потеряла невинность и совесть,
Научилась белиться и лгать
И явилась в наивное царство:
Ты слыхала, легко обирать
Наше будто богатое барство.

Да, нетрудно! Но должно входить
В этот избранный мир с аттестатом.
Красотой нас нельзя победить,
Удивить невозможно развратом.
Нам известность, нам мода нужна.
Ты красивей была и моложе,
Но, увы! неизвестна, бедна
И нуждалась сначала... О боже!
Твой рассказ о купце разрывал
Нам сердца: по натуре бурлацкой,
Он то ноги твои целовал,
То хлестал тебя плетью казацкой.
Но, по счастью этот дикарь,
Слабоватый умом и сердечком,
Принялся за французский букварь,
Чтоб с тобой обменяться словечком.
Этим временем ты завела

Рысаков, экипажи, наряды
И прославилась — в моду вошла!
Мы знакомству скандальному рады.
Что за дело, что вся дочиста
Предалась ты постыдной продаже,
Что поддельна твоя красота,
Как гербы на твоём экипаже,
Что глупа ты, жадна и пуста —
Ничего! знатоки вашей нации
Порешили разумным судом,
Что цинизм твой доходит до грацин,
Что геройство в бесстыдстве твоём!
Ты у бога детей не просила,
Но ты женщина тоже была,
Ты со скрежетом сына носила
И с проклятьем его родила.
Он подрос — ты его нарядила
И на Невский с собой повезла.
Ничего! Появление малютки
Не смутило души никому,
Только вызвало милые шутки,
Дав богатую пищу уму.
Удивлялась вся гвардия наша
(Да и было чему, не шутя),
Что ко всякому с словом «папаша»
Обращалось наивно дитя...

И не кинул никто, негодуя,
Комом грязи в бесстыдную мать!
Чувством матери нагло торгуя,
Пуще стала она обирать.
Бледны, полны тупых сожалений,
Потерявшие шик молодцы, —
Вон по Невскому бродят, как тени,
Разоренные ею глупцы!
И пример никому не наука,
Разорит она сотни других:
Тупоумие, праздность и скука
За нее... Но умолкни, мой стих!
И погромче нас были витии,
Да не сделали пользы пером...
Дураков не убавим в России,
А на умных тоску наведем.

* * *

Что ты, сердце мое, расходилося?..
 Постыдись! Уж про нас не впервой
 Снежным комом прошла — прокатилась
 Клевета по Руси по родной.
 Не тужи! пусть растет, прибавляется,
 Не тужи! как умрем,
 Кто-нибудь и об нас проболтается
 Добрым словом.

ЗНАХАРКА

Знахарка в нашем живет околотке:
На воду шепчет; на гуще, на водке

Да на каких-то гадает травáх.
Просто наводит, проклятая, страх!

Радостей мало — пророчит все горе;
Вздумал бы плакать — наплакал бы море,

Да — господь милостив! — русский народ
Плакать не любит, а больше поет.

Молвила ведьма горластому парню:
«Эй! угодишь ты на барскую псарню!»

И — поглядят — через месяц всего
По лесу парень орет: «Го-го-го!»

Дяде Степану сказала: «Кичишься
Больно ты сивкой, а сивки лишишься,

Либо твоей голове пропадать!»
Стали Степана рекрутством пугать:

Вывел коня на базар — откупился!
Весь околоток колдунье дивился.

«Сем-ка! и я понаведаюсь к ней! —
Думает старый мужик Пантелей: —

Что ни предскажет кому: разоренье,
Убыль в семействе, глядишь — исполнение!

Черт у ней, что ли, в дрожжах-то сидит?..»
Вот и пришел Пантелей — и стоит,

Ждет: у колдуньи была уж девица,
Любо взглянуть — молода, полнолица.

Рядом с ней парень — дворовый, кажись,
Знахарка девке: «Ты с ним не вяжись!

Будет твоя особливая доля:
Малые слезы — и вечная воля!»

Дрогнул дворовый, а ведьма ему:
«Счастью не быть, молодец, твоему.

Всё говорить?» — Говори! — «Ты зимою
Высечен будешь, дойдешь до запою,

Будешь небритый валяться в избе,
Чертики прыгать учнут по тебе,

Станут глумиться, тянуть в преисподню;
Ты в пузыречек наловишь их сотню,

Станешь его затыкать...» Пантелей
Шапку в охапку — и вон из дверей.

«Что же, старик? Погоди — погадаю!» —
Ведьма ему. Пантелей: «Не желаю!

Что нам гадать? Малолетков морочь,
Я погожу пока, чертова дочь!

Ты нам тогда предскажи нашу долю,
Как от господ отойдем мы на волю!»

НА ВОЛГЕ

(Детство Валежникова)

1

.
Не торопись, мой верный пес!
Зачем на грудь ко мне скакать?
Еще успеем мы стрелять.
Ты удивлен, что я прирос
На Волге: целый час стою
Недвижно, хмурюсь и молчу.
Я вспомнил молодость мою
И весь отдаться ей хочу
Здесь на свободе. Я похож
На нищего: вот бедный дом,
Тут, может, подали бы грош.
Но вот другой — богаче: в нем
Авось побольше подадут.
И нищий мимо; между тем
В богатом доме дворник плут
Не наделил его ничем.
Вот дом еще пышней, но там
Чуть не прогнали по шеем!
И, как нарочно, все село
Прошел — нигде не повезло!
Пуста, хоть выверни суму.
Тогда вернулся он назад
К убогой хижине — и рад.
Что корку бросили ему;
Бедняк ее, как робкий пес,

Подальше от людей унес
И гложет... Рано пренебрег
Я тем, что было под рукой,
И чуть не детской ногой
Ступил за отческий порог.
Меня старались удержать
Мои друзья, молила мать,
Мне лепетал любимый лес:
Верь, нет милей родных небес!
Нигде не дышится вольней
Родных лугов, родных полей,
И той же песенкою полн
Был говор этих милых волн.
Но я не всрился ничему.
Нет, — говорил я жизни той. —
Ничем не купленный покой
Противен сердцу моему...

Быть может, не достало сил
Или мой труд не нужен был,
Но жизнь напрасно я убил,
И то, о чем дерзал мечтать,
Теперь мне стыдно вспоминать!
Все силы сердца моего
Истратив в медленной борьбе,
Не допросившись ничего
От жизни ближним и себе,
Стучусь я робко у дверей
Убогой юности моей:
— О юность бедная моя!
Прости меня, смирился я!
Не помяни мне дерзких грез,
С какими, бросив край родной,
Я издевался над тобой!
Не помяни мне глупых слез,
Какими плакал я не раз,
Твоим покоем тяготясь!
Но благодушно что-нибудь,
На чем бы сердцем отдохнуть
Я мог, пошли мне! Я устал,
В себя я веру потерял,
И только память детских дней
Не тяготит души моей...

Я рос, как многие, в глуши,
 У берегов большой реки,
 Где лишь кричали кулики,
 Шумели глухо камыши,
 Рядами стаи белых птиц,
 Как изваяния гробниц,
 Сидели важно на песке;
 Виднелись горы вдалеке,
 И синий бесконечный лес
 Скрывал ту сторону небес,
 Куда, дневной окончив путь,
 Уходит солнце отдохнуть

Я страха смолоду не знал,
 Считал я братьями людей
 И даже скоро перестал
 Бояться леших и чертей.
 Однажды няня говорит:
 «Не бегай ночью — волк сидит
 За нашей ригой, а в саду
 Гуляют черти на пруду!»
 И в ту же ночь пошел я в сад.
 Не то, чтоб я чертям был рад,
 А так — хотелось видеть их.
 Иду. Ночная тишина
 Какой-то зоркостью полна,
 Как будто с умыслом притих
 Весь божий мир — и наблюдал,
 Что дерзкий мальчик затевал!
 И как-то не шагало мне
 В всезрящей этой тишине.
 Не воротиться ли домой?
 А то как черти нападут
 И потащат с собою в пруд,
 И жить заставят под водой?
 Однако я не шел назад.
 Играет месяц над прудом,
 И отражается на нем
 Береговых деревьев ряд.
 Я постоял на берегу,
 Послушал — черти ни гу-гу!

Я пруд три раза обошел,
Но черт не выплыл, не пришел!
Смотрел я меж ветвей дерев
И меж широких лопухов,
Что поросли вдоль берегов,
В воде: не спрятался ли там?
Узнать бы можно по рогам.
Нет никого! Пошел я прочь,
Нарочно сдерживая шаг.
Сошла мне даром эта ночь,
Но если б друг какой иль враг
Засел в кусту и закричал
Иль даже, спугнутая мной,
Взвилась сова над головой —
Наверно б мертвый я упал!
Так, любопытствуя, давил
Я страхи ложные в себе
И в бесполезной той борьбе
Немало силы погубил.
Зато, добытая с тех пор,
Привычка не искать опор
Меня вела своим путем,
Пока рожденного рабом
Самолубивая судьба
Не обратила вновь в раба!

3

О Волга! после многих лет
Я вновь принес тебе привет.
Уж я не тот, но ты светла
И величава, как была.
Кругом все та же даль и ширь,
Все тот же виден монастырь
На острове, среди песков,
И даже трепет прежних дней
Я ощутил в душе моей,
Заслыша звон колоколов.
Все то же, то же... только нет
Убитых сил, прожитых лет...

Уж скоро полдень. Жар такой,
Что на песке горят следы,

Рыбалки дремлют над водой,
Усевшись в плотные ряды;
Куют кузнечики, с лугов
Несется крик перепелов.
Не нарушая тишины
Ленивой медленной волны,
Расшива движется рекой.
Приказчик, парень молодой,
Смеясь, за спутницей своей
Бежит по палубе; она
Мила, дородна и красна.
И слышу я, кричит он ей:
«Постой, проказница, ужо —
Вот догоню!..» Догнал, поймал,—
И поцелуй их прозвучал
Над Волгой вкусно и свежо.
Нас так никто не целовал!
Да в подрумяненных губах
У наших барынь городских
И звуков даже нет таких.

В каких-то розовых мечтах
Я позабылся. Сон и зной
Уже царили надо мной.
Но вдруг я стоны услышал,
И взор мой на берег упал.
Почти пригнувшись головой
К ногам, обвитым бечевою.
Обутым в лапти, вдоль реки
Ползли гурьбою бурлаки,
И был невыносимо дик
И страшно ясен в тишине
Их мерный похоронный крик,—
И сердце дрогнуло во мне.

О Волга!.. колыбель моя!
Любил ли кто тебя, как я?
Один, по утренним зарям,
Когда еще все в мире спит
И алый блеск едва скользит
По темно-голубым волнам,
Я убегал к родной реке.

Иду на помощь к рыбакам,
Катаюсь с ними в челноке,
Брожу с ружьем по островам.
То, как играющий зверок
С высокой кручи на песок
Скачусь, то берегом реки
Бегу, бросая камешки,
И песню громкую пою
Про удаль раннюю мою...
Тогда я думать был готов,
Что не уйду я никогда
С песчаных этих берегов.
И не ушел бы никуда —
Когда б, о Волга! над тобой
Не раздавался этот вой!

Давно-давно, в такой же час,
Его услышав в первый раз.
Я был испуган, оглушен.
Я знать хотел, что значит он —
И долго берегом реки
Бежал. Устали бурлаки,
Котел с расшивы принесли,
Уселись, развели костер
И меж собою повели
Неторопливый разговор.
— Когда-то в Нижний попадем? —
Один сказал: — Когда б попасть
Хоть на Илью... — «Авось придем —
Другой, с болезненным лицом,
Ему ответил. — Эх, напасть!
Когда бы зажило плечо,
Тянул бы лямку, как медведь,
А кабы к утру умереть —
Так лучше было бы еще...»
Он замолчал и навзничь лег.
Я этих слов понять не мог,
Но тот, который их сказал,
Угрюмый, тихий и больной,
С тех пор меня не покидал!
Он и теперь передо мной:
Лохмотья жалкой пицеты,
Изнеможенные черты

И, выражающий укор,
Спокойно-безнадежный взор...
Без шапки, бледный, чуть живсй,
Лишь поздно вечером домой
Я воротился Кто тут был —
У всех ответа я просил
На то, что видел, и во сне
О том, что рассказали мне,
Я бредил. Няню испугал:
«Сиди, родименькой, сиди!
Гулять сегодня не ходи!»
Но я на Волгу убежал.

Бог весть, что сделалось со мнѣй?
Я не узнал реки родной:
С трудом ступает на песок
Моя нога: он так глубок,
Уж не манит на острова
Их ярко-свежая трава,
Прибрежных птиц знакомый крик
Зловещ, пронзителен и дик,
И говор тех же милых волн
Иною музыкою полн!

О, горько, горько я рыдал,
Когда в то утро я стоял
На берегу родной реки,—
И в первый раз ее назвал
Рекою рабства и тоски!..

Что́ я в ту пору замышлял,
Созвав товарищей детей,
Какие клятвы я давал —
Пускай умрет в душе моей,
Чтоб кто-нибудь не осмеял!

Но если вы — наивный бред,
Обеты юношеских лет,
Зачем же вам забвенья нет?
И вами вызванный упрек
Так сокрушительно жесток?..

Унылый, сумрачный бурлак!
Каким тебя я в детстве знал,
Таким и ныне увидал:
Все ту же песню ты поешь,
Все ту же лямку ты несешь,
В чертах усталого лица
Все та ж покорность без конца...
Прочна суровая среда,
Где поколения людей
Живут и гибнут без следа
И без урока для детей!
Отец твой сорок лет стонал,
Бродя по этим берегам,
И перед смертью не знал,
Что заповедать сыновьям.
И, как ему, — не довелось
Тебе наткнуться на вопрос:
Чем хуже был бы твой удел,
Когда б ты менее терпел?
Как он, безгласно ты умрешь,
Как он, безвестно пропадешь.
Так заматывается песком
Твой след на этих берегах,
Где ты шагаешь под ярмом
Не краше узника в цепях,
Твердя постылые слова,
От века те же «раз да два!»
С болезненным припевом «ой!»
И в такт мотая головой...

НА ПСАРНЕ

Ты, старина, здесь живешь, как в аду,
Воля придет — чай, бежишь без оглядки?
— Нášто мне воля? куда я пойду?
Нету ни батьки, ни матки,
Нету никем никого;
Хлеб добывать не умею,
Только и знаю кричать: «Го-го-го!
Горе косому злодею!..»

ДЕРЕВЕНСКИЕ НОВОСТИ

Вот и Качалов лесок,
Вот и пригорок последний.
Как-то шумлив и легок
Дождь начинается летний,
И по дороге моей,
Светлые, словно из стали,
Тысячи мелких гвоздей
Шляпками вниз поскакали,—
Скучная пыль улеглась...
Благодарение богу,
Я совершил еще раз
Милую эту дорогу.
Вот уж запасный амбар,
Вот уж и риги... как сладок
Теплого колоса пар!
— Останови же лошадок!
Видишь: из каждых горот
Спешно идет обыватель.
Всё-то знакомый народ,
Что ни мужик, то приятель.

— Здравствуйте, сратцы! — «Гляди,
Крестничек твой-то Ванюшка!»
— Вижу, кума! погоди,
Есть мальчугану игрушка.
«Здравствуй, как жил-поживал?»
Не понапрасну мы ждали,
Ты таки слово сдержал.
Выводки крупные стали;

Так уж мы их берегли,
Сами ни шутики не били.
Будет охота — пали!
Только бы ноги служили.
Вишь, ты лядащий какой,
Мы не таким отпускали:
Словно тебя там сквозь строй
В зиму-то трижды прогнали.
Право, сердечный, чуть жив;
Али неладно живется?»
— Сердцем я больно строптив,
Попусту глупое рвется.
Ну, да поправлюсь у вас.
Что у вас нового, братцы?

«Умер третьёводни Влас
И отказал тебе святцы». —
Царство небесное! Что,
Было ему уж до сотни?
«Было и с хвостиком сто.
Чудны дела-то господни!
Не понапрасну продлил
Эдак-то жизнь человека:
Сто лет подушны платил,
Барщину правил полвека!»

— Как урожай? — «Ничего.
Горе другое: покрали
Много леску твоего.
Мы станового уж звали.
Шут и дурак наголо!
Слово-то молвит, скогина,
Словно как дунет в дупло,
Несообразный детина!
— Стан мой велик, говорит,
С хвостиком двадцать пять тысяч,
Где тут судить, говорит,
Всех не успеешь и высечь! —
С тем и уехал домой,
Так, ничего не поделав:
Нужен-ста тут межевой
Да епутат от уделов!

В Ботове валится скот;
А у солдатки Аксины
Девочку — было ей с год —
Съели проклятые свиньи;
В Шахове свекру сноха
Вилами бок просадила —
Было за что... Пастуха
Громом во стаде убило.
Ну уж и буря была!
Как еще мы уцелели!
Колокола-то, колокола —
Словно о Пасхе гудели!
Наши речонки водой
Налило на три аршина,
С поля бежала домой,
Словно шальная, скотина:
С ног ее ветер валил.
Крепко нам жаль мальчугана:
Этакой клоп, а отбил
Этто у волка барана!
Стали Волчком его звать —
Любо! Встает с петухами,
Песни начнет распевать,
Весь уберется цветами,
Ходит проворный такой.
Матка его проводила:
— Поберегися, родной!
Слышишь, какая завыва! —
«Буря-ста мне нипочем,
Я, говорит, не ребенок!» —
Да размахнулся кнутом
И повалился с ножонок!
Мы посмеялись тогда,
Так до полден позевали,
Слышим — случилась беда:
Шли бы: убитого взяли!
И уцелел бы, да вишь,
Крикнул дурак ему Ванька:
— Что ты под деревом сидишь?
Хуже под деревом-то... Встань-ка! —
Он не перечил — пошел,
Сел под рогожей на кочку,
Ну, а господь и навел

Гром в эту самую точку!
Взяли — не в поле бросать,
Да как рогожу открыли,
Так не одна его мать —
Все наши бабы завывли:
Угомонился Волчок —
Спит себе. Кровь на рубашке,
В левой ручонке рожок,
А на шляпенке венок
Из васильков да из кашки!

Этой же бурей сожгло
Красные Горки; пониже,
Помнишь, Починки село —
Ну и его... Вот поди же!
В Горках пожар уж притих,
Ждали: Починок не тронет!
Смотрят, а ветер на них
Пламя и гонит, и гонит!
Встречу-то поп со крестом,
Дьякон с кадилами вышел,
Не совладали с огнем —
Видно, господь не услышал!..

Вот и хоромы твои,
Ты, чай, захочешь покою?..»
— Полноте, други мои!
Милости просим за мною...

Сходится в хате моей
Больше да больше народу:
«Ну, говори поскорей,
Что ты слыхал про свободу?»

ПЛАЧ ДЕТЕЙ

Равнодушно слушая проклятья
В битве с жизнью гибнущих людей,
Из-за них вы слышите ли, братья,
Тихий плач и жалобы детей?

«В золотую пору малолетства
Все живое — счастливо живет,
Не трудясь, с ликующего детства
Дань забав и радости берет.
Только нам гулять не довелось
По полям, по нивам золотым:
Целый день на фабриках колеса
Мы вертим — вертим — вертим!

Колесо чугунное вертится,
И гудит, и ветром обдает,
Голова пылает и кружится,
Сердце бьется, все кругом идет:
Красный нос безжалостной старухи,
Что за нами смотрит сквозь очки,
По стенам гуляющие мухи,
Стены, окна, двери, потолки —
Всё и все! Впадая в иступленье,
Начинаем громко мы кричать:
— Погоди, ужасное круженье!
Дай нам память слабую собрать!
Бесполезно плакать и молиться,
Колесо не слышит, не щадит:
Хоть умри — проклятое вертится,
Хоть умри — гудит — гудит — гудит!

Где уж нам, измученным в неволе,
Ликовать, резвиться и скакать!
Если б нас теперь пустили в поле,
Мы в траву попадали бы — спать.
Нам домой скорей бы воротиться...
Но зачем идем мы и туда?..
Сладко нам и дома не забыться:
Встретит нас забота и нужда!
Там, припав усталой головою
К груди бледной матери своей,
Зарыдав над ней и над собою,
Разорвем на части сердце ей...»

НА СМЕРТЬ ШЕВЧЕНКО

Не предавайтесь особой унылости:
Случай предвиденный, чуть не желательный.
Так погибает по божией милости
Русской земли человек замечательный
С давнего времени: молодость трудная,
Полная страсти, надежд, увлечения,
Смелые речи, борьба безрассудная,
Вслед за тем долгие дни заточения.

Все он изведal: тюрьму петербургскую,
Справки, допросы, жандармов любезности,
Все — и раздольную степь Оренбургскую,
И ее крепость... В нужде, в неизвестности
Там, оскорбляемый каждым невеждою,
Жил он солдатом с солдатами жалкими,
Мог умереть он, конечно, под палками, —
Может, и жил-то он этой надеждою.

Но, сократить не желая страдания,
Поберегло его в годы изгнания
Русских людей провиденье игривое.
Кончилось время его несчастливое, —
Все, чего с юности ранней не видывал,
Милое сердцу, ему улыбалось.
Тут ему бог позавидовал:
Жизнь оборвалась.

* * *

Что ни год — уменьшаются силы,
Ум ленивее, кровь холодней...
Мать-отчизна! дойду до могилы.
Не дождавшись свободы твоей!

Но желал бы я знать, умирая,
Что стоишь ты на верном пути,
Что твой пахарь, поля засевая,
Видит ведренный день впереди;

Чтобы ветер родного селенья
Звук единый до слуха донес,
Под которым не слышно кипенья
Человеческой крови и слез.

* * *

.....одиноким, потерянным,
Я как в пустыне стою,
Гордо не кличет мой голос уверенный
Душу родную мою.

Нет ее в мире. Те дни миновались,
Как на призывы мои
Чуткие сердцем друзья отзывались,
Слышалось слово любви.

Кто виноват — у судьбы не доспросишься,
Да и не все ли равно?
У моря бродишь: «Не верю, не бросишься! —
Вкрадчиво шепчет оно.—

Где тебе? Дружбы, любви и участия
Ты еще жаждешь и ждешь.
Где тебе, где тебе! — ты не без счастья,
Ты не без ласки живешь...

Видишь, рассеялась туча туманная,
Звездочки вышли, горят?
Все на тебя, голова бесталанная,
Ласковым взором глядят».

С В О Б О Д А

Родина мать! по равнинам твоим
Я не езжал еще с чувством таким!

Вижу дитя на руках у родимой,
Сердце волнуется думой любимой:

В добрую пору дитя родилось,
Милостив бог! не узнаешь ты слез!

С детства никем не запуган, свободен,
Выберешь дело, к которому годен,

Хочешь — останешься век мужиком,
Сможешь — под небо взовьешься орлом!

В этих фантазиях много ошибок:
Ум человеческий тонок и гибок,

Знаю: на место сетей крепостных
Люди придумали много иных,

Так!.. но распутать их легче народу.
Муза! с надеждой приветствуй свободу!

ПОХОРОНЫ

Меж высоких хлебов затерялся
Небогатое наше село.
Горе горькое по свету шлялося
И на нас невзначай набрело.

Ой, беда приключилась страшная!
Мы такой не знавали вовек:
Как у нас — голова бесшабашная —
Застрелился чужой человек!

Суд приехал... допросы... — тошнехонько!
Догадались деньжонок собрать:
Осмотрел его лекарь скорехонько
И велел где-нибудь закопать.

И пришлось нам неожиданно-негаданно
Хоронить молодого стрелка,
Без церковного пенья, без ладана,
Без всего, чем могила крепка...

Без попов!.. Только солнышко знойнсе
Вместо ярого воску свечи
На лицо непробудно-спокойное,
Не скупясь, наводило лучи;

Да высокая рожь колыхалася,
Да пестрели в долине цветы,
Птичка божья на гроб опускалася
И, чирикнув, летела в кусты.

Поглядим: что ребят набирается!
Покрестились и подняли вой...
Мать о сыне рекой разливается,
Плачет муж по жене молодой,—

Как не плакать им? Диво велико ли?
Своему-то свои хороши!
А по ком ребятишки захныкали,
Тот наверно был доброй души!

Меж двумя хлебородными нивами,
Где прошел неширокий долок,
Под большими плакучими ивами
Упокоился бедный стрелок.

Что тебя доконало, сердешного?
Ты за что свою душу сгубил?
Ты захожий, ты роду нездешнего,
Но ты нашу сторонку любил:

Только минут морозы упорные
И весенних гостей налетит —
«Чу! — кричат наши детки проворные.—
Прошлsgодний охотник палит!»

Ты ласкал их, гостинцу им нашивал,
Ты на спрос отвечать не сучал.
У тебя порошку я попрашивал,
И всегда ты нескучно давал.

Почивай же, дружок! Память вечная!
Не жива ль твоя бедная мать?
Или, может, зазноба сердечная
Будет таять, дружка поджидать?

Мы дойдем, повестим твою милую:
Может быть, и приедет любя
И поплачет она над могилою,
И расскажем мы ей про тебя.

Почивай себе с миром, с любовью!
Почивай! Бог тебе судия,

Что обрызгал ты грешною кровию
Неповинные наши поля!

Кто дознает, какою кручиною
Надрывалось сердце твое
Перед вольной твоею кончиною,
Перед тем, как спустил ты ружье?..

Меж двумя хлебородными нивами,
Где прошел неширокий долок,
Под большими плакучими ивами
Упокоился бедный стрелок.

Будут песни к нему хороводные
Из села по заре долетать,
Будут нивы ему хлебородные
Безгреховные сны навевать...

КРЕСТЬЯНСКИЕ ДЕТИ

Опять я в деревне. Хожу на охоту,
Пишу мои вирши — живетсЯ легко.
Вчера, утомленный ходьбой по болоту,
Забрел я в сарай и заснул глубоко.
Проснулся: в широкие щели сарая
Глядятся веселого солнца лучи.
Воркует голубка; над крышей летая,
Кричат молодые грачи;
Летит и другая какая-то птица —
По тени узнал я ворону как раз;
Чу! шепот какой-то... а вот вереница
Вдоль щели внимательных глаз!
Всё серые, карие, синие глазки —
Смешались, как в поле цветы.
В них столько покоя, свободы и ласки,
В них столько святой доброты!
Я детского глаза люблю выраженье,
Его я узнаю всегда.
Я замер: коснулось души умиление...
Чу! шепот опять!

Первый голос

Борода!

Второй

А барин, сказали!..

Третий

Потише вы, черти!

В т о р о й

У бар бороды не бывает — усы.

П е р в ы й

А ноги-то длинные, словно как жерди.

Ч е т в е р т ы й

А вона на шапке, гляди-тко,— часы!

П я т ы й

Ай, важная штука!

Ш е с т о й

И цепь золотая...

С е д ь м о й

Чай, дорого стоит?

В о с ь м о й

Как солнце горит!

Д е в я т ы й

А рона собака — большая, большая!

Вода с языка-то бежит.

П я т ы й

Ружье! погляди-тко: стволина двойная,
Замочки резные...

Т р е т и й

(с испугом)

Глядит!

Ч е т в е р т ы й

Молчи, ничего! постоим еще, Гриша!

Т р е т и й

Прибьет...

Испугались шпионы мои
И кинулись прочь: человека заслыша,
Так стасй с мякины летят воробьи.

Затих я, прищурился — снова явились,
Глазенки мелькают в щели.
Что было со мною — всему подивились
И мой приговор изрекли:
— Такому-то гусю уж что за охота!
Лежал бы себе на печи!
И видно не барин: как ехал с болота,
Так рядом с Гаврилой...— «Услышит, молчи!»

О милые плуты! Кто часто их видел,
Тот, верю я, любит крестьянских детей;
Но если бы даже ты их ненавидел,
Читатель, как «низкого рода людей»,—
Я все-таки должен сознаться открыто,
Что часто завидую им:
В их жизни так много поэзии слито,
Как дай бог балованным деткам твоим.
Счастливым народ! Ни науки, ни неги
Не ведают в детстве они.
Я дельывал с ними грибные набеги:
Раскапывал листья, обшаривал пни,
Старался приметить грибное местечко,
А утром не мог ни за что отыскать.
«Взгляни-ка, Савося, какое колечко!»
Мы оба нагнулись, да разом и хватъ
Змею! Я подпрыгнул: ужалила больно!
Савося хохочет: «Попался спроста!»
Зато мы потом их губили довольно
И клали рядком на перилы моста.
Должно быть, за подвиги славы мы ждали.
У нас же дорога большая была:
Рабочего звания люди сновали
По ней без числа.
Копатель канав воложжанин,
Лудильщик, портной, шерстобит,
А то в монастырь горожанин
Под праздник молиться катит.
Под наши густые старинные вязы
На отдых тянуло усталых людей.
Ребята обступят: начнутся рассказы
Про Киев, про турку, про чудных зверей.
Иной подгуляет, так только держися —

Начнет с Волочка, до Казани дойдет!
Чухну передразнит, мордву, черемиса,
И сказкой потешит, и притчу ввернет:
«Прощайте, ребята! Старайтесь найпаче
На господа бога во всем потрафлять:
У нас был Вавило, жил всех побогаче,
Да вздумал однажды на бога роптать,—
С тех пор захудал, разорился Вавило,
Нет меду со пчел, урожаю с земли,
И только в одном ему счастье было,
Что волосы из носу шибко росли...»
Рабочий расставит, разложит снаряды —
Рубанки, подпилки, долота, ножи:
«Гляди, чертенята!» А дети и рады,
Как пилишь, как лудишь — им все покажи.
Прохожий заснет под свои прибаутки,
Ребята за дело — пилить и строгать!
Иступят пилу — не наточишь и в сутки!
Сломают бурав — и с испугу бежать.
Случалось, тут целые дни пролетали,—
Что новый прохожий, то новый рассказ...

Ух, жарко!.. До полдня грибы собирали.
Вот из лесу вышли — навстречу как раз
Синеющей лентой, извилистой, длинной,
Река луговая; прыгнули гурьбой,
И русых головок над речкой пустынной
Что белых грибов на полянке лесной!
Река огласилась и смехом и воем:
Тут драка — не драка, игра — не игра...
А солнце палит их полуденным зноем.
— Домой, ребяташки! обедать пора.—
Вернулись. У каждого полно лукошко,
А сколько рассказов! Попался косой,
Поймали ежа, заблудились немножко
И видели волка... у, страшный какой!
Ежу предлагают и мух, и козявок,
Корней молочко ему отдал свое —
Не пьет! отступились...

Кто ловит пиявок
На лаве, где матка колотит белье,
Кто нянчит сестренку, двухлетнюю Глашку,

Кто тащит на пожню ведро кvasку,
А тот, подвязавши под горло рубашку,
Таинственно что-то чертит по песку;
Та в лужу забилаcь, а эта с обновой:
 Сплела себе славный венoк,
Всё беленький, желтенький, бледно-лиловый
 Да изредка красный цвeток.
Те спят на припеке, те пляшут вприсядку.
Вот девочка ловит лукошкoм лошадку —
Поймала, вскочила и едет на ней.
И ей ли, под солнечным зноeм рожденной
И в фартукe с поля домой принесенной,
Бояться смиренной лошади своей?..

Грибная пора отойти не успела,
Гляди — уж чернехоньки губы у всех,
Набили оскому: черница поспела!
А там и малина, брусника, орех!
Ребяческий крик, повторяемый эхом,
С утра и до ночи гремит по лесам.
Испугана пеньем, ауканьем, смехом,
Взлетит ли тетеря, закокав птенцам,
Зайчонок ли вскочит — содом, суматоха!
Вот старый глухарь с обливным крылом
В кусту завoзился... ну, бедному плохо!
Живого в деревню тащат с торжеством...

— Довольно, Ванюша! гулял ты немало,
Пора за работу, родной! —
Но даже и труд обернется сначала
К Ванюше нарядной своей стороной:
Он видит, как поле отец удобряет,
Как в рыхлую землю бросает зерно,
Как поле потом зеленеть начинает,
Как колос растет, наливает зерно;
Готовую жатву подрежут серпами,
В снопы перевяжут, на ригу свезут,
Просушат, колотят-колотят цепами,
На мельнице смелют и хлеб испекут.
Отведает свежего хлеба ребенок
И в поле охотней бежит за отцом.
Навыют ли сенца: «Полезай, постреленок!»
Ванюша в деревню въезжает царем...

Однако же зависть в дворянском дитяти
Посеять нам было бы жаль.
Итак, обернуть мы обязаны к стати
Другой стороною медаль.
Положим, крестьянский ребенок свободно
Растет, не учась ничему,
Но вырастет он, если богу угодно,
А сгнуться ничто не мешает ему.
Положим, он знает лесные дорожки,
Гарцует верхом, не боится воды,
Зато беспощадно едят его мошки,
Зато ему рано знакомы труды...

Однажды, в студеную зимнюю пору,
Я из лесу вышел; был сильный мороз.
Гляжу, поднимается медленно в гору
Лошадка, везущая хворосту воз.
И, шествуя важно, в спокойствии чинном,
Лошадку ведет под уздцы мужичок
В больших сапогах, в полушубке овчинном,
В больших рукавицах... а сам с ноготок!
— Здорово, парнище! — «Ступай себе мимо!»
— Уж больно ты грозен, как я погляжу!
Откуда дровишки? — «Из лесу, вестимо;
Отец, слышишь, рубит, а я отвожу».
(В лесу раздавался топор дровосека.)
— А что, у отца-то большая семья?
«Семья-то большая, да два человека
Всего мужиков-то: отец мой да я...»
— Так вон оно что! А как звать тебя? — «Власом».
— А кой тебе годик? — «Шестой миновал...
Ну, мертвая!» — крикнул малюточка басом,
Рванул под уздцы и быстрее зашагал.
На эту картину так солнце светило,
Ребенок был так уморительно мал,
Как будто все это картонное было,
Как будто бы в детский театр я попал!
Но мальчик был мальчик живой, настоящий,
И дровни, и хворост, и пегонький конь,
И снег, до окошек деревни лежащий,
И зимнего солнца холодный огонь —
Все, все настоящее русское было,
С клеймом нелюдимою, мертвящей зимы,

Что русской душе так мучительно мило,
Что русские мысли вселяет в умы,
Те честные мысли, которым нет воли,
Которым нет смерти — дави не дави,
В которых так много и злобы и боли,
В которых так много любви!

Играйте же, дети! Растите на воле!
На то вам и красное детство дано,
Чтоб вечно любить это скудное поле,
Чтоб вечно вам милым казалось оно.
Храните свое вековое наследство,
Любите свой хлеб трудовой —
И пусть обаянье поэзии детства
Проводит вас в недра землицы родной!..

Теперь нам пора возвратиться к началу.
Заметил, что стали ребята смелей, —
«Эй, воры идут! — закричал я Фингалу: —
Украдут, украдут! Ну, прячь поскорей!»
Фингалушка скорчил серьезную мину,
Под сено пожитки мои закопал,
С особым старанием припрятал дичину,
У ног моих лег — и сердито рычал.
Обширная область собачьей науки
Ему в совершенстве знакома была;
Он начал такие выкидывать штуки,
Что публика с места сойти не могла.
Дивятся, хохочут! Уж тут не до страха!
Командуют сами! — «Фингалка, умри!»
— Не засти, Сергей! Не толкайся, Кузяха, —
«Смотри — умирает — смотри!»
Я сам наслаждался, валяясь на сене,
Их шумным весельем. Вдруг стало темно
В сарас: так быстро темнеет на сцене,
Когда разразиться грозе суждено.
И точно: удар прогремел над сараем,
В сарай полилась дождевая река,
Актер залился оглушительным лаем,
А зрители дали стрелка!
Широкая дверь отперлась, заскрипела,
Ударилась в стену, опять заперлась.

Я выглянул: темная туча висела
Над нашим театром как раз.
Под крупным дождем ребяташки бежали
Босые к деревне своей...
Мы с верным Фингалом грозу переждали
И вышли искать дупелей.

* * *

О! зачем с этой головою не стал ты
другом бедных и опорой покинутых
всеми?

Диккенс

Ты как поденщик выходил
До света на работу,
В глаза ты правду говорил
Могучему деспоту.

Во лжи дремать ты не давал,
Клеймя и проклиная,
И маску дерзостно срывал
С глупца и негодяя.

А ныне стал ты охранять
Спокойствие невежды —
И начал сам в душе питать
Какие-то надежды.

На пылкость юности ворча,
Ты глохнешь год от года
И к свисту буйного бича
И к ропоту народа.

Щадишь ты важного глупца.
Безвредного ласкаешь
И на идущих до конца
Удары направляешь.

В среде всеобщей пустоты.
Всеобщего паденья
Какого смысла ищешь ты.
Какого примиренья?

Кому назначено орлом
Парить над русским миром,
Быть русских юношей вождем
И русских дев кумиром,

Кто носит истину в груди,
Кто честно любит брата —
Тому с тернистого пути
Покуда нет возврата

Непримиримый враг цепей
И верный друг народа!
До дна святую чашу пей,
На дне ее — свобода!..

СЛЕЗЫ И НЕРВЫ

О слезы женские, с придачей
Нервических, гяжелых драм!
Вы долго были мне задачей,
Я долго слепо верил вам
И много вынес мук мятежных.
Теперь я знаю наконец:
Не слабости созданий нежных,—
Вы их могущества венец.
Вернее закаленной стали
Вы поражаете сердца.
Не знаю, сколько в вас печали,
Но деспотизму нет конца!
Когда, бывало, предо мною
Залъется милая моя,
Наружно ласковость удвою,
Но внутренне озлоблен я.
Пока она дрожит и стонет,
Лукавлю праздною душой:
Язык лисит, а глаз шпионит
И открывает... Боже мой!
Зачем не мог я прежде видеть?
Ее не стоило любить,
Ее не стоит ненавидеть...
О ней не стоит говорить..
Скажи «спасибо» близорукой,
Всеукрашающей любви
И с головы с ревнивой мукой
Волос седеющих не рви!

Чем ты был пьян — вином поддельным
Иль настоящим — все равно;
Жалей о том, что сном смертельным
Не усыпляет нас оно!

Кто ей теперь флакон подносит,
Застигнут сценой роковой?
Кто у нее прощенья просит,
Вины не зная за собой?
Кто сам трясется в лихорадке,
Когда она к окну бежит
В преувеличенном припадке
И «ты свободен!» говорит?
Кто боязливо наблюдает,
Сосредоточен и сердит,
Как буйство нервное стихает
И переходит в аппетит?
Кто ночи трудные проводит
Один, ревнивый и больной,
А утром с ней по лавкам бродит,
Наряд торгуя дорогой?
Кто говорит: «Прекрасны оба» —
На нежный спрос: «Который взять?»
Меж тем как закипает злоба,
И к черту хочется послать
Француженку с нахальным носом,
С ее коварным: «C'est joli»,
И даже милую с вопросом...
Кто молча достает рубли,
Спеша скорей покончить муку,
И, увидав себя в трюмо,
В лице своем читает скуку
И рабства темное клеймо?..

ДУМА

Сторона наша убогая,
Выгнать некуда коровушку.
Проклинай житье мещанское
Да почесывай головушку.

Спи не спи — валяйся по печи,
Каждый день недоедаючи,
Трать задаром силу дюжую,
Недоимку накопляючи.

Уж как нет беды кручиннее
Без работы парню маяться,
А пойдешь куда к хозяевам —
Ни один-то не нуждается!

У купца у Семипалова
Живут люди не говеючи,
Льют на кашу масло постное
Словно воду не жалеючи.

В праздник — жирная баранина,
Пар над щами тучей носится,
В пол-обеда распояшутся —
Вон из тела душа просится!

Ночь храпят, наевшись до поту.
День придет — работой тешутся...
Эй! возьми меня в работники,
Поработать руки чешутся!

Повели ты в лето жаркое
Мне пахать пески сыпучие,
Повели ты в зиму лютую
Вырубать леса дремучие,—

Только треск стоял бы дó неба,
Как деревья бы валилися;
Вместо шапки белым инеем
Волоса бы серебрилися!

КОРОБЕЙНИКИ

*Другу-приятелю
Гавриле Яковлевичу
(крестьянину деревни Шоды,
Костромской губернии)*

Как с тобою я похаживал
По болотинам вдвоем,
Ты меня почасту спрашивал:
Что строчишь карандашом?

Почитай-ка! Не прославиться,
Угодить тебе хочу.
Буду рад, коли понравится,
Не понравится — смолчу.

Не побрезгуй на подарочке!
А увидимся опять,
Выпьем мы по доброй чарочке
И отправимся стрелять.

*И. Некрасов
23 августа 1861
Грешнево*

I

Кумачу я не хочу,
Китайки не надо.
Песня.

«Ой, полна, полна коробушка,
Есть и ситцы и парча.
Пожалей, моя зазнобушка,
Молодецкого плеча!
Выди, выди в рожь высокую!»

Там до ночки погожу,
А завижу черноокою —
Все товары разложу.
Цены сам платил немалые,
Не торгуйся, не скупись:
Подставляи-ка губы алые,
Ближе к милому садись!»

Вот и пала ночь туманная,
Ждет удалый молодец.
Чу, идет! — пришла желанная,
Продает товар купец.
Катя бережно торгуется,
Все боится передать.
Парень с девицей целуется,
Просит цену набавлять.
Знает только ночь глубокая
Как поладили они.
Распрямись ты, рожь высокая,
Тайну свято сохрани!

«Ой! легка, легка коробушка,
Плеч не режет ремешок!
А всего взяла зазнобушка
Бирюзовый перстенок.
Дал ей ситцу штуку целую,
Ленту алую для кос,
Поясок — рубаху белую
Подпоясать в сенокос. —
Все поклала ненаглядная
В короб. кроме перстенька:
— Не хочу ходить нарядная
Без сердечного дружка! —
То-то дуры вы, молодочки!
Не сама ли принесла
Полуштофик сладкой водочки?
А подарков не взяла!
Так постой же! Нерушимое
Обещаньице даю:
У отца дитя любимое!
Ты попомни речь мою:
Опорожнится коробушка,

На покров домой приду
И тебя, душа-зазнобушка,
В божью церковь поведу!»

Вплоть до вечера дождливого
Молодец бежит бегом
И товарища ворчливого
Нагоняет под селом.
Старый Тихоныч ругается:
«Я уж думал, ты пропал!»
Ванька только ухмыляется —
Я-де ситцы продавал!

II

Зачали-пбчали
Поповы дочери.

*Припев деревенских
торгашей.*

«Эй, Федорушки! Варварушки!
Отпирайте сундуки!
Выходите к нам, сударушки,
Выносите пятаки!»
Жены мужние — молодушки
К коробейникам идут,
Красны девушки-лебедушки
Новины свои несут.
И старушки важеватые,
Глядь, туда же приплелись.

«Ситцы есть у нас богатые,
Есть миткаль, кумач и плис.
Есть у нас мыла пахучие —
По две гривны за кусок,
Есть румяна нелинючие —
Молодись за пятачок!
Видишь, камни самоцветные
В перстеньке как жар горят.

Есть и любчики ¹ заветные —
Хоть кого приворожат!»

Начались толки рьяные,
Посреди села базар,
Бабы ходят словно пьяные,
Друг у дружки рвут товар.
Старый Тихоныч так божится
Из-за каждого гроша,
Что Ванюха только ежится:
«Пропади моя душа!
Чтоб тотчас же очи лопнули,
Чтобы с места мне не встать,
Провались я!..» Глядь — и хлопнули
По рукам! Ну, исполать!
Не торговец — удивление!
Как божиться-то не лень...

Долго, долго все селение
Волновалось в этот день.
Где гроши какие медные
Были спрятаны в мотках,
Всё достали бабы бедные,
Ходят в новеньких платках.
Две снохи за ленту пеструю
Расцарапались в кровь.
На Феклушку, бабу вострую,
Раскудаhtалась свекровь.
А потом и коробейников
Поругала баба всласть:
«Принесло же вас, мошейников!
Вот уж подлинно напасть!
Вишь, вы жадны, как кутейники,
Из села бы вас колом!..»

Посмеялись коробейники
И пошли своим путем.

¹ Л ю б ч и к и — деревенские талисманы, имеющие, по пспиятиям
простолюдинок, привораживающую силу. (Прим. Н. А. Некрасова)

III

Уж ты пей до дна, коли хошь добра,
А не хошь добра, так не пей до дна.

Старинная былина.

За селом остановилися,
Поделили барыши
И на церковь покрестилися,
Повздыхали от души.
— Славно, дядя, ты торгуешься!
Что не весел? ох да ох!
«В день теперя не отплюешься,
Как еще прощает бог:
Осквернил уста я ложию,
Не обманешь — не продашь! —
И опять на церковь божию
Долго крестится торгаш.
Кабы в строку приходилися
Все-то речи продавца,
Все давно бы провалилися
До единого купца —
Сквозь сырую землю-матушку
Провалились бы... эх-эх!»
— Понагрел ты Калистратушку.
«Ну, его нагреть не грех,
Сам снимает крест с убогого».
— Рыжий, клином борода.—
«Нашим делом нынче многого
Не добыть — не те года!
Подошла война проклятая,
Да и больно уж лиха,
Где бы свадебка богатая —
Цоп в солдаты жениха!
Царь дурит — народу горяшко!
Точит русскую казну,
Красит кровью Черно морюшко,
Корабли валит ко дну.
Перевод свинцу да олову,
Да удалым молодцам.
Весь народ повесил голову,
Стон стоит по деревням.
Ой! бабье неугомонное,

Полно взапуски реветь!
Причитанье похоронное
Чад живым-то рано петь!
Не уймешь их! Как отпетого
Парня в город отвезут.
Бабы сохнут с горя с этого,
Мужики в кабак идут.
Ты попомни целовальника,
Что сказал — подлец седой!
— Выше нет меня начальника,
Весь народ — работник мой!
Лето, осень убиваются,
А спроси-ка, на кого
Православные стараются?
Им не нужно ничего!
Всё бессребреники. сватушка,
Сам не сею и не жну,
Что родит земля им, матушка,
Всё несут в мою казну!

Пропилися, подоконники,
Где уж баб им наряжать!
В город едут, балахонники,
Ходят лапти занимать!

Ой! ты зелье кабашное,
Да китайские чай,
Да курение табашное!
Бродим сами не свои.
С этим пьянством да курением
Сломишь голову как раз.
Перед светопреставленкем,
Знать, война-то началась.
Грянут, грянут гласы трубные!
Станут мертвые вставать!
За дела-то душегубные
Как придется отвечать?
Вот и мы гневим всевышнего...»
— Полно, дядя! Страшно мне!
Уж не взять рублишка лишнего
На чужой-то стороне?..

IV

Аи барыня! барыня!

Песня.

«Эй вы, купчики-голубчики,
К нам ступайте ночевать!»
Ночевали наши купчики,
Утром тронулись опять.
Полегоньку подвигаются,
Накопляют барыши,
Чем попало развлекаются
По дороге торгоши.
По реке идут — с бурлаками
Разговоры заведут:
«Кто вас спутал?»¹ — и собаками
Их бурлаки назовут.
Поделом вам, пересмешники,
Лыком шитые купцы!..

Потянулись огурешники:
«Эй! просыпал огурцы!»
Ванька вдруг как захихикает
И на стадо показал:
Старичонко в стаде прыгает
За савраской — длинен, вял,
И на цыпочки становится,
И лукошечком манит —
Нет! проклятый конь не ловится!
Вот подходит, вот стоит,
Сунул голову в лукошечко, —
Старичок за холку хватить!
— Эй! еще, еще немножечко! —
Нет! урвался конь опять
И, подбросив ноги задние,
Брызнул грязью в старика.
«Знамо, в стаде-то поваднее,
Чем в косуле мужика:
Эх ты, пареной да вяленой!

¹ Общеизвестная народная шутка над бурлаками, которая спокон веку приводит их в негодование. (Прим. Н. А. Некрасова.)

Где тебе его поймать?
Потерял сапог-то валяной,
Надо новый покупать?»

Им обозики военные
Попадались иногда:
«Погляди-тко, турки пленные,
Эка пестрая орда!»
Ванька искоса поглядывал
На турецких усачей
И в свиное ухо складывал
Полы свиточки своей:
«Эй вы, нехристи, табашники,
Карачун приходит вам!..»

Попадались им собашники:
Псы носились по кустам,
А охотничек покрикивал,
В роги звонкие трубил,
Чтобы серый зайка спрыгивал,
В чисто поле выходил.
Остановятся с ребятами:
— Чьи такие господа?
«Кашпирята с Зюзенятами...¹
Заяц! вон гляди туда!»
Всполошились борзители:
«Ай! ату его! ату!»
Ну собачки! Ну губители!
Подхватили на лету...

Посидели на пригорочке,
Закусили как-нибудь
(Не разъешься черствой корочки)
И опять пустились в путь.
— Счастье, Тихоныч, неровное,
Нынче выручка плоха.
«Встрелось нам лицо духовное —
Хуже не было б греха.
Хоть душа-то христианская,
Согрешил — поджал я хвост».

Кашировы, Зюзины. Крестьяне, беседуя между собой об известных предметах и лицах, редко употребляют иную форму выражения. (Прим. Н. А. Некрасова.)

— Вот усадьбишка дворянская,
Завернем?..— «Ты, Ваня, прост!
Нынче баре деревенские
Не живут по деревням,
И такие моды женские
Завелись... куда уж нам!
Хоть бы наша: баба старая,
Угреватая лицом,
Безволосая, поджарая,
А оделась — стог согом!
Говорить с тобой гнушается:
Ты мужик, так ты нечист!
А тобой-то кто прельщается?
Долог хвост, да не пушист!
Ой! ты, барыня спесивая,
Ты стыдись глядеть на свет!
У тебя коса фальшивая,
Ни зубов, ни груди нет,
Все подклеено, подвязано!
Город есть такой: Париж,
Про него педаром сказано:
Как заедешь — угоришь.
По всему по свету славится,
Мастер по миру пустить;
Коли нос тебе не нравится,
Могут новый наклеить!
Вот от этих-то мошейников,
Что в том городе живут,
Ничего у коробейников
Нынче баре не берут.
Черт побрал бы моду новую!
А, бывало, в старину
Приведут меня в столовую,
Все товары разверну;
Выдет барыня красивая,
С настоящей косой,
Важеватая, учтивая,
Детки выбегут гурьбой,
Девки горничные, нянюшки,
Слуги высыплют к дверям.
На рубашечки для Ванюшки
И на платья дочерям
Всё сама руками белыми

Отбирает не спеша
И берет кусками целыми —
Вот так барыня-душа!
— Что возьмешь за серьги с бусами?
Что за алую парчу? —
Я тряхну кудрями русыми,
Заломлю — чего хочу!
Навалит покупки кучею,
Разочтется — бог с тобой!..
А то раз попал я к случаю
За рекой за Костромой.
Именины были званые —
Расходился баринок!
Слышу, кличут гости пьяные:
— Подходи сюда, дружок! —
Подбегаю к ним скорехонько.
— Что возьмешь за короб весь? —
Усмехнулся я легохонько:
— Дорог будет, ваша честь.—
Слово за слово, приятели
Посмеялись меж собой
Да три сотни и отпятили,
Не глядя, за короб мой.
Уж тогда товары вынули
Да в девичий хоровод
Среди двора и кинули:
«Подбирай, честной народ!»
Закипела свалка знатная.
Вот так были господа:
Угодил домой обратно я
На девятый день тогда!»

V

- Много ли верст до Гоголина?
— Да обходами три, а прямо-то шесть.

Крестьянская шутка.

Хорошо было детинушке
Сыпать ласковы слова,
Да трудненько Катеринушке
Парня ждать до Покрова.

Часто в ночку одинокую
Девка часу не спала,
А как жала рожь высокую,
Слезы в три ручья лила!
Извелась бы неутешная,
Кабы время горевать,
Да пора страдная, спешная —
Надо десять дел кончать.
Как ни часто приходилось
Молодице невтерпеж,
Под косой трава валилася,
Под серпом горела рожь.
Изо всей-то силы-моченьки
Молотила по утрам,
Лен стлала до темной ноченьки
По росистым по лугам.
Стелет лен, а неотвязная
Дума на сердце лежит:
«Как другая девка красная
Молодца приворожит?
Как изменит? как засватает
На чужой на стороне?»
И у девки сердце падает:
«Ты женись, женись на мне!
Ни тебе, ни свекру-батюшке
Николи не согрублю,
От свекрови, твоей матушки,
Слово всякое стерплю.
Не дворянка, не купчиха я,
Да и нравом-то смирна,
Буду я невестка тихая,
Работящая жена.
Ты не нудь себя работою,
Силы мне не занимать,
Я за милого с охотою
Буду пашенку пахать.
Ты живи себе гуляючи
За работницей женой,
По базарам разъезжаючи,
Веселися, песни пой!
А вернешься с торгу пьяненькой —
Накормлю и уложу!

«Спи, пригожий, спи, румянской!» —
Больше слова не скажу.
Видит бог, не осердилась бы!
Обрядила бы коня
Да к тебе и подвалилась бы:
— Поцелуй, дружок, меня!..»
Думы девичьи заветные,
Где вас все-то угадать?
Легче камни самоцветные
На дне моря сосчитать.
Уж овечка опускается,
Чуя близость холодов,
Катя пуще разгорается...
Вот и праздничек Покров!

«Ой! пуста, пуста коробушка,
Полон денег кошелек.
Жди-пожди, душа-казнобушка,
Не обманет мил-дружок!»
Весел Ванька. Припеваючи.
Прямоком домой идет.
Старый Тихоныч, зеваючи,
То и дело крестит рот.
В эту ночку не уснулося
Ни минуточки ему.
Как мошна-то пораздулася,
Так бог знает почему
Всё такие мысли страшные
Забираются в башку.
Прощелыги ли кабашные
Подзывают к кабаку,
Попадутся ли солдатики —
Коробейник сам не свой:
«Проходите с богом, братики!» —
И ударится рысцой.
Словно пятки-то иголками
Понатыканы — бежит.

В Кострому идут проселками,
По болоту путь лежит,
То кочажником, то бродами.
«Эх! пословица-то есть:

Коли три версты обходами,
Прямыми будет шесть!
Да в Трубе, в селе, мошейники
Сбили с толку, мужики:
— Вы подите, коробейники,
В Кострому-то напрямки:
Верных сорок с половиною
По нагорной стороне,
А болотной-то тропиною
Двадцать восемь.— Вот оне!
Черт попутал — мы поверили,
А кто версты тут считал?»
— Бабы их клюкою меряли,—
Ванька с важностью сказал,—
Не ругайся! Сам я слыхивал,
Тут дорога попрямей.
«Дьявол, что ли, понапихивал
Этих кочек да корней?
Доведись пора вечерняя,
Не дойдешь — сойдешь с ума!
Хороша наша губерния,
Славен город Кострома,
Да леса, леса дремучие,
Да болота к ней ведут,
Да пески, пески сыпучие...»
— Стой-ка, дядя, чу, идут!

VI

Только молодец и живь бывал!
Старинная былина.

Не тростник высок колышется,
Не дубровушки шумят,
Молодецкий посвист слышится,
Под ногой сучки трещат.
Показался пес в ошейничке,
Вот и добрый молодец:
— Путь-дорога, коробейнички!
«Путь-дороженька, стрелец!»
— Что ты смотришь? — «Не прохаживал

Ты, как давеча в Трубе
Про дорогу я расспрашивал?»
— Нет, почудилось тебе.
Трой сутки не был дома я,
Жить ли дома леснику?
«А кажись, лицо знакомое»,—
Шепчет Ванька старику.
— Что вы шепчетесь? — «Да каемся,
Лучше б нам горой идти.
Так ли, малый, пробираемся
В Кострому?» — Нам по пути,
Я из Шуньи.— «А далеко ли,
До деревни до твоей?»
— Верст двенадцать. А помногу ли
Поделили барышей?
«Коли знать всю правду хочется,
Весь товар несем назад».
Лесничок как расхохочется!
— Ты, я вижу, прокурат!
Кабы весь, небось не скоро бы
Шел ты, старый воробей! —
И лесник приподнял коробки
На плечах у торгашей.—
Ой! легохоньки коробушки,
Всё повыпродали, знать?
Наклевались воробушки,
Полетели отдыхать!
«Что, дойдем в село до ноченьки?»
— Надо, парень, добрести,
Сам устал я, нету моченьки —
Тяжело ружье нести.
Наше дело подневольное,
День и ночь броди в лесу.—
И с плеча ружье двуствольное
Снял — и держит на весу —
Эх вы, стволики-голубчики!
Больно вы уж тяжелы.—
Покосились наши купчики
На тяжелые стволы:
Сколько ниток понамотано!
В палец щели у замков.
«Неужели, парень, бьет оно?»
— Бьет на семьдесят шагов.—

Деревенский, видно, плотничек
Строил ложу — тят да ляп!
Да и сам Христов охотничек
Ростом мал и с виду слаб.
Выше пояса замочена
Одежонка лесника,
Борода густая склочена,
Лычко вместо пояска.
А туда же — пес в ошейнике,
По прозвищу Упырь.
Посмеялись коробейники:
«Эх ты, горе-богатырь!..»

Час идут, другой. «Далеко ли?»
— Близко. — «Что ты?» — У реки
Куропаточки закокали. —
И детина взвел курки. —
Ай, курочки! важно щелкнули,
Хоть медведя уложу!
Что вы, други, приумолкнули?
Запоем для куражу!

Коробейникам не пелосся:
Уж темнели небеса,
Над болотом засинелася,
Понависнула роса.
«День-деньской и так умелешься,
Сам бы лучше ты запел...
Что ты?.. эй! в кого ты целишься?»
— Так, я пробую прицел... —
Дождик, что ли, собирается,
Ходят по небу бычки ¹,
Вечер пуще надвигается,
Прытче идут мужички.
Пес бежит сторонкой, нюхает,
Поминутно слышит дичь.
Чу! как ухалица ² ухает,
Чу! ребенком стонет сын.
Поглядел старик украдкою:
Парня словно дрожь берет.

Б ы ч к и — небольшие отрывочные тучки (Яросл. губ.). (Прим
Н. А. Некрасова.)

² У х а л и ц а — филин-пугач (grand-duc). (Прим. Н. А. Некрасова)

«Аль спознался с лихорадкою?»
— Да уж три недели бьет —
Полечи! — А сам прищурился,
Словно в Ваньку норовит.
Старый Тихоныч нахмурился:
«Что за шутки! — говорит. —
Чем шутить такие шуточки,
Лучше песни петь и впрямь.
Погодите полминуточки —
Затяну лихую вам!
Знал я старца еле зрячего,
Он весь век с сумой ходил
И про странника бродячего
Песню длинную сложил.
Ней от старости, ней с голоду
Он в канавке кончил век,
А живал богато смолоду,
Был хороший человек,
Вспоминают обыватели.
Да его попутал бог:
По ошибке заседатели
Упекли его в острог:
Нужно было из Спиридова
Вызвать Тита Кузьмича,
Описались — из Давыдова
Взяли Титушку-ткача!
Ждет сердечный: «Завтра, нонче ли
Ворочусь на вольный свет?»
Наконец и дело кончили,
А ему решенья нет.
«Эй, хозяйка! нету моченьки,
Ты иди к судьям опять!
Изойдут слезами оченьки,
Как полотно буду ткать?»
Да не то у Степанидушки
Завелось на уме:
С той поры ее у Титушки
Не видали уж в тюрьме.
Захворала ли, покинула,
Тит не ведал ничего.
Лет двенадцать этак минуло —
Призывают в суд его.
Пред зеркалом в облачении

Молодой судья сидел.
Прочитал ему решение,
Расписаться повелел
И на все четыре стороны
Отпустил — ступай к жене!
«А за что вы, черны вороны,
Очи выклевали мне?»
Тут и сам судья покаялся:
— Ты прости, прости любя!
Вправду ты задаром маялся,
Позабыли про тебя!

Тит — домой. Поля не ораны,
Дом растаскан на клочки,
Продала косули, бороны,
И одежду, и станки,
С баринком слюбилась женушка,
Убежала в Кострому.
Тут родимая сторонушка
Опостылела ему.
Плюнул! Долго не разгадывал,
Без дороги в путь пошел.
Шел — да песню эту складывал,
Сам с собою речи вел.
И говаривал старинушка:
«Вся-то песня — два словца.
А запой ее, детинушка,
Не дотянешь до конца!
Эту песенку мудреную
Тот до слова допоеет,
Кто всю землю, Русь крещеную,
Из конца в конец пройдет».
Сам ее Христов угодничек
Не допел — спит вечным сном.
Ну! подтягивай, охотничек!
Да иди ты передом!

ПЕСНЯ УВОГОГО СТРАННИКА

Я лугами иду — ветер свищет в лугах:
Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!

Я лесами иду — звери воют в лесах:
Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименькой, голодно!

Я хлебами иду: что вы тощи, хлеба?
С холоду, странничек, с холоду,
С холоду, родименькой, с холоду!

Я стадами иду: что скотинка слаба?
С голоду, странничек, с голоду,
С голоду, родименькой, с голоду!

Я в деревню: мужик! ты тепло ли живешь?
Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!

Я в другую: мужик! хорошо ли ешь, пьешь?
Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименькой, голодно!

Уж я в третью: мужик! что ты бабу бьешь?
С холоду, странничек, с холоду,
С холоду, родименькой, с холоду!

Я в четверту: мужик! что в кабак ты идешь?
С голоду, странничек, с голоду,
С голоду, родименькой, с голоду!

Я опять во луга — ветер свищет в лугах:
Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!

Я опять во леса — звери воют в лесах:
Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименькой, голодно!

Я опять во хлеба,—
Я опять во стада,—

и т. д.

Пел старик, а сам поглядывал:
Поминутно лесничок

То к плечу ружье прикладывал,
То потрогивал курок.
На беду, ни с кем не встретишься!
«Полно петь... Эй, молодец!
Что отстал?.. В кого ты метишься?
Что ты делаешь, подлец!»
— Труссы, трусы вы великие! —
И лесник захохотал
(А глаза такие дикие!).
«Стыдно! — Тихоныч сказал.—
Как не грех тебе захожего
Человека так пугать?
А еще хотел я дешево
Миткалю тебе продать!»
Молодец не унимается,
Штуки делает ружьем,
Воем, лаем отзывается
Хохот глупого кругом.
«Эй! уймись! Чего дурачишься? —
Молвил Ванька.— Я молчу,
А заеду, так наплачешься,
Разом скулы сворочу!
Коли ты уж с нами встретился,
Должен честью проводить».
А лесник опять наметился.
«Не шути!» — Чаво шутить! —
Коробейники отпрянули,
Бог помилуй — смерть пришла!
Почитай что разом грянули
Два ружейные ствола.
Без словечка Ванька валится.
С криком падает старик...

В кабаке бурлит, бахвалится
Тем же вечером лесник:
«Пейте, пейте, православные!
Я, ребяташки, богат;
Два бекаса нынче славные
Мне попали под заряд!
Много серебра и золотца,
Много всякого добра
Бог послал!» Глядят, у молодца

Точно — куча серебра.
Подзадорили детинушку —
Он почти всю правду бух!
На беду его — скотинушку
Тем болотом гнал пастух:
Слышал выстрелы ружейные,
Слышал крики... «Стой! винись!..»
И мирские и питейные
Тотчас власти собрались.
Молодцу скрутили рученьки:
«Ты вяжи меня, вяжи,
Да не тронь мои онученьки!»
— Их-то нам и покажи! —
Поглядели: под онучами
Денег с тысячу рублей —
Серебро, бумажки кучами.
Утром позвали судей,
Судьи тотчас всё довели
(Только денег не нашли!),
Погребенью мертвых предали,
Лесника в острог свезли...

20 НОЯБРЯ, 1861

Я покинул кладбище унылое,
Но я мысль мою там позабыл,—
Под землею в гробу приютилася
И глядит на тебя, мертвый друг!

Ты схоронен в морозы трескучие,
Жадный червь не коснулся тебя,
На лицо через щели гробовые
Проступить не успела вода;
Ты лежишь, как сейчас похороненный,
Только словно длинней и белей
Пальцы рук, на груди твоей сложенных,
Да сквозь землю проникнувшим инеем
Убелил твои кудри мороз,
Да следы наложили чуть видные
Поцелуи суровой зимы
На уста твои, плотно сомкнутые,
И на впалые очи твои...

ДЕШЕВАЯ ПОКУПКА

Петербургская драма

«За отъездом продаются: мебель,
зеркала и проч. Дом Воронина, № 159».

«Полиц. вед.»

Надо поехать — статья подходящая!
Слышится в этом нужда настоящая,
Не попадется ли что-нибудь дешево?
Вот и поехал я. Много хорошего:
Бронза, картины, портьеры всё новые,
Мягкие кресла, диваны отменные.
Только у барыни очи суровые,
Речи короткие, губы надменные;
Видимо, чем-то она озабочена,
Но молода, хороша удивительно:
Словно рукой гениальной обточено
Смуглое личико. Все в ней пленительно:
Тянут назад ее голову милую
Черные волосы, сеткою сжатые,
Дышат какою-то сдержанной силою
Ноздри красивые, вверх приподнятые.
Видно, что жгучая мысль беспокойная
В сердце кипит, на простор порывается.
Вся соразмерная, гордая, стройная,
Мне эта женщина часто мечтается...

Я отобрал себе вещи прекрасные,
Но оказались цены ужасные!
День переждал, захожу — то же самое!

Меньше предложишь, так даже обидится!..
«Барыня эта — создание упрямое;
С мужем,— подумал я,— надо увидеться».

Муж — господин красоты замечательной,
В гвардии год прослуживший отечеству,
Был человек разбитной, обязательный,
Склонный к разгулу, к игре, к молодечеству,—
С ним у нас дело как раз завязалось.
Странная драма тогда разыгралась:
Мужа застану — поладим скорехонько;
Барыня выйдет — ни в чем не сторгуешься
(Только глазами ее полюбуешься).
Нечего делать! вставал я ранехонько,
И пока барыня сном наслаждалась —
Многое сходно купить удавалось.

У дому ждут ломовые извозчики,
В доме толпятся вещей переносчики,
Окна ободраны, стены уж голые,
У покупателей лица веселые.
Только у няни глаза заслезились:
«Вот и с приданым своим мы простились!» —
Молвила няня... — Какое приданое? —
«Все это взял он за барышней нашу,
Вместе весной покупали с мамашею;
Как любовались!..»

Открытие нежданное!
Сказано слово — и все объяснилось!
Вот почему так она дорожилась.
Бедная женщина! В позднем участии
Я проклинаю торгашество пошлое.
Все это куплено с мыслью о счастье,
С этим уходит — счастливое прошлое!
Здесь ты свила себе гнездышко скромное,
Каждый здесь гвоздик вколочен с надеждою...
Ну, а теперь ты создание бездомное,
Порабощенное грубым невеждою!
Где не остыл еще след обаяния
Девственной мысли, мечты обольстительной,
Там совершается торг возмутительный.
Как еще можешь сдержать ты рыдания!

В очи твои голубые, красивые
Нагло глядят торгаши неприветные.
Осквернены твои думы стыдливые,
Проданы с торгу надежды заветные!..

Няня меж тем заунывные жалобы
Шепчет мне в ухо: «Распродали дешево —
Лишь до деревни доехать достало бы.
Что уж там будет? не жду я хорошего!
Барин, поди, загуляет с соседями,
Барыня будет одна-одинехонька,
День-то невесел, а ночь-то чернехонька.
Рядом лесище — с волками, с медведями».

— Смолкни ты, няня! создание болтливое,
Не надрывай мое сердце пугливое!
Нам ли в диковину сцены тяжелые?
Каждому трудно живется и дышится.
Чудо, что есть еще лица веселые,
Чудо, что смех еще временем слышится!..

Барин пришел — поздравляет с покупкою,
Барыня бродит такая унылая;
С тихо воркующей, нежной голубкою
Я ее сравнивал, деньги постылые
Ей отдавая... Копейка ты медная!
Горе ты, горе! нужда окаянная...

Чуть над тобой не заплакал я, бедная!
Вот одолжил бы... Прощай, бесталанная!..

РЫЦАРЬ НА ЧАС

Если пасмурен день, если ночь не светла,
 Если ветер осенний бушует,
 Над душой воцаряется мгла,
 Ум, бездействуя, вяло тоскует.
 Только сном и возможно помочь,
 Но, к несчастью, не всякому спится...

Слава богу! морозная ночь —
 Я сегодня не буду томиться.
 По широкому полю иду,
 Раздаются шаги мои звонко,
 Разбудил я гусей на пруду,
 Я со стога спугнул ястребенка,—
 Как он вздрогнул! как крылья развил!
 Как взмахнул ими сильно и плавно!
 Долго, долго за ним я следил,
 Я невольно сказал ему: «Славно!»
 Чу! стучит проезжающий воз,
 Деготьком потянуло с дороги...
 Обоняние тонко в мороз,
 Мысли свежи, выносливы ноги.
 Отдаешься невольно во власть
 Окружающей бодрой природы;
 Сила юности, мужество, страсть
 И великое чувство свободы
 Наполняют ожившую грудь;
 Жаждой дела душа закипает,
 Вспоминается пройденный путь,
 Совесть песню свою запевает...

Я советую гнать ее прочь —
Будет время еще сосчитаться!
В эту тихую лунную ночь
Созерцанию должно предаться.
Даль глубоко прозрачна, чиста,
Месяц полный плывет над дубровой,
И господствуют в небе цвета
Голубой, беловатый, лиловый.
Воды ярко блестят средь полей,
А земля прихотливо одета
В волны белого лунного света
И узорчатых, странных теней.
От больших очертаний картины
До тончайших сетей паутины,
Что, как иней, к земле прилегли, —
Все отчетливо видно: далече
Протянулись полосы гречи,
Красной лентой по скату прошли;
Замыкающий сонные нивы,
Лес сквозит, весь усыпан листвою;
Чудны красок его переливы
Под играющей ясной луной;
Дуб ли пасмурный, клен ли веселый —
В нем легко отличишь издали;
Грудью к северу, ворон тяжелый —
Видишь — дремлет на старой ели!
Все, чем может порадовать сына
Поздней осенью родина-мать:
Зеленеющей озими гладь,
Подо льном — золотая долина,
Посреди освещенных лугов
Величавое войско стогов,
Все доступно довольному взору...
Не сожмется мучительно грудь,
Если б даже пришлось в эту пору
На родную деревню взглянуть:
Не видна ее бедность нагая!
Запаслася скирдами, родная,
Окружилася ими она
И стоит, словно полная чаша.
Пожелай ей покойного сна —
Утомилась, кормилица наша!..

Спи, кто может, — я спать не могу,
Я стою потихоньку, без шуму,
На покрытом стогами лугу
И невольную думаю думу.
Не умел я с собой совладать,
Не осилил я думы жестокой...

В эту ночь я хотел бы рыдать
На могиле далекой,
Где лежит моя бедная мать...

В стороне от больших городов,
Посреди бесконечных лугов,
За селом, на горе невысокой,
Вся бела, вся видна при луне,
Церковь старая чудится мне,
И на белой церковной стене
Отражается крест одинокий.
Да! я вижу тебя, божий дом!
Вижу надписи вдоль по карнизу
И апостола Павла с мечом,
Облаченного в светлую ризу.
Поднимается сторож-старик
На свою колокольню-руину,
На тени он громадно велик:
Пополам пересек всю равнину.
Поднимись! — и медлительно бей,
Чтобы слышалось долго гуденье!
В тишине деревенских ночей
Этих звуков властительно пенье:
Если есть в околотке больной,
Он при них встрепенется душой
И, считая внимательно звуки,
Позабудет на миг свои муки;
Одинокий ли путник ночной
Их заслышит — бодрее шагает;
Их заботливый пахарь считает
И, крестом осенясь в полусне,
Просит бога о ведреном дне.

Звук за звуком гудя прокатился,
Насчитал я двенадцать часов.
С колокольни старик возвратился,

Слышу шум его звонких шагов,
Вижу тень его; сел на ступени,
Дремлет, голову свесив в колени.
Он в мохнатую шапку одет,
В балахоне убогом и темном...
Все, чего не видал столько лет,
От чего я пространством огромным
Отделен — все живет предо мной,
Все так ярко рисуется взору,
Что не верится мне в эту пору,
Чтоб не мог увидеть я и той,
Чья душа здесь незримо витает,
Кто под этим крестом почивает...

Повидайся со мною, родимая!
Появись легкой тенью на миг!
Всю ты жизнь прожила нелюбимая,
Всю ты жизнь прожила для других.
С головой, бурям жизни открытою,
Весь свой век под грозою сердитою
Простояла ты — грудью своей
Защищая любимых детей.
И гроза над тобой разразилась!
Ты, не дрогнув, удар приняла,
За врагов, умирая, молилася,
На детей милость бога звала.
Неужели за годы страдания
Тот, кто столько тобою был чтим,
Не пошлет тебе радость свидания
С погибающим сыном твоим?..

Я кручину мою многолетнюю
На родимую грудь изолью,
Я тебе мою песню последнюю,
Мою горькую песню спою.
О прости! то не песнь утешения,
Я заставляю страдать тебя вновь,
Но я гибну — и ради спасения
Я твою призываю любовь!
Я пою тебе песнь покаяния,
Чтобы кроткие очи твои
Смыли жаркой слезою страдания
Все позорные пятна мои!

Чтоб ту силу свободную, гордую,
Что в мою заложила ты грудь,
Укрепила ты волею твердою
И на правый поставила путь...

Треволненья мирского далекая,
С неземным выраженьем в счах,
Русокудрая, голубоокая,
С тихой грустью на бледных устах,
Под грозой величаво-безгласная —
Молода умерла ты, прекрасная,
И такой же явилась ты мне
При волшебном светящей луне.
Да! я вижу тебя, бледнолицую,
И на суд твой себя отдаю.
Не робеть перед правдой-царицею
Научила ты музу мою:
Мне не страшны друзей сожаления,
Не обидно врагов торжество,
Изреки только слово прощения,
Ты, чистейшей любви божество!
Что враги? пусть клеветуют язвительней,
Я пощады у них не прошу,
Не придумать им казни мучительней
Той, которую в сердце ношу!
Что друзья? Наши силы неровные,
Я ни в чем середины не знал,
Что обходят они, хладнокровные,
Я на все безрассудно дерзал,
Я не думал, что молодость шумная,
Что надменная сила пройдет —
И влекла меня жажда безумная,
Жажда жизни — вперед и вперед!
Увлекаем бесславною битвою,
Сколько раз я над бездной стоял,
Поднимался твоею молитвою,
Снова падал — и вовсе упал!..
Выводи на дорогу тернистую!
Разучился ходить я по ней,
Погрузился я в тину нечистую
Мелких помыслов, мелких страстей.
От ликующих, праздно болтающих,
Обагряющих руки в крови,

Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви!
Тот, чья жизнь бесполезно разбилась,
Может смертью еще доказать,
Что в нем сердце неробкое билось,
Что умел он любить...

.

(Утром, в постели)

О мечты! о волшебная власть
Возвышающей душу природы!
Пламя юности, мужество, страсть
И великое чувство свободы —
Всё в душе угнетенной моей
Пробудилось... но где же ты, сила?
Я проснулся ребенка слабей.
Знаю: день проваляюсь уныло,
Ночью буду микстуру глотать,
И пугать меня будет могила,
Где лежит моя бедная мать.

Все, что в сердце кипело, боролось,
Все луч бледного утра спугнул,
И насмешливый внутренний голос
Злую песню свою затянул:
«Покорись, о ничтожное племя!
Неизбежной и горькой судьбе,
Захватило вас трудное время
Неготовыми к трудной борьбе.
Вы еще не в могиле, вы живы,
Но для дела вы мертвы давно,
Суждены вам благие порывы,
Но свершить ничего не дано...»

* * *

Литература, с трескучими фразами,
Полная духа античеловечного,
Администрация наша с указами
О забирании всякого встречного,—
Дайте вздохнуть!..

Я простился с столицами,
Мирно живу средь полей,
Но и крестьяне с унылыми лицами
Не услаждают очей;
Их нищета, их терпенье безмерное
Только досаду родит...
Что же ты любишь, дитя маловерное,
Где же твой идол стоит?..

З Е Л Е Н Ы Й Ш У М¹

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Играючи, расходится
Вдруг ветер верховой:
Качнет кусты ольховые,
Подымет пыль цветочную,
Как облако: все зелено,
И воздух и вода!

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Скромна моя хозяйюшка
Наталя Патрикеевна,
Водой не замутит!
Да с ней беда случилась,
Как лето жил я в Питере...
Сама сказала, глупая,
Типун ей на язык!

В избе сам друг с обманщицей
Зима нас заперла,
В мои глаза суровые
Глядит — молчит жена.
Молчу... а дума лютая
Покоя не дает:
Убить... так жаль сердечную!
Стерпеть — так силы нет!

¹ Так народ называет пробуждение природы весной. (Прим.
Н. А. Некрасова.)

А тут зима косматая
Ревет и день и ночь:
«Убей, убей изменницу!
Злодея изведи!
Не то весь век промаешься,
Ни днем, ни долгой ночью
Покоя не найдешь.
В глаза твои бесстыжие
Соседи наплюют!..»
Под песню-вьюгу зимнюю
Окрепла дума лютая —
Припас я вострый нож...
Да вдруг весна подкралась...

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Как молоком облитые,
Стоят сады вишневые,
Тихохонько шумят;
Пригреты теплым солнышком,
Шумят повеселелые
Сосновые леса;
А рядом новой зеленью
Лепечут песню новую
И липа бледнолистая,
И белая березонька
С зеленою косой!
Шумит тростинка малая,
Шумит высокий клен...
Шумят они по-новому,
По-новому, весеннему...

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Слабеет дума лютая,
Нож валится из рук,
И все мне песня слышится
Одна — в лесу, в лугу:
«Люби, покуда любится,
Терпи, покуда терпится,
Прощай, пока прощается,
И — бог тебе судья!»

**ЧТО ДУМАЕТ СТАРУХА,
КОГДА ЕЙ НЕ СПИТСЯ**

В позднюю ночь над усталой деревнею
Сон непробудный царит,
Только старуху столетнюю, древнюю
Не посетил он. — Не спит,

Мечется по печи, охает, мается,
Ждет — не поют петухи!
Вся-то ей долгая жизнь представляется,
Всё-то грехи да грехи!

«Охти-мне! часто владыку небесного
Я искушала грехом:
Нутко-се! с ходу-то, с ходу-то крестного
Раз я ушла с пареньком

В рошу... Вот то-то! мы смолоду дурочки,
Думаем: милостив бог!..
Раз у соседки взяла из-под курочки
Пару яичек... ох! ох!

В страдную пору больной притворилася —
Мужа в побывку ждала..
С Федей солдатиком чуть не слюбилася..
С мужем под праздник спала.

Охти-мне... ох! угрожу в преисподнюю!..
Раз, как забрили сына,
Я возроптала на благость господнюю,
В пост испила молока,—

То-то я грешница! то-то преступница!

С горя валялась пьяна...

Божия мать! Святая заступница!

Вся-то грешна я, грешна!..»

* * *

В полном разгаре страда деревенская...
Доля ты! — русская долюшка женская!
Вряд ли труднее сыскать.

Немудрено, что ты вянешь до времени,
Всевыносящего русского племени
Многострадальная мать!

Зной нестерпимый: равнина безлесная,
Нивы, покосы да ширь поднебесная —
Солнце нещадно палит.

Бедная баба из сил выбивается,
Столб насекомых над ней колыхается,
Жалит, щекочет, жужжит!

Приподнимая косулю тяжелую,
Баба порезала ноженьку голую —
Некогда кровь унимать!

Слышится крик у соседней полосыньки,
Баба туда — растрепалися косыньки,—
Надо ребенка качать!

Что же ты стала над ним в отупении?
Пой ему песню о вечном терпении,
Пой, терпеливая мать!..

Слезы ли, пот ли у ней над ресницею,
Право, сказать мудрено.
В жбан этот, заткнутый грязной тряпицею,
Канут они — всё равно!

Вот она губы свои опаленные
Жадно подносит к краям...
Вкусны ли, милая, слезы соленые
С кислым кваском пополам?..

КУМУШКИ

Тёмен вернулся с кладбища Трофим;
Малые детки вернулись с ним,

Сын да девóчка. Домой-то без матушки
Горько вернуться: дорогой ребяташки

Ревма-ревели; а тятка молчал.
Дома порылся, кубарь отыскал:

«Нате, ребята! — играйте, сердечные!»
И улыбнулись дети беспечные,

Жжжж-жи! запустили кубарь у ворот...
Кто ни проходит — жалеет сирот:

«Нет у вас матушки!» — молвила Марьюшка.
«Нету родимой!» — прибавила Дарьюшка.

Дети широко раскрыли глаза,
Стихли. У Маши блеснула слеза...

«Как теперь будете жить, сиротиночки!»
И у Гришутки блеснули слезиночки.

«Кто-то вас будет ласкать-баловать?»
Навзрыд заплакали дети опять.

«Полно, не плачьте!» — сказала Протасьевна,
«Уж не воротишь, — прибавила Власьевна. —

Грешную душеньку боженька взял,
Кости в могилушку поп закопал,

То-то, чай, холодно, страшно в могилушке?
Ну же, не плачьте! родные вы, милушки!..»

Пуще расплакались дети. Трофим
Крики услышал и выбежал к ним,

Стал унимать, как умел, а соседушки
Ну помогать ему: «Полноте, детушки!

Что уж тут плакать? пора привыкать
К доле сиротской; забудьте вы мать;

Спели церковники память ей вечную,
Чай, уж теперь ее гложет, сердечную,

Червь подземельный!..» Трофим поскорей
На руки взял — да в избенку детей!

Целую ночь проревели ребятушки:
«Нет у нас матушки! нет у нас матушки!

Матушку на небо боженька взял!»
Целую ночь с ними тятка не спал,

У самого расходились думушки...
Ну, удружили досужие кумушки!

* * *

Надрывается сердце от муки,
Плохо верится в силу добра,
Внемля в мире царящие звуки
Барабанов, цепей, топора.

Но люблю я, весна золотая,
Твой сплошной, чудно-смешанный шум;
Ты ликуешь, на миг не смолкая,
Как дитя, без заботы и дум.
В обаянии счастья и славы,
Чувству жизни ты вся предана,—
Что-то шепчут зеленые травы,
Говорливо струится волна;
В стаде весело ржет жеребенок,
Бык с землей вырывает траву,
А в лесу белокурый ребенок —
Чу! кричит: «Парасковья, ау!»
По холмам, по лесам, над долиной
Птицы севера вьются, кричат,
Разом слышны — напев соловьиный
И нестройные пiski галчат,
Грохот тройки, скрипенье подводы,
Крик лягушек, жужжание ос,
Треск кобылок, — в просторе свободы
Все в гармонию жизни слилось...

Я наслушался шума иного...
Оглушенный, подавленный им,
Мать-природа! иду к тебе снова
Со всегдашним желаньем моим —
Заглуши эту музыку злобы!
Чтоб душа ощутила покой
И прозревшее око могло бы
Насладиться твоей красотой.

КАЛИСТРАТ

Надо мной певала матушка,
Колыбель мою качаючи:
«Будешь счастлив, Калистратушка!
Будешь жить ты припеваючи!»

И сбылось, по воле божией,
Предсказанье моей матушки:
Нет богаче, нет пригложее,
Нет нарядней Калистратушки!

В ключевой воде купаюся,
Пятерней чешу волосыньки,
Урожаю дожидаясь
С непосеянной полосыньки!

А хозяйка занимается
На нагих детишек стиркою,
Пуще мужа наряжается —
Носит лапти с подковыркою!..

ПОЖАРИЩЕ

Весело бить вас, медведи почтенные,
Только до вас добираться невесело,—
Кочи, ухабины, ели бессменные!
Каждое дерево ветви повесило,
Каркает ворон над белой равниною,
Нищий в деревне за дровни цепляется.
Этой сплошной безотрадной картиною
Сердце подавлено, взор утомляется.
Ой! надоела ты, глушь новгородская!
Ой! истомила ты, бедность крестьянская!
То ли бы дело лошадка заводская,
С полостью санки, прогулка дворянская?..
Даже церковей здесь почти не имеется.
Вот, наконец, впереди развлечение:
Что-то на белой поляне чернеется,
Что-то дымится,— сгорело селение!
Бедных, богатых не различающий,
Шутку огонь подшутил презабавную:
Только повсюду еще украшающий
Освобожденную Русь православную
Столб уцелел — и на нем сохраняются
Строки: «Деревня помещика Вечева».
С лаем собаки на нас не бросаются,
Думают, видно: украсть вам тут нечего!
(Так. А давно ли служили вы с верою,
Лаяли, злились до самозабвения
И на хребте своем шерсть черно-серую
Ставили дыбом в защиту селения?..)
Да на обломках стены штукатуренной

Крайнего дома — должно быть, дворянского —
Видны портреты: Кутузов нахмуренный,
Блюхер бессменный и бок Забалканского.
Лошадь дрожит у плетня почернелого,
Куры бездомные с холоду ежатся,
И на остатках жилья погорелого
Люди, как черви на трупе, копошатся...

* * *

I

«Благодарение господу богу,
Кончен проселок!.. Не спишь?»
— Думаю, братец, про эту дорогу.—
«То-то давненько молчишь.

Что же ты думаешь?» — Долго рассказывать.
Только тронулись по ней,
Стала мне эта дорога показывать
Тени погибших людей,

Бледные тени! ужасные тени!
Злоба, безумье, любовь...
Едем мы, братец, в крови по колени! —
«Полно — тут пыль, а не кровь...»

II

«Барин, не выпить ли нам понемногу?
Больно уж ты присмирел».
— Пел бы я песню про эту дорогу,
Пел бы да ревма-ревел,

Песней над песнями стала бы эта
Песня... да петь не рука. —
«Песня про эту дорогу уж спета,
Да что в ней проку?.. Тоска!»

— Знаю, народ *проторенной* цепями
Эту дорогу зовет.—
«Верно! увидишь своими глазами,
Русская песня не врет!»

Ш

Скоро попались нам пешие ссыльные,
С гиком ямщик налетел,
В тряской телеге два путника пыльные
Скачут... едва разглядел...

Подле лица — молодого, прекрасного —
С саблей усач...
Брат, удаляемый с поста опасного,
Есть ли там смена? Прощай!

ОРИНА, МАТЬ СОЛДАТСКАЯ

День-депской моя печальнива,
В ночь—ночная богомолица,
Векова моя сухотница...

Из народной песни.

Чуть живые, в ночь осеннюю
Мы с охоты возвращаемся,
До ночлега прошлогодного,
Слава богу, добираемся.

— Вот и мы! Здорово, старая!
Что насупилась ты, кумушка!
Не о смерти ли задумалась?
Брось! пустая это думушка!

Посетила ли кручинушка?
Молви — может, и размыкаю.
И поведала Оринушка
Мне печаль свою великую.

«Восемь лет сына не видела,
Жив ли, нет — не откликается,
Уж и свидеться не чаяла,
Вдруг сыночек возвращается.

Вышло молодцу в бессрочные...
Истопила жарко банюшку,
Напекла блинов Оринушка,
Не насмотрится на Ванюшку!

Да недолги были радости.
Воротился сын больнехонек,
Ночью кашель бьет солдатика,
Белый плат в крови мокрехонек!

Говорит: «Поправлюсь, матушка!»
Да ошибся — не поправился,
Девять дней хворал Иванушка,
На десятый день преставился...»

Замолчала — не прибавила
Ни словечка, бесталанная.
— Да с чего же привязалась
К парню хворость окаянная?

Хилый, что ли, был с рождения?..—
Встрепенулася Оринушка:
«Богатырского сложения,
Здоровенный был детинушка!

Подивился сам из Питера
Генерал на парня этого,
Как в рекрутское присутствие
Привели его раздетого...

На избенку эту бревнышки
Он один таскал сосновые...
И вилися у Иванушки
Русы кудри, как шелкóвые...»

И опять молчит несчастная...
— Не молчи — развей кручинушку!
Что сгубило сына милого —
Чай, спросила ты детинушку?

«Не любил, сударь, рассказывать
Он про жизнь свою военную,
Грех мирянам-то показывать
Душу — богу обреченную!

Говорить — гневить всевышнего,
Окайнных бесов радовать...

Чтоб не молвить слова лишнего,
На врагов не подсадовать,

Немота перед кончиною
Подобает христианину.
Знает бог, какие тягости
Сокрушили силу Ванину!

Я узнать не добивалася.
Никого не осуждаючи,
Он одни слова утешные
Говорил мне, умираючи.

Тихо по двору похаживал
Да постукивал топориком,
Избу ветхую облаживал,
Огород обнес забориком;

Перекрыть сарай задумывал.
Не сбылись его желания:
Слег — и встал на ноги резвые
Только за день до скончания!

Поглядеть на солнце красное
Пожелал, — пошла я с Ванею:
Прощался со скотинкою,
Прощался с ригой, с банею.

Сенокосом шел — задумался,
— Ты прости, прости, полянушка!
Я косил тебя во младости!—
И заплакал мой Иванушка!

Песня вдруг с дороги грянула,
Подхватил, что было голосу,
«Не белы снежки», закашлялся,
Задышался — пал на полосу!

Не стояли ноги резвые,
Не держалася головушка!
С час домой мы возвращались...
Было время — пел соловушка!

Страшно в эту ночь последнюю
Было: память потерялася,
Все ему перед кончиною
Служба эта представлялася.

Ходит, чистит амуницию,
Набелил ремни солдатские,
Языком играл сигналики,
Песни пел — такие хватские!

Артикул ружьем выкидывал,
Так, что весь домишка вздрагивал;
Как журавль, стоял на ноженьке
На одной — носок вытягивал.

Вдруг метнулся... смотрит жалобно...
Повалился — плачет, кается,
Крикнул: «Ваше благородие!
Ваше!..» — вижу, задыхается;

Я к нему. Утих, послушался —
Лег на лавку. Я молилася:
Не пошлет ли бог спасение?..
К утру память воротилася,

Прошептал: «Прощай, родимая!
Ты опять одна осталася!..
Я над Ваней наклонилася,
Покрестила, попрощалася,

И погас он, словно свеченька
Восковая, предыконная.. »

Мало слов, а горя реченька,
Горя реченька бездонная!..

МОРОЗ, КРАСНЫЙ НОС

*Посвящаю моей сестре
Анне Алексеевне.*

Ты опять упрекнула меня,
Что я с музой моей раздружился,
Что заботам текущего дня
И забавам его подчинился.
Для житейских расчетов и чар
Не расстался б я с музой моею,
Но бог весть, не погас ли тот дар,
Что, бывало, дружил меня с нею?
Но не брат еще людям поэт,
И тернист его путь, и непрочен,
Я умел не бояться клевет,
Не был ими я сам озабочен;
Но я знал, чье во мраке ночном
Надрывалось сердце с печали,
И на чью они грудь упали свинцом,
И кому они жизнь отравляли.
И пускай они мимо прошли,
Надо мною ходившие грозы,
Знаю я, чьи молитвы и слезы
Роковую стрелу отвели...
Да и время ушло, — я устал...
Пусть я не был бойцом без упрека,
Но я силы в себе создавал,
Я во многое верил глубоко,
А теперь — мне пора умирать..
Не затем же пускаться в дорогу,

Чтобы в любящем сердце опять
Пробудить роковую тревогу...

Присмирившую музу мою
Я и сам неохотно ласкаю...
Я последнюю песню пою
Для тебя — и тебе посвящаю.
Но не будет она веселей,
Будет много печальнее прежней,
Потому что на сердце темней
И в грядущем еще безнадежней...

Буря воеет в саду, буря ломится в дом,
Я боюсь, чтоб она не сломила
Старый дуб, что посажен отцом,
И ту иву, что мать посадила,
Эту иву, которую ты
С нашей участью странно связала,
На которой поблекли листья
В ночь, как бедная мать умирала...

И дрожит и пестреет окно...
Чу! как крупные градины скачут!
Милый друг, поняла ты давно —
Здесь одни только камни не плачут...

Часть первая
СМЕРТЬ КРЕСТЬЯНИНА

I

Савраска увяз в половине сугроба, —
Две пары промерзлых лаптей
Да угол рогожей покрытого гроба
Торчат из убогих дровней.

Старуха, в больших рукавицах,
Савраску сошла понукать.
Сосульки у ней на ресницах,
С морозу — должно полагать.

II

Привычная дума поэта
Вперед забежать ей спешит:
Как саваном, снегом одета,
Избушка в деревне стоит,

В избушке — теленок в подклети,
Мертвец на скамье у окна;
Шумят его глупые дети,
Тихонько рыдает жена.

Сшивая проворной иглой
На саван куски полотна,
Как дождь, зарядивший надолго,
Негромко рыдает она.

III

Три тяжкие доли имела судьба,
И первая доля: с рабом повенчаться,
Вторая — быть матерью сына раба,
А третья — до гроба рабу покоряться,
И все эти грозные доли легли
На женщину русской земли.

Века протекали — все к счастью стремилось,
Все в мире по несколько раз изменилось,
Одну только бог изменить забывал
Суровую долю крестьянки.
И все мы согласны, что тип измельчал
Красивой и мощной славянки.

Случайная жертва судьбы!
Ты глухо, незримо страдала,
Ты свету кровавой борьбы
И жалоб своих не вверяла, —

Но мне ты их скажешь, мой друг!
Ты с детства со мною знакома.
Ты вся — воплощенный испуг,
Ты вся — вековая истома!
Тот сердца в груди не носил,
Кто слез над тобою не лил!

IV

Однако же речь о крестьянке
Затеяли мы, чтоб сказать,
Что тип величавой славянки
Возможно и ныне сыскать.

Есть женщины в русских селеньях
С спокойною важностью лиц,
С красивой силой в движениях,
С походкой, со взглядом цариц, —

Их разве слепой не заметит,
А зрячий о них говорит:
«Пройдет — словно солнце осветит!
Посмотрит — рублем подарит!»

Идут они той же дорогой,
Какой весь народ наш идет,
Но грязь обстановки убогой
К ним словно не липнет. Цветет

Красавица, миру на диво,
Румяна, стройна, высока,
Во всякой одежде красива,
Ко всякой работе ловка.

И голод и холод выносит,
Всегда терпелива, ровна...
Я видывал, как она косит:
Что взмах — то готова копна!

Платок у ней на ухо сбился,
Того гляди косы падут.
Какой-то парнек изловчился
И кверху подбросил их, шут!

Тяжелые русые косы
Упали на смуглую грудь,
Покрыли ей ноженьки босы,
Мешают крестьянке взглянуть.

Она отвела их руками,
На парня сердито глядит.
Лицо величаво, как в раме,
Смущеньем и гневом горит...

По будням не любит безделья.
Зато вам ее не узнать,
Как сгонит улыбка веселья
С лица трудовую печать.

Такого сердечного смеха,
И песни, и пляски такой
За деньги не купишь. «Утеха!» —
Твердят мужики меж собой.

В игре ее конный не словит,
В беде — не сробеет, — спасет:
Коня на скаку остановит
В горящую избу войдет!

Красивые, ровные зубы,
Что крупные перлы, у ней,
Но строго румяные губы
Хранят их красу от людей —

Она улыбается редко...
Ей некогда лясы точить,
У ней не решится соседка
Ухвата, горшка попросить;

Не жалок ей нищий убогий —
Вольно ж без работы гулять!
Лежит на ней дельности строгой
И внутренней силы печать.

В ней ясно и крепко сознание,
Что все их спасенье в труде,
И труд ей несет воздаянье:
Семейство не бьется в нужде,

Всегда у них теплая хата,
Хлеб выпечен, вкусен квасок,
Здоровы и сыты ребята,
На праздник есть лишний кусок.

Идет эта баба к обедне
Пред всею семьей впереди:
Сидит, как на стуле, двухлетний
Ребенок у ней на груди,

Рядком шестилетнего сына
Нарядная матка ведет...
И по сердцу эта картина
Всем любящим русский народ!

У

И ты красотою дивила,
Была и ловка, и сильна,
Но горе тебя иссушило,
Уснувшего Прокла жена!

Горда ты — ты плакать не хочешь,
Крепишься, но холст гробовой
Слезам невольно ты мочишь,
Сшивая проворной иглой.

Слеза за слезой упадает
На быстрые руки твои.
Так колос беззвучно роняет
Созревшие зерна свои...

VI

В селе, за четыре версты,
У церкви, где ветер шатает
Подбитые бурей кресты,
Местечко старик выбирает;

Устал он, работа трудна,
Тут тоже сноровка нужна —

Чтоб крест было видно с дороги,
Чтоб солнце играло кругом.
В снегу до колен его ноги,
В руках его заступ и лом,

Вся в инее шапка большая,
Усы, борода в серебре.
Недвижно стоит, размышляя,
Старик на высоком бугре.

Решился. Крестом обозначил,
Где будет могилу копать,
Крестом осенился и начал
Лопатою снег разгребать.

Иные приемы тут были,
Кладбище не то, что поля:
Из снегу кресты выходили,
Крестами ложилась земля.

Согнув свою старую спину,
Он долго, прилежно копал,
И желтую мерзлую глину
Тотчас же снежок застилал.

Ворона к нему подлетела,
Потыкала носом, прошлась:
Земля как железо звенела —
Ворона ни с чем убралась...

Могила на славу готова, —
«Не мне б эту яму копать!
(У старого вырвалось слово.)
Не Проклу бы в ней почивать,

Не Проклу!..» Старик оступился,
Из рук его выскользнул лом
И в белую яму скатился,
Старик его вынул с трудом.

Пошел... по дороге шагает...
Нет солнца, луна не взошла...
Как будто весь мир умирает:
Затишье, снежок, полумгла...

VII

В овраге, у речки Желтухи,
Старик свою бабу нагнал
И тихо спросил у старухи:
«Хорош ли гробок-то попал?»

Уста ее чуть прошептали
В ответ старику: «Ничего».
Потом они оба молчали,
И дровни так тихо бежали,
Как будто боялись чего...

Деревня еще не открылась,
А близко — мелькает огонь.
Старуха крестом осенилась,
Шарахнулся в сторону конь,—

Без шапки, с ногами босыми,
С большим заостренным колом,
Внезапно предстал перед ними
Старинный знакомец Пахом.

Прикрыты рубахою женской,
Звенели вериги на нем;
Постукал дурак деревенский
В морозную землю колом,

Потом помычал сердобольно,
Вдохнул и сказал: «Не беда!
На вас он работал довольно,
И ваша пришла череда!

Мать сыну-то гроб покупала,
Отец ему яму копал,
Жена ему саван сшивала —
Всем разом работу вам дал!..»

Опять помычал — и без цели
В пространство дурак побежал.
Вериги уныло звенели,
И голые икры блестели,
И посох по снегу черкал.

VIII

У дома оставили крышу,
К соседке свели ночевать
Зазябнувших Машу и Гришу
И стали сына обрядить.

Медлительно, важно, сурово
Печальное дело велось:
Не сказано лишнего слова,
Наружу не выдано слез.

Уснул, потрудившийся в поте!
Уснул, поработав земле!
Лежит, непричастный заботе,
На белом сосновом столе,

Лежит неподвижный, суровый,
С горящей свечой в головах,
В широкой рубахе холщовой
И в липовых новых лаптях.

Большие, с мозолями руки,
Подъявшие много труда,
Красивое, чуждое муки
Лицо — и до рук борода...

IX

Пока мертвеца обряжали,
Не выдали словом тоски
И только глядеть избегали
Друг другу в глаза бедняки.

Но вот уже кончено дело,
Нет нужды бороться с тоской,
И что на душе накупело,
Из уст полилось рекой.

Не ветер гудит по ковыли,
Не свадебный поезд гремит,—
Родные по Прокле завыли,
По Прокле семья голосит:

«Голубчик ты наш сизокрылый!
Куда ты от нас улетел?
Пригожеством, ростом и силой
Ты ровни в селе не имел,

Родителям был ты советник,
Работничек в поле ты был,
Гостям хлебосол и приветник,
Жену и детей ты любил...

Что ж мало гулял ты по свету?
За что нас покинул, родной?
Одумал ты думушку эту,
Одумал с сырою землей,—

Одумал — а нам оставаться
Велел во миру; сиротам,
Не свежей водой умываться,
Слезами горячими нам!

Старуха помрет со кручины,
Не жить и отцу твоему,
Береза в лесу без вершины —
Хозяйка без мужа в дому.

Ее не жалеешь ты, бедной,
Детей не жалеешь... Вставай!
С полоски своей заповедной
По лету сберешь урожай!

Сплесни, ненаглядный, руками,
Сокольным глазком посмотри,
Тряхни шелковыми кудрями,
Сахарны уста раствори!

На радости мы бы сварили
И меду, и браги хмельной,
За стол бы тебя посадили —
Покушай, желанный, родной!

А сами напротив бы стали —
Кормилец, надежда семьи! —
Очей бы с тебя не спускали,
Ловили бы речи твои...»

Х

На эти рыданья и стоны
Соседи валили гурьбой:
Свечу положив у иконы,
Творили земные поклоны
И шли молчаливо домой.

На смену входили другие.
Но вот уж толпа разбрелась,
Пожинать сели родные —
Капуста да с хлебушком квас.

Старик бесполезной кручине
Собой овладеть не давал:
Подладившись ближе к лучине,
Он лапоть худой ковырял.

Протяжно и громко вздыхая,
Старуха на печку легла,
А Дарья, вдова молодая,
Проведать ребяток пошла.

Всю ноченьку, стоя у свечи,
Читал над усопшим дьячок,
И вторил ему из-за печки
Пронзительным свистом сверчок.

XI

Сурово метелица выла
И снегом кидала в окно,
Невесело солнце всходило:
В то утро свидетелем было
Печальной картины оно.

Савраска, запряженный в сани,
Понуро стоял у ворот;
Без лишних речей, без рыданий
Покойника вынес народ.

— Ну, трогай, саврасушка! трогай!
Натягивай крепче гужи!
Служил ты хозяину много,
В последний разок послужи!..

В торговом селе Чистополье
Купил он тебя сосунком,
Взрастил он тебя на приволье,
И вышел ты добрым конем.

С хозяином дружно старался,
На зимушку хлеб запасал,
Во стаде ребенку давался,
Травой да мякиной питался,
А тело изрядно держал.

Когда же работы кончались
И сковывал землю мороз,
С хозяином вы отправлялись
С домашнего корма в извоз.

Немало и тут доставалось —
Возил ты тяжелую кладь,
В жестокую бурю случалось,
Измучась, дорогу терять.

Видна на боках твоих впалых
Кнута не одна полоса,
Зато на дворах постоянных
Покушал ты вволю овса.

Слышал ты в январские ночи
Метели пронзительный вой
И волчьи горящие очи
Видал на опушке лесной,

Продрогнешь, натерпишься страху,
А там — и опять ничего!
Да, видно, хозяин дал маху —
Зима доконала его!..

ХП

Случилось в глубоком сугробе
Полсуток ему простоять,
Потом то в жару, то в ознобе
Три дня за подводой шагать:

Покойник на срок торопился
До места доставить товар.
Доставил, домой воротился —
Нет голосу, в теле пожар!

Старуха его окатила
Водой с девяти веретен
И в жаркую баню сводила,
Да нет — не поправился он!

Тогда ворожеек созвали —
И поят, и шепчут, и трут —
Все худо! Его продевали
Три раза сквозь потный хомут,

Спускали родимого в пролубь,
Под куричий клали насест...
Всему покорялся, как голубь,—
А плохо — не пьет и не ест!

Еще положить под медведя,
Чтоб тот ему кости размял,
Ходебщик сергачевский Федя —
Случившийся тут — предлагал.

Но Дарья, хозяйка больного,
Прогнала советчика прочь;
Испробовать средства иного
Задумала баба: и в ночь

Пошла в монастырь отдаленный
(Верстах в десяти от села),
Где в некой иконе явленной
Целебная сила была.

Пошла, воротилась с иконой —
Больной уж безгласен лежал,
Одетый как в гроб, причащенный.
Увидел жену, простонал

И умер...

ХІІІ

...Саврасушка, трогай,
Натягивай крепче гужи!
Служил ты хозяину много,
В последний разок послужи!

Чу! два похоронных удара!
Попы ожидают — иди!..
Убитая, скорбная пара,
Шли мать и отец впереди.

Ребята с покойником оба
Сидели, не смея рыдать,
И, правя савраской, у гроба
С вожжами их бедная мать

Шагала... Глаза ее впали,
И был не белей ее щек
Надетый на ней в знак печали
Из белой холстины платок.

За Дарьей — соседей, соседок
Плелась негустая толпа,
Толкуя, что Прокловых деток
Теперь незавидна судьба,

Что Дарье работы прибудет,
Что ждут ее черные дни.
«Жалеть ее некому будет»,—
Согласно решили они...

XIV

Как водится, в яму спустили,
Засыпали Прокла землей;
Поплакали, громко повыли,
Семью пожалели, почтили
Покойника щедрой хвалой.

Сам староста, Сидор Иваныч,
Вполголоса бабам подвыл
И «мир тебе, Прокл Севастьяныч!—
Сказал,— благодушен ты был,

Жил честно, а главное: в сроки,
Уж как тебя бог выручал,
Платил господину оброки
И подать царю представлял!»

Истратив запас красноречья,
Почтенный мужик побряхтел:
«Да, вот она жизнь человечья!»—
Прибавил — и шапку надел.

«Свалился... а то-то был в силе!..
Свалимся... не минуту и нам!..»
Еще покрестились могиле
И с богом пошли по домам.

Высокий, седой, сухопарый,
Без шапки, недвижно-немой,
Как памятник, дедушка старый
Стоял на могиле родной!

Потом старина бородатый
Задвигался тихо по ней,
Ровняя землю лопатой
Под вопли старухи своей.

Когда же, оставивши сына,
Он с бабой в деревню входил:
«Как пьяных, шатает кручина!
Гляди-тко!..» — народ говорил.

ху

А Дарья домой воротилась —
Прибраться, детей накормить.
Ай-ай! Как изба настудилась!
Торопится печь затопить,

Ан глядь — ни полена дровишек!
Задумалась бедная мать:
Покинуть ей жаль ребятишек,
Хотелось бы их приласкать,

Да времени нету на ласки,
К соседке свела их вдова,
И тотчас на том же савраске
Поехала в лес, по дрова...

Часть вторая
МОРОЗ, КРАСНЫЙ НОС

XVI

Морозно. Равнины белеют под снегом,
Чернеется лес впереди,
Савраска плетется ни шагом, ни бегом,
Не встретишь души на пути.

Как тихо! В деревне раздавшийся голос
Как будто у самого уха гудет,
О корень древесный запнувшийся полоз
Стучит и визжит, и за сердце скребет.

Кругом — поглядеть нету мочи,
Равнина в алмазах блестит...
У Дарьи слезами наполнились очи —
Должно быть, их солнце слепит...

XVII

В полях было тихо, но тише
В лесу и как будто светлей.
Чем дале — деревья всё выше,
А тени длинней и длинней.

Деревья, и солнце, и тени,
И мертвый, могильный покой...
Но — чу! заунывные пени,
Глухой, сокрушительный вой!

Осилило Дарьюшку горе,
И лес безучастно внимал,
Как стоны лились на просторе,
И голос рвался и дрожал,

И солнце, круглѳ и бездушно,
Как желтое око совы,
Глядело с небес равнодушно
На тяжкие муки вдовы.

И много ли струн оборвалось
У бедной крестьянской души,
Навеки сокрыто осталось
В лесной нелюдимои глуши.

Великое горе вдовицы
И матери малых сирот
Подслушали вольные птицы,
Но выдать не смели в народ...

ХVIII

Не псарь по дубровушке трубит,
Гогочет, сорвиголова,—
Наплакавшись, колет и рубит
Дрова молодая вдова.

Срубивши, на дровни бросает —
Наполнить бы их поскорей,
И вряд ли сама замечает,
Что слезы всё льют из очей:

Иная с ресницы сорвется
И на снег с размаху падет —
До самой земли доберется,
Глубокую ямку прожжет;

Другую на дерево кинет,
На плашку,— и смотришь, она
Жемчужиной крупной застынет —
Бела, и кругла, и плотна.

А та на глазу поблится,
Стрелой по щеке побежит,
И солнышко в ней поиграет...
Управиться Дарья спешит,

Знай, рубит,— не чувствует стужи,
Не слышит, что ноги знобит,
И, полная мыслью о муже,
Зовет его, с ним говорит...

ХІХ

«Голубчик! красавицу нашу
Весной в хороводе опять
Подхватят подруженьки Машу
И станут на ручках качать!

Станут качать,
Кверху бросать,
Маковкой звать,
Мак отряхать! ¹

Вся раскраснеется наша
Маковым цветиком Маша
С синими глазками, с русой косой!

Ножками бить и смеяться
Будет... а мы-то с тобой,
Мы на нее любоваться
Будем, желанный ты мой!..

ХХ

Умер, не дожил ты веку,
Умер и в землю зарыт!
Любо весной человеку,
Солнышко ярко горит.

¹ Известная народная игра, называемая: *сеять мак. Маковкой* садится в середине круга красивая девочка, которую под конец подкидывают вверх, представляя тем отряхиванье мака, а то еще *маком* бывзет простоватый детина, которому при подкидывании достается немало колотушек. (Прим. Н. А Некрасова.)

Солнышко все оживило,
Божьи открылись красы,
Поле сохи запросило,
Травушки просят косы,

Рано я, горькая, встала,
Дома не ела, с собой не брала,
До ночи пашню пахала,
Ночью я косу клепала,
Утром косить я пошла...

Крепче вы, ноженки, стойте!
Белые руки, не нойте!
Надо одной поспевать!

В поле одной-то надсадно,
В поле одной неповадно,
Стану я милого звать!

Ладно ли пашню вспахала?
Выди, родимый, взгляни!
Сухо ли сено убрала?
Прямо ли стоги сметала?..
Я на граблях отдыхала
Все сенокосные дни!

Некому бабью работу поправить!
Некому бабу на разум наставить...

XXI

Стала скотинушка в лес убираться,
Стала рожь-матушка в колос метаться,
Бог нам послал урожай!
Нынче солома по грудь человеку,
Бог нам послал урожай!
Да не продлил тебе веку,—
Хочешь не хочешь, одна поспевай!..

Овод жужжит и кусает,
Смертная жажда томит,

Солнышко серп нагревает,
Солнышко очи слепит,
Жжет оно голову, плечи,
Ноженьки, рученьки жжет,
Изо ржи, словно из печи,
Тоже теплом обдает,
Спинушка ноет с натуги,
Руки и ноги болят,
Красные, желтые круги
Перед очами стоят...
Жни-дожинай поскорее,
Видишь — зерно потекло...
Вместе бы дело спорее,
Вместе повадней бы шло...

XXII

Сон мой был в руку, родная!
Сон перед спасовым днем.
В поле заснула одна я
После полудня, с серпом;
Вижу — меня оступает
Сила — несметная рать,—
Грозно руками махает,
Грозно очами сверкает.
Думала я убежать,
Да не послушались ноги.
Стала просить я помощи,
Стала я громко кричать.

Слышу, земля задрожала —
Первая мать прибежала,
Травушки рвутся, шумят —
Детки к родимой спешат.
Шибко без ветру не машет
Мельница в поле крылом:
Братец идет да приляжет,
Свекор плетется шажком.
Все прибрели, прибежали,
Только дружка одного
Очи мои не видала...
Стала я кликать его:

«Видишь, меня оступает
Сила — несметная рать,—
Грозно руками махает,
Грозно очами сверкает:
Что не идешь выручать?..»
Тут я кругом огляделась —
Господи! Что куда делось?
Что это было со мной?
Рати тут нет никакой!
Это не люди лихие,
Не бусурманская рать,
Это колосья ржаные,
Спелым зерном налитые,
Вышли со мной воевать!

Машут, шумят, наступают,
Руки, лицо щекотят,
Сами соломѹ под серп нагибают —
Больше стоять не хотят!

Жать принялась я проворно,
Жну, а на шею мою
Сыплются крупные зерна —
Словно под градом стою!

Вытечет, вытечет за ночь
Вся наша матушка-рожь...
Где же ты, Проклѣ Севастьяныч?
Что пособлять не идешь?..

Сон мой был в руку, родная!
Жать теперь буду одна я.

Стану без милого жать,
Снопѹки крепко вязать,
В снопѹки слезы ронять!

Слезы мои не жемчужны,
Слезы горюшки-вдовы,
Что же вы госпѹду нужны,
Чем ему дороги вы?..

XXIII

Долги вы, зимние ноченьки,
Скучно без милого спать,
Лишь бы не плакали оченьки,
Стану полотна я ткать.

Много натку я полотен,
Тонких добротных новин,
Вырастет крепок и плотен,
Вырастет ласковый сын.

Будет по нашему месту
Он хоть куда женихом,
Высватать парню невесту
Сватов надежных пошлем...

Кудри сама расчесала я Грише,
Кровь с молоком наш сынок-первенец,
Кровь с молоком и невеста... Иди же!
Благослови молодых под венец!..

Этого дня мы, как праздника, ждали,
Помнишь, как начал Гришуха ходить,
Целую ноченьку мы толковали,
Как его будем женить,
Стали на свадьбу копить понемногу...
Вот — дождались, слава богу!

Чу, бубенцы говорят!
Поезд вернулся назад,
Выди навстречу проворно —
Пава-невеста, соколик-жених! —
Сыпь на них хлебные зерна,
Хмелем осыпь молодых!..¹

¹ Хмелем и хлебным зерном осыпают молодых в знак будущего богатства. (Прим. Н. А. Некрасова.)

XXIV

Стадо у лесу у темного бродит,
Льки в лесу пастушонко дерет,
Из лесу серый волчище выходит.
Чью он овцу унесет?

Черная туча, густая-густая,
Прямо над нашей деревней висит,
Прыснет из тучи стрела громовая,
В чей она дом сноровит?

Вести недобрые ходят в народе,
Парням недолго гулять на свободе,
Скоро — рекрутский набор!

Наш-то молодчик в семье одиночка,
Всех у нас деток — Гришуха да дочка.
Да голова у нас вор —
Скажет: мирской приговор!

Сгибнет ни за́ что ни про́ что детина.
Встань, заступись за родимого сына!

Нет! не заступишься ты!..
Белые руки твои опустились,
Ясные очи навеки закрылись...
Горькие мы сироты!..

XXV

Я ль не молила царицу небесную?
Я ли ленива была?
Ночью одна по икону чудесную
Я не сробела — пошла.

Ветер шумит, наметает сугробы.
Месяца нет — хоть бы луч!
На́ небо глянешь — какие-то гробы,
Цепи да гири выходят из туч...

Я ли о нем не старалась?
Я ли жалела чего?

Я ему молвить боялась,
Как я любила его!

Звездочки будут у ночи,
Будет ли нам-то светлей?..

Заяц спрыгнул из-под кочи,
Заинька, стой! не посмей
Перебежать мне дорогу!

В лес укатил, слава богу...
К полночи стало страшней,—

Слышу, нечистая сила
Залотошила, завывала,
Заголосила в лесу.

Что мне до силы нечистой?
Чур меня! Деве пречистой
Я приношенье несу!

Слышу я конское ржанье,
Слышу волков завыванье,
Слышу погоню за мной,—

Зверь на меня не кидайся!
Лих человек не касайся,
Дорог наш грош трудовой!

—

Лето он жил работаючи,
Зиму не видел детей,
Ночи о нем помышляючи,
Я не смыкала очей.

Едет он, зябнет... а я-то, печальная,
Из волокнистого льну,
Словно дорога его чужедальная,
Долгую — нитку тяну.

Веретено мое прыгает, вертится,
В пол ударяется.

Проклушка пеш идет, в рытвине крестится,
К возу на горочке сам припрягается.

Лето за летом, зима за зимой,
Этак-то мы раздобылись казной!

Милостив буди к крестьянину бедному,
Господи! всё отдаем,
Что по копейке, по грошику медному
Мы сколотили трудом!..

XXVI

Вся ты, тропина лесная!
Кончился лес.
К утру звезда золотая
С божьих небес
Вдруг сорвалась — и упала,
Дунул господь на нее,
Дрогнуло сердце мое:
Думала я, вспоминала —
Что́ было в мыслях тогда,
Как покатилась звезда?
Вспомнила! ноженьки стали,
Силюсь идти, а нейду!
Думала я, что едва ли
Прокла в живых я найду...

Нет! не попустит царица небесная!
Даст исцеленье икона чудесная!

Я осенилась крестом
И побежала бегом...

Сила-то в нем богатырская,
Милостив бог, не умрет...
Вот и стена монастырская!
Тень уж моя головой достает
До монастырских ворот.

Я поклонилась зёмным поклоном,
Стала на ноженьки, глядь —
Ворон сидит на кресте золоченом,
Дрогнуло сердце опять!

XXVII

Долго меня продержали —
Схимницу сестры в тот день погребали.

Утренняя шла,
Тихо по церкви ходили монашины,
В черные рясы наряжены,
Только покойница в белом была:
Спит — молодая, спокойная,
Знает, что будет в раю.
Поцеловала и я, недостойная,
Белую ручку твою!
В личико долго глядела я:
Всех ты моложе, нарядней, милей,
Ты меж сестер словно горлинка белая
Промежду сизых, простых голубей.

В ручках чернеются четки,
Писанный венчик на лбу.
Черный покров на гробу —
Этак-то ангелы кротки!

Молви, касатка моя,
Богу святыми устами,
Чтоб не осталась я
Горькой вдовой с сиротами!

Гроб на руках до могилы снесли,
С пеньем и плачем ее погребли.

XXVIII

Двинулась с миром икона святая,
Сестры запели, ее провожая,
Все приложились к ней.

Много владычице было почету:
Старый и малый бросали работу,
Из деревень шли за ней.

К ней выносили больных и убогих...
Знаю, владычица! знаю: у многих
Ты осушила слезу...
Только ты милости к нам не явила!
.....
.....
Господи! сколько я дров нарубила!
Не увезешь на возу...»

XXIX

Окончив привычное дело,
На дровни поклала дрова,
За вожжи взялась и хотела
Пуститься в дорогу вдова.

Да вновь пораздумалась, стоя,
Топор машинально взяла
И тихо, прерывисто воя,
К высокой сосне подошла.

Едва ее ноги держали,
Душа истомилась тоской,
Настало затишье печали —
Невольный и страшный покой!

Стоит под сосной чуть живая,
Без думы, без стона, без слез.
В лесу тишина гробовая —
День светел, крепчает мороз.

XXX

Не ветер бушует над бором,
Не с гор побежали ручьи,
Мороз-воевода дозором
Обходит владенья свои.

Глядит — хорошо ли метели
Лесные тропы занесли,
И нет ли где трещины, щели,
И нет ли где голой земли?

Пушисты ли сосен вершины,
Красив ли узор на дубах?
И крепко ли скованы льдины
В великих и малых водах?

Идет — по деревьям шагает,
Трещит по замерзлой воде,
И яркое солнце играет
В косматой его бороде.

Дорога везде чародею,
Чу! ближе подходит, седой.
И вдруг очутился над нею,
Над самой ее головой!

Забравшись на сосну большую,
По веточкам палицей бьет
И сам про себя удалую,
Хвастливую песню поет:

XXXI

«Вглядись, молодлица, смелее,
Каков воевода Мороз!
Навряд тебе парня сильнее
И краше видать привелось?»

Метели, снега и туманы
Покорны морозу всегда,
Пойду на моря-окияны —
Построю дворцы изо льда.

Задумаю — реки большие
Надолго упрячу под гнет,
Построю мосты ледяные,
Каких не постройт народ.

Где быстрые, шумные воды
Недавно свободно текли —
Сегодня прошли пешеходы,
Обозы с товаром прошли.

Люблю я в глубоких могилах
Покойников в иней рядить,
И кровь вымораживать в жилах,
И мозг в голове леденить.

На горе недоброму вору,
На страх седоку и коню,
Люблю я в вечернюю пору
Затеять в лесу трескотню.

Бабенки, пеняя на леших,
Домой удирают скорей.
А пьяных, и конных, и пеших
Дурачить еще веселей.

Без мелу всю выбелю рожу,
А нос запыхает огнем,
И бороду так приморожу
К вожжам — хоть руби топором!

Богат я, казны не считаю,
А все не скудеет добро;
Я царство мое убираю
В алмазы, жемчуг, серебро.

Войди в мое царство со мною
И будь ты царицею в нем!
Пощарствуем славно зимою,
А летом глубоко уснем.

Войди! приголублю, согрею,
Дворец отведу голубой...»
И стал воевода над нею
Махать ледяной булавой.

XXXII

«Тепло ли тебе, молодница?» —
С высокой сосны ей кричит.
— Тепло! — отвечает вдовица,
Сама холодеет, дрожит.

Морозко спустился пониже,
Опять помахал булавой
И шепчет ей ласковой, тише:
«Тепло ли?..» — Тепло, золотой!

Тепло — а сама коченеет.
Морозко коснулся ее:
В лицо ей дыханием веет
И иглы колючие сеет
С седой бороды на нее.

И вот перед ней опустился!
«Тепло ли?» — промолвил опять,
И в Проклушку вдруг обратился,
И стал он ее целовать.

В уста ее, в очи и в плечи
Седой чародей целовал
И те же ей сладкие речи,
Что милый о свадьбе, шептал.

И так-то ли любо ей было
Внимать его сладким речам,
Что Дарюшка очи закрыла,
Топор уронила к ногам,

Улыбка у горькой вдовицы
Играет на бледных губах,
Пушисты и белы ресницы,
Морозные иглы в бровях...

XXXIII

В сверкающий иней одета,
Стоит, холодеет она,
И снится ей жаркое лето —
Не вся еще рожь свезена,

Но сжата, — полегче им стало!
Возили снопы мужики,
А Дарья картофель копала
С соседних полос у реки.

Свекровь ее тут же, старушка,
Трудилась; на полном мешке
Красивая Маша-резвушка
Сидела с морковкой в руке.

Телега, скрипя, подъезжает,—
Савраска глядит на своих,
И Проклушка крупно шагает
За возом снопов золотых.

— Бог помочь! А где же Гришуха?—
Отец мимоходом сказал.
«В горохах»,— сказала старуха.
— Гришуха! — отец закричал,

На небо взглянул:— Чай, не рано?
Испить бы...— Хозяйка встает
И Проклу из белого жбана
Напиться кваску подает.

Гришуха меж тем отозвался:
Горохом опутан кругом,
Проворный мальчуга казался
Бегущим зеленым кустом.

— Бежит!.. у!.. бежит, постреленок,
Горит под ногами трава! —
Гришуха черён, как галчонок,
Бела лишь одна голова.

Крича, подбегает вприсядку
(На шее горох хомутом).
Попотчевал баушку, матку,
Сестренку — вертится выюном!

От матери молодцу ласка,
Отец мальчугана щипнул;
Меж тем не дремал и савраска:
Он шею тянул да тянул,

Добрался,— оскаливши зубы,
Горох аппетитно жует,
И в мягкие добрые губы
Гришухино ухо берет...

Машутка отцу закричала:
 — Возьми меня, тятка, с собой! —
 Спрыгнула с мешка — и упала,
 Отец ее поднял. «Не вой!

Убилась — неважное дело!..
 Девчонок не надобно мне,
 Еще вот такого пострела
 Рожай мне, хозяйка, к весне!

Смотри же!..» Жена застыдилась:
 — Довольно с тебя одного! —
 (А знала, под сердцем уж билось
 Дитя...) «Ну! Машук, ничего!»

И Проклушка, став на телегу,
 Машутку с собой посадил.
 Вскочил и Гришуха с разбегу,
 И с грохотом воз покати.

Воробушков стая слетела
 С снопов, над телегой взвилась.
 И Дарьюшка долго смотрела,
 От солнца рукой заслонясь,

Как дети с отцом приближались
 К дымящейся риге своей,
 И ей из снопов улыбались
 Румяные лица детей...

Чу, песня! знакомые звуки!
 Хорош голосок у певца...
 Последние признаки муки
 У Дарьи исчезли с лица,

Душой улета за песней,
 Она отдалась ей вполне...
 Нет в мире той песни прелестней,
 Которую слышим во сне!

О чем она — бог ее знает!
Я слов уловить не умел,
Но сердце она утоляет,
В ней дольного счастья предел.

В ней кроткая ласка участия,
Обеты любви без конца...
Улыбка довольства и счастья
У Дарьи не сходит с лица.

XXXV

Какой бы ценой ни досталось
Забвенье крестьянке моей,
Что нужды? Она улыбалась.
Жалеть мы не будем о ней.

Нет глубже, нет слаще покоя,
Какой посылает нам лес,
Недвижно, бестрепетно стоя
Под холодом зимних небес.

Нигде так глубоко и вольно
Не дышит усталая грудь,
И ежели жить нам довольно,
Нам слаще нигде не уснуть!

XXXVI

Ни звука! Душа умирает
Для скорби, для страсти. Стоишь
И чувствуешь, как покоряет
Ее эта мертвая тишь.

Ни звука! И видишь ты синий
Свод неба, да солнце, да лес,
В серебряно-матовый иней
Наряженный, полный чудес,

Влекущий неведомой тайной,
Глубоко бесстрастный... Но вот
Послышался шорох случайный —
Вершинами белка идет.

Ком снегу она уронила
На Дарью, прыгнув по сосне,
А Дарья стояла и стыла
В своем заколдованном сне...

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства	5
---------------------------	---

1845

Современная ода	9
В дороге	10
Пьяница	13
«Отрадно видеть, что находит...»	15
Колыбельная песня	16
«Я за то глубоко презираю себя...»	18
«Пускай мечтатели осмеяны давно..»	19
«Когда из мрака заблужденья...»	20

1846

Огородник	22
Перед дождем	25
Родина	26
Тройка	28
Псовая охота	30
«В неведомой глуши, в деревне полудикой...»	38

1847

Нравственный человек	40
«Если, мучимый страстью мятежной...»	42
«Еду ли ночью по улице темной...»	43
«Ты всегда хороша несравненно...»	45

1848

Вино	46
«Вчерашний день, часу в шестом..»	49

1850

«Я не люблю иронии твоей...»	50
«Да, наша жизнь текла мятежно...»	51
«Так это шутка? Милая моя...»	53
На улице	
1. Вор	55
2. Проводы	55
3. Гробок	56
4. Ванька	56

1851

«Мы с тобой бестолковые люди...»	57
--	----

1852

«Блажен незлобивый поэт...»	58
Муза («Нет, Музы ласково поющей и прекрасной...»)	60
Застенчивость	62
«О письма женщины пам милой!»	64
Прекрасная партия	65
«Ах, были счастливые годы!»	73
За городом	74

1853

В деревне	75
Памяти приятеля	78
Филантроп	79
Отрывки из путевых записок графа Гаранского	84
Буря	88

1854

Песжатая полоса	89
«Я сегодня так грустно настроен...»	91
Влас	92

1855

Маша	95
«Безвестен я. Я вами не стяжал...»	97
«Праздник жизни — молодости годы...»	98
«Поражена потерей невозвратной...»	99
Свадьба	100
«Давно — отвергнутый тобою...»	102
Саша	103
Памяти <Асенков>ой.	121
Извозчик	124

Последние элегии

1. «Душа мрачна, мечты мои унылы...»	127
2. «Я рано встал, недолги были сборы...»	128
3. «Пышна в разливе гордая река...»	128
«Чуть-чуть не говоря: «Ты сущая ничтожность!..»	130
«Тяжелый крест достался ей на долю...» ,	131
«Тяжелый год — сломил меня недуг...»	133
В. Г. Белинский	134
Секрет	139
В больнице	142
Гадающей невесте	146
Демону	147
Забывшая деревня	148
«Внимая ужасам войны.. »	150
На родине	151
«Где твоё личико смуглое.. »	152
«Замолкни, Муза мести и печали!»	153

1856

Влюбленному	154
Княгиня	155
«Как ты кротка, как ты послушна.. »	157
Школьник	158
«Я посетил твоё кладбище...»	160
«Самодовольных болтунов...»	162
Поэт и гражданин	164
Тургеневу. («Прощай! Завидую тебе.. »)	173
Прости	174
Несчастные	175

1857

«В столицах шум, гремят витии...»	199
Тишина	200

1858

«Стихи мои! Свидетели живые...»	206
Н. Ф. Крузе	207
Размышления у парадного подъезда	208
«Ночь. Успели мы всем насладиться...»	212

1859

Песня Еремужке	213
О погоде. Часть первая	
I. Утренняя прогулка	216
II. До сумерек	220
III. Сумерки	225
Убогая и нарядная	229

1860

«Что ты, сердце мое, расходилося?..»	233
Знахарка	234
На Волге	236
На псарне	244
Деревенские новости	245
Плач детей	249

1861

На смерть Шевченко	251
«Что ни год — уменьшаются силы...»	252
«.....одиноким, потерянным...»	253
Свобода	254
Похороны	255
Крестьянские дети	258
«Ты как поденщик выходил...»	266
Слезы и нервы	268
Дума	270
Коробейники	272
20 ноября, 1861	292
Дешевая покупка	293

1862

Рыцарь на час	296
«Литература, с трескучими фразами »	302
Зеленый шум	303
Что думает старуха, когда ей не спится	305
«В полном разгаре страда деревенская.. »	307

1863

Кумушки	309
«Надрывается сердце от муки.. »	311
Калистрат	312
Пожарище	313
«Благодарение господу богу...»	315
Орина, мать солдатская	317
Мороз, Красный нос	321
Часть первая. Смерть крестьянина	323
Часть вторая. Мороз, Красный нос	337

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
НЕКРАСОВ

Сочинения, т. 1

Редактор *В. Болина*
Худож. редактор *И. Жихарев*
Технич. редактор *Г. Каунина*
Корректор *В. Зцаменская*

Подписано к печати с матриц 7/VII-1959 г.
Бумага $60 \times 92\frac{1}{16} = 22,5$ печ. л.
14,895 уч. изд. л. Цена 6 р. 50 к.
Тираж 275 000 (150 001 — 275 000)
Заказ № 3302.

Гослитиздат
Москва, Б-66, Н. Басманная, 19

Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Московского городского Совнархоза.
Москва, Ж-54, Валовая, 28

6p. 50K.